

Александр Аввакумов

В тени

16+

Александр Леонидович Аввакумов

В тени

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67723049

SelfPub; 2022

Аннотация

Произведение посвящено 80-ой годовщине трагической гибели 2-ой ударной армии в лесах и болотах Волхова. Кто виноват? Сталин? Маршалы и генералы? В основу сюжета произведения легли воспоминания отца, бывших солдат, мемуары командармов. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Александр Аввакумов

В тени

Письмо потомкам.

Меня убили в лесных топях под Любанью. Мы были в котле. Мы были второй ударной в сводках, но на самом деле были уже практически все мертвы. Я знал, что мне не выжить в этом аду. Шел отсчет последних часов моего земного бытия. Убили меня в бою скоротечном и последнем для многих моих товарищей. Немецкие гранадеры лавиной пошли на нас по полю, усиленные громыхающими и чадящими газолином танками. Огромная и плотная, колыхающаяся в мареве горячей травы, человеческих тел и горячего дыма догорающих танков, масса немецких пехотинцев неумолимо приближалась, зная о нашем катастрофическом положении. Нас просто закидали гранатами на расстоянии. Я успел увидеть, как масса рук взлетела почти одновременно над срезом горизонта и в следующий момент в наших окопах-ячейках пошла волна тугих разрывов. Свою «колотушку» я прозевал. Разрыв огромной силы, стесненный в узком окопе, сделал свое ужасное дело...

Но мне повезло. Мне было позволено умереть так – в отличие от моих бойцов, в массе своей добиваемых вы-

стрелами в упор и пронзенных штыками. Я стоял, навалившись грудью на бруствер, и сжимал коченеющими пальцами свой автомат. Осколки просто разорвали меня. Отброшенный в сторону взрывной волной, осев на песок в собственных произвольных испражнениях, я стеклянным, гаснущим взглядом смотрел на вывернутые перламутровые внутренности, испещренные мелкой сеточкой кровеносных сосудов, выползающие из утробы и дрожащие на холоде легким туманом. Я не пытался их подбирать. Смерть казалась освобождением от того ада, в котором мы находились последние месяцы. Багровое кровавое нутро «дымилось». Видно было, что разорвало грудину и снесло часть легкого. Не получалось дышать. Свистело где-то в животе. Огромные кровавые пузыри громоздились друг на друга при каждом моем выдохе, нагромождая очередную пузырчатую пену.

Рот мой открылся, как у покойника; так я и сидел – с текущими слюнями и кровью вперемешку. Я ничего не слышал. Кровь из разорванных перепонки залила виски и продолжала струиться, словно содержимое моей черепной коробки взболтнули и дали ему возможность истечь. Я не знал, что у меня перебиты ноги, вырвана лопатка и лицо побито мелкой металлической крошкой. Правое глазное яблоко висело на тонком шнурке органики, а глазница чернела багрово-черным провалом.

Но все это я видел уже сверху, стоя на краю окопа. Я смотрел на себя, и мне было безразлично мое состояние. Я стоял,

понурившись, и пустым взором вглядывался в себя, умирающего в обвалившемся окопе. Я же, со дна окопа, ворочал единственным глазом, пытаюсь увидеть себя там, наверху, но мне не хватало сил даже нацелить зрачок, и я так и смотрел исступленно на груду собственных внутренностей, опрокинутую, словно таз с требухой, на мои галифе. А потом солдаты вермахта спокойно и обстоятельно прошлись по окопам. Справа и слева от меня слышались отрывочные звонкие выстрелы – это добивали моих товарищей. Мой глаз чуть дернулся, это я среагировал меркнувшим сознанием на скрип песка у моих ног. Кто-то постоял возле них, гортанно проговорил что-то, засмеялся и пнул меня в старую, стоптанную подошву.

Красный огонек окурка почему-то оказался у меня на внутренностях. Он шипел, но я не чувствовал боли. Немец пошел дальше, оставив меня умирать и не обратив внимания на меня – другого, стоящего на краю окопа и смотрящего ему в стальной затылок.

А я стоял уже не один! Нас прибавлялось и прибавлялось! Масса солдат – в рваных, прожженных и бурых от грязи и крови гимнастерках, а то и голых по пояс – неудержимо росла! Мы стояли нескончаемыми шеренгами вдоль своих окопов, повторявших контуры уже не существующей линии обороны, теперь никому из нас не нужной и проклятой. Потому, что все это – в одночасье! – обрело страшный ненавистный гриф: «...пропал без вести»! Нас никто нико-

гда больше не увидит и ни о чем не спросит. Нас не обнимут и не приласкают. Нас обольют грязью и втопчут в смрад, будут изгаляться над нашими близкими, морально убивая и доводя до исступления. Мы – молчаливые шеренги, едва колышущиеся на холоде от дуновений промозглого ветра, теперь на века, не чувствующие жара лета и озноба лютых зим. Стоим и смотрим немymi взорами исподлобья...

Я грустно смотрел на себя. Сначала пошел легкий снежок и припорошил мои конечности, дубовые и почерневшие, как заледенил мою зияющую пустотой глазницу и набил в нее снежных иголок и как потом заострил лицо и вычернил кожу; как в последующие дни снег полусасыпал меня, и из-под белого покрывала торчали лишь отдельные части тела.

А потом завьюжило, замело все вокруг! Затрещали морозы... И только мы, молчаливыми шеренгами повторяли исчезнувшие изломы траншей! Мираж из человеческих силуэтов на стылом ветру. Но, мы стояли! Стояли подле мест, возле которых приняли мученическую смерть. Мы стали ангелами! Мы стали призраками! Мы стали никем и ничем...

А потом пришла весна, а за ней лето. А, потом все покатилось, словно колесо вечности! Я уже давно не вижу себя. Я уже давно стою над пластом суглинка, поглотившего меня. Я истлел, и товарищи мои истлели; но мы, все так же, непоколебимо стоим теми же прерывистыми цепями. Мы не сместились ни на шаг, как и десятилетия назад в той страшной мясорубке. Мы ждем. Ждем одинокого грибника, пону-

ро плетущегося по лесу, или веселой компании, заехавшей на автомобиле в лесочек и шумно галдящей. Ждем одного или нескольких. Мы здесь! Ну, неужели вы не видите нас? Вот же мы!..

А вы, идущие сегодня и блуждающие в поисках крепкого подберезовика, так никогда и не догадаетесь, кто же это вас обдувает и шевелит волосы, опрокидывает кузовки с ягодой, нежно касается ваших рук, шарящих в траве...

Это они – наши отцы и деды, тянут к нам свои руки в надежде, что мы их потомки придем и отдадим им последние почести, оценим их ратный труд и ужасный конец!

Стоял июнь 1941 года. Колеса поезда медленно отсчитывали километры. У окна вагона стоял лейтенант и отрешенно смотрел на лесной пейзаж, что проплывал за стеклом окна.

– Николай, что же вы не идете завтракать? – позвала офицера молодая красивая женщина лет тридцати пяти.

– Николай, – повторила она, неторопливо раскладывая на столике вареную картошку и жареную курицу, – неужели вы думаете, что я одна могу это съесть? Помогайте мне.

Он усмехнулся. Ему были приятны внимательность и настойчивость этой женщины. Казалось, ее задорная улыбка могла легко растопить не только сердце молодого офицера, но, наверное, и лед.

– Спасибо, Маргарита Николаевна. Вы меня просто раскормили за эти двое суток. Никогда я так много и вкусно не ел, но сегодня мне не хочется есть. Вы уж меня простите, Христа ради! – ответил лейтенант.

Женщина сделала обиженное лицо. Ее симпатичное личико стало таким смешным, что Николай невольно улыбнулся. Насколько он знал из ее рассказов о себе, Маргарита Николаевна была женой крупного военного начальника, который служил в Западном военном округе и занимался снабжением войск. Они ехали вместе от самой Москвы и за это время успели не только познакомиться, но и в какой-то степени подружиться.

Сам Смирнов Николай совсем недавно окончил военное пехотное училище, и был направлен для дальнейшего прохождения службы в один из гарнизонов, который дислоцировался в ста километрах от границы. Насколько он знал, часть размещалась в болотистых лесах Белоруссии и в настоящее время находилась на учениях в летних лагерях.

Он был чуть выше среднего роста, широк в плечах. Правильные черты его лица дополняли, верней, украшали большие голубые глаза, обрамленные густыми ресницами, которые всегда вызывали зависть у девушек. Заметив, что женщина нуждается в помощи, он взял в руки нож и легко разрезал курицу на две половины.

– Ох, у вас и силища, Николай, – восхищенно произнесла женщина, глядя на его руки, которые так легко и непринуж-

денно разделялись с курицей. – Вам, наверное, и подкову разогнуть ничего не стоит?

– Ничего не могу сказать об этом, уважаемая Маргарита Николаевна. У вас просто прекрасный нож, вернее, сталь, из которой он изготовлен.

– Вы правы, нож действительно хорош. Его подарил мне муж после командировки в Германию. Вы знаете, муж всегда восторгался немцами – это нация, которая умеет делать хорошие, качественные вещи.

«Почему она сказала мне об этом? – подумал Николай. – Что это: попытка еще раз прощупать меня или просто женская болтливость? Жене крупного армейского руководителя нужно следить за своими высказываниями, ведь она не знает, кто я!»

– В Германии сейчас фашисты, – как бы, между прочим, ответил ей Смирнов. – Они подмяли Европу и сейчас находятся по ту сторону границы.

Маргарита Николаевна оторвала взгляд от стола и внимательно взглянула на него.

– Скажите, вы тоже считаете, что будет война? Мой муж почему-то не верит во все эти слухи. Если бы они были враждебно настроены против нас, то не стали бы заключать Пакт о ненападении. Разве я неправа?

Николай не ответил. Ему не хотелось дискуссировать на тему войны. В Москве, на вокзале, когда он ждал своего поезда, ему в руки случайно попала газета «Правда», где вни-

мание привлекло небольшое сообщение об очередном аресте генералов:

"В период с 4 по 12 июня 1941 года, за деятельность, направленную на подрыв боеспособности Красной Армии, органами НКВД были арестованы: начальник Управления кадров ВВС генерал-майор В.П. Белов, генерал-майор авиации А.А. Левин, генерал-лейтенант авиации, начальник Главного управления авиационного снабжения П.А. Алексеев».

Эта небольшая заметка оставила у него в душе какой-то неприятный осадок. Буквально перед окончанием училища, где учился Смирнов, органами НКВД были арестованы начальник училища и его заместитель по строевой подготовке. Их обвинили в заговоре, но по училищу ходили упорные слухи, что их арест был связан с тем, что они в свое время служили вместе с маршалом Тухачевским. Все эти разговоры резко пресекались новым командованием училища!

Еще тогда, на вокзале, Николай, пытался понять, за что был арестован его бывший начальник, с сыном которого он учился, в доме которого он часто бывал. Ведь буквально за месяц до ареста, тот был награждён вторым орденом Боевого Красного Знамени, но не находил ответа! Вскоре после ареста из рядов училища был отчислен, а затем арестован и его друг Андрей. Тогда Смирнов обратился к начальнику Особого отдела училища, но тот от души посоветовал ему поскорее вычеркнуть их имена из памяти.

– Что с вами, Николай? – спросила Маргарита Николаев-

на, заметив, что он о чем-то задумался.

– Так, ничего... Пойду, покурю...

Смирнов вышел в тамбур и, достав из кармана папиросы, закурил.

Солнце висело в зените и нещадно палило лучами улицы Минска. Было жарко и душно. Асфальт буквально плавился под ногами прохожих, оставляя на серо-черной поверхности отпечатки сотен следов. Среди пестрой одежды прохожих, выходящих из здания вокзала, особо выделялась полевая форма военных. Военных было много: артиллеристы, танкисты, летчики, саперы. Смирнов посмотрел на большие вокзальные часы, они показывали начало десятого утра. Подхватив чемодан с личными вещами, он направился к выходу.

Зайдя в спасительную тень под аркой большого дома, Смирнов поставил на землю чемодан и закурил, достав из кармана галифе пачку «Беломора». Курить Николай начал совсем недавно, а потому стеснялся делать это на улице. Сняв с головы фуражку, он вытер вспотевший лоб. Еще до отъезда в Минск, он связался по телефону с начальником штаба дивизии, который пообещал прислать за ним машину. Загасив папиросу, он направился в ближайшую комендатуру, где объяснив ситуацию, попросил дежурного связаться с частью.

– Вот что, Смирнов, – произнес дежурный офицер, – ма-

шина за вами прибудет лишь к шести часам вечера. У вас еще много времени, и я советую вам погулять по городу. Сходите в парк, покушайте мороженое.

Поблагодарив его, Николай вышел из комендатуры. Солнце словно мстило людям, раскаляя стены домов и асфальт дорог.

«Может, действительно сходить в парк, – подумал Николай. – Только где этот парк? Да и тащиться туда по такой жаре, не слишком приятное занятие».

Он снова взглянул на часы, но стрелки словно прилипли к циферблату.

«Пройдусь немного: посмотрю город», – решил Смирнов и зашагал по улице.

– Товарищ лейтенант, предъявите документы, – остановил его офицер из комендантского патруля.

Николай, молча, достал документы и протянул их капитану.

– Смирнов Николай Иванович, – произнес капитан вслух и внимательно посмотрел на стоящего перед ним военного.

– Куда следуете, товарищ Смирнов?

– В документах все указано, товарищ капитан, – сухо ответил Смирнов.

Капитан снова взглянул на него.

– Вы правы, товарищ лейтенант, в документах все указано; но на вопрос старшего по званию командира нужно отвечать кратко и четко! Может, вас этому не научили в учи-

лице?

– Виноват, товарищ капитан! Направляюсь в расположение части, которая, как мне стало известно, находится в летних лагерях.

– Как же вы собираетесь туда добраться?

– На автомашине, которая должна меня ожидать в восемнадцать часов на железнодорожном вокзале.

Капитан, молча, возвратил документы и, козырнув, направился дальше.

– Извините, товарищ лейтенант. Вы не подскажете, где находится железнодорожный вокзал? – обратилась к Николаю проходящая мимо девушка.

Он взглянул на нее, моментально отметив про себя: темно-русые волосы, большие голубые глаза, и невольно улыбнулся:

– Подскажу. Я тоже иду на вокзал и готов вас проводить.

Щеки девушки вспыхнули. Она не ожидала подобного приглашения и сейчас, просто растерялась, не зная, что ответить.

– Девушка, давайте, я вам помогу, – продолжил Николай и взял из ее рук довольно тяжелый чемодан. – Как же вы с ним справлялись? Что в нем?

Вопросы военного окончательно смутили девушку. Она снова вспыхнула и тихо произнесла:

– Мои вещи. Я еду в Москву: поступать в медицинский институт. Вот мне матушка и наложила в чемодан продуктов

на дорогу.

– Заботливая у вас мама. А я, представьте себе, не помню свою мать. Она умерла от тифа, когда я был совсем маленьким. Сначала меня воспитывала тетка, а после ее смерти я попал в детский дом, там и вырос.

Девушка снова взглянула на Николая и, стараясь побороть смущение, спросила:

– А вы в отпуск едете? Я смотрю, у вас тоже в руках чемодан?

– Нет, к месту службы. После училища меня направили сюда, в часть. А сегодня узнал, что часть в лагерях. Вот и направляюсь на вокзал, где меня будет ждать машина. Скажите, как вас зовут, а то неудобно как-то без имени.

– Корнилова Нина, – произнесла девушка и протянула Николаю свою маленькую ладошку.

– Смирнов Николай, – улыбаясь, представился он и, поставив чемоданы на землю, пожал ей руку.

Ее ладошка просто утонула в его большой и сильной руке. Ладонь Нины была слегка влажной и мягкой.

«Волнуется, – подумал он. – Красивая девушка, в такую, как она, грех не влюбиться».

За разговором они не заметили, как дошли до вокзала.

– Вот и пришли, – тихо произнес Николай. – У вас во сколько поезд?

Корнилова взглянула на часы, висевшие на стене вокзала.

– Через сорок минут....

Они остановились в тени здания и стали прощаться.

– Можно, Нина, я вам напишу? – спросил ее Смирнов. –

Вы знаете, очень приятно, когда кто-то вам пишет, ждет...

– А куда вы мне напишете, если я не знаю, где остановлюсь в Москве?

– А я вам напишу на Главпочтамт, до востребования. Фамилию я вашу знаю. Вот так и напишу – Корниловой Нине.

Щеки девушки вновь налились румянцем.

– Напишите, я вам обязательно отвечу. Скажите только номер части.

Он назвал номер части, пожал ей руку и направился к ожидавшей его грузовой автомашине, подле которой стоял водитель и махал рукой. Забросив чемодан в кузов, он достал папиросу и закурил.

– Садитесь в кабину, товарищ лейтенант, – предложил ему водитель, – в кабине удобнее.

– Спасибо, я в кузове поеду.

Машина медленно тронулась. Николай попытался отыскать в людском потоке фигуру Нины, но она словно растворилась в этом человеческом море. Он улыбнулся и повалился на груды матрасов, которыми был заполнен кузов полуторки.

Николай лежал на матрасах и смотрел в яркое голубое небо. Солнце медленно скрывалось за верхушками деревьев.

Дорога шла через лесной массив и если бы не легкий ветерок и не равномерное урчание автомобильного мотора, можно было бы подумать, что полуторка плывет среди зарослей берез и елей. Лейтенант поднял голову над бортом грузовика, и в этот самый миг раздался выстрел. Пуля, сбив фуражку с головы Николая. Он машинально втянул голову в плечи. Вторая пуля прошила борт автомобиля и застряла в матрасе. Полуторка увеличила скорость и буквально вылетела из зоны обстрела. Проехав еще с километр, автомобиль съехал с дороги и остановился под старой сухой березой.

– Как вы, товарищ лейтенант? – спросил водитель. – Не зацепило?

– Нет, пронесло. Что это было?

– Да националисты местные балуют, – спокойно ответил шофер. – На той неделе бойца из соседней части вот так застрелили!

– Неужели, их нельзя выследить и уничтожить? Странно это как-то.

– Не знаю, товарищ лейтенант, – коротко отрубил водитель. – Для этого существует НКВД, есть Особый отдел в дивизии. Пусть они и ловят их, а наше дело – баранку крутить!

Николай достал папиросы и закурил. Он мысленно представил гибель солдата, и ему стало как-то не по себе. Руки его предательски задрожали, а между лопаток пробежал холодок. Ему вдруг стало жалко бойца, нашедшего смерть в этом белорусском лесу. Смирнов поднял лежавшую в даль-

нем углу кузова фуражку и стал с интересом рассматривать в ней дырку. Пуля угодила прямо в красную звезду, которая была закреплена на околыше.

«Повезло тебе, парень, – подумал он. – Сантиметра на два пониже – и он бы тебя убил. Хорошо стреляет, наверное, охотник или снайпер».

– Поехали, – приказал он водителю и полез обратно в кузов полуторки.

– Товарищ лейтенант, может, сядете в кабину: не дай бог что случится!

– Если мне суждено погибнуть здесь, то какая разница, где это случится в кузове или в кабине? От судьбы не уйдешь!

Машина тронулась и снова затряслась по разбитой дороге. Минут через сорок они добрались до летних лагерей. На большой поляне среди соснового бора рядами стояли палатки.

– Командир полка у себя? – спросил Николай часового.

– Его нет. Все начальство утром уехало в Минск и еще не вернулось. В штабе лишь дежурный офицер, товарищ лейтенант.

Часовой козырнул Смирнову и указал на палатку, в которой размещался штаб полка. Николай подошел к палатке и остановился, явно разволновавшись. Наконец, одернув гимнастерку, он вошел внутрь.

– Товарищ майор, разрешите обратиться, – произнес Николай не вполне уверенным голосом. – Лейтенант Смирнов!

Прибыл для прохождения службы!

Он протянул свои документы и стал ждать ответа. Майор внимательно ознакомился с бумагами и, отложив их в сторону, встал из-за стола.

– Майор Иволгин, – представился он и, сделав небольшую паузу, продолжил. – Иван Константинович. С прибытием в часть, товарищ Смирнов.

– Спасибо, товарищ майор.

– Не вовремя ты приехал, лейтенант. Командир полка, комиссар и начальник штаба сейчас находятся в Минске. Их на два дня собрал генерал – армии Павлов. Слышал о таком?

– Так точно, товарищ майор. Кто ж не знает Героя Советского Союза генерала Павлова?

Майор усмехнулся. Ему нравился этот молодой лейтенант.

– Вот что, Смирнов, пока отдыхай. Приедут командиры – они и решат, куда тебя направить. Сейчас найдешь заместителя командира полка по тылу, он тебя определит на это время. Он как раз у себя, третья палатка от леса. Думаю, не заблудишься...

В палатку вошел офицер, на малиновых петлицах которого была одна «шпала». Он с интересом посмотрел на новенького и произнес:

– Пополнение? Это хорошо; а вот мне все обещают, да обещают. Может, пока он поработает у меня, а там будет видно?

Майор внимательно посмотрел на Смирнова, затем перевел взгляд на сотрудника Особого отдела.

– Ну как, Смирнов, сможешь сотрудникам Особого отдела полка?

– Помогу, товарищ лейтенант госбезопасности.

– Значит, договорились, с этой минуты поступаешь в распоряжение лейтенанта Говорова. Желаю успехов, Смирнов.

– Спасибо, товарищ майор.

– Тогда поехали, – произнес Говоров и вышел из палатки.

Вслед за ним вышел и Смирнов.

– Слушай, лейтенант, меня зовут Геннадием Степановичем, – обратился к нему Говоров. – Это так, на всякий случай.

Он протянул Николаю руку, и они обменялись крепким рукопожатием.

– Смирнов, а что у тебя с фуражкой? Опять этот снайпер! Повезло тебе: он стреляет хорошо, мог и убить...

Они сели в машину и, минуя часового, выехали за пределы лагеря.

Смирнов постучал в дверь кабинета Говорова и, не услышав ответа, толкнул ее. Кабинет был пуст. Стол чекиста был абсолютно чист: ни папок, ни единого листочка. Еще обучаясь в военном училище, Николай хорошо усвоил одну прописную истину – стол руководителя всегда должен быть чи-

стым! Поработал с документом, убери его в сейф или сдай обратно в канцелярию!

«Интересно, где Говоров, – подумал Николай. – С минуту назад приказал зайти к нему, а сам куда-то вышел».

– Не стой в дверях, Смирнов, – услышал он за спиной голос Геннадия Степановича.

Говоров был всего лет на пять постарше Николая, но, судя по уверенности, которая чувствовалась в каждом его движении, ощущал себя на этой должности вполне нормально.

– Присаживайся, Смирнов, – предложил чекист и, пройдя к окну, плотно затворил форточку.

Николай осторожно опустился на крепко сколоченный табурет. Прежде чем начать разговор, Говоров внимательно взглянул на своего временного помощника. Несмотря на непродолжительное знакомство, ему нравился этот молодой симпатичный лейтенант.

– Вот что, Николай. Сегодня утром я был в городе, где встретился со своим человеком. По его словам, этой ночью немцы должны выбросить на парашютах группу диверсантов. Сколько их будет – неизвестно. Думаю, нам следует опередить местных националистов, встретить этих неожиданных гостей и по возможности задержать, а в худшем случае – уничтожить. Как ты считаешь, мы сможем это сделать вдвоем или мне звонить в Округ?

Смирнов задумался. Он еще никогда не принимал участие в подобных мероприятиях и сейчас не спешил с ответом, бо-

сь вызвать у Говорова улыбку.

– Геннадий Степанович, я думаю, мы сможем обойтись своими силами. Главное в этом деле – неожиданность, а для этого нужно организовать засаду. Думаю, что отделение бойцов в состоянии решить эту проблему.

– Что ж, другого ответа я от тебя не ожидал. Выдвигаемся в двадцать два часа; а сейчас иди в комендантскую роту: отбери красноармейцев; получите оружие и боеприпасы. О готовности доложить через три часа.

Смирнов взглянул на перекидной настольный календарь, который стоял на столе Говорова. Тот перехватил взгляд Николая.

– Сегодня у нас пятница, двадцатое июня 1941 года

– У меня в этот день семнадцать лет назад умерла мама.

– Понимаю, Смирнов. Но служба есть служба! Иди, готовь группу.

Смирнов вышел из кабинета и, не спеша, направился в казарму, в которой размещалась комендантская рота.

Корнилова Нина сидела за столом в небольшой комнатке общежития и читала учебник по биологии. Она буквально выучила его наизусть и считала, что обязательно сдаст экзамен и ей не придется возвращаться в Минск. Дверь комнаты широко распахнулась, и в помещение впорхнули две молоденькие девушки в светлых летних платьях.

– Нинка, что ты застыла над учебником? Сколько можно так сидеть? Пошли на танцы! Толик говорил, сегодня придут его товарищи по военному училищу.

– Не знаю, девчата... Скоро экзамены, нужно готовиться!

– Да брось ты, Нина. До экзаменов целых десять дней, еще успеешь подготовиться. Ты и так все знаешь, не то, что мы!

Через два часа девчонки были уже в парке имени Горького. Жара спала, и парк просто благоухал цветами. Подруги шли по аллее, громко разговаривая и смеясь. Молодые ребята провожали их восхищенными взглядами и пытались познакомиться, но девушки отделялись шутками.

– А вон и наши защитники, – произнесла Полина, девушка с черными как смоль волосами.

Ее большие глаза, словно жгучие угольки, сверкали из густых длинных ресниц.

– А Толик-то, Толик так и пожирает тебя глазами, Полина.

Девушки засмеялись и подошли к ожидавшим их курсантам.

– Здравствуйте, мальчики, – поздоровалась Полина. – Кого ждем?

– Вас, девушки, и ждем, – ответил Толик. – Давайте, знакомиться. Это мои друзья: Владимир и Григорий.

– А это мои подруги: Нина и Галина. Правда, красивые девушки?

Ее вопрос смутил курсантов. Владимир сразу покраснел, а Григорий отвернулся в сторону.

– Тогда пойдёмте на танцплощадку, – предложила Полина. – Люблю танцевать...

Все направились к танцплощадке. Рядом с Ниной шел Владимир. Он попытался взять ее под локоть, но она отстранила его руку.

– Володя, не нужно этого делать. У меня есть жених, который остался в Минске. Он тоже военный. Я дала ему слово, что не буду ни с кем знакомиться!

– Что вы, Нина. Я просто так, – произнес он, краснея, как девушка.

– Вот и хорошо, Володя. Так будет честнее...

Она в какой-то момент поняла, что придумала все это прямо на ходу, что никому и ничего никогда не обещала, но нужно было держать марку! В этот миг она вспомнила про лейтенанта Смирнова, с которым познакомилась перед отъездом в Москву.

«Интересно, написал он мне письмо или нет? – подумала девушка. – Завтра непременно зайду на почту и поинтересуюсь. Впрочем, о чем это я, ведь завтра у нас воскресенье».

Она посмотрела на Владимира и неожиданно для него попросила его пригласить ее на танец. Они закружились в вальсе, и Нина в очередной раз почему-то представила, что танцует не с Владимиром, а с Николаем, который придерживая правой рукой за талию, уверенно вел ее в танце.

«Почему я все время думаю о нем? – подумала Нина. – Ведь мы с ним едва знакомы. Я даже не знаю, женат он или

нет».

Музыка стихла. Владимир довел ее до скамеечки и присел рядом с ней.

– Нина, вы мне очень нравитесь. Жалко, что у вас есть жених, – произнес он и снова покраснел. – Вы, красивая девушка, и я, танцуя с вами, невольно позавидовал ему.

Нина промолчала. В этот момент она не знала, что ответить этому парню, одетому в форму курсанта. Сказать, что она пошутила, ей не хотелось, но и больше врать ей тоже было трудно.

– Володя, а разве нельзя просто дружить: уважать друг друга, помогать?

– Можно, – тихо отозвался он.

– Вот и давайте просто дружить.

Оркестр заиграл вальс «На сопках Манчжурии», и Владимир снова пригласил ее на танец.

Ночь не принесла ожидаемой прохлады, было по-прежнему жарко и душно. Смирнов лежал в высокой траве, прислушиваясь к лесному шуму. Рядом с ним, метрах в десяти от него, лежал Говоров. Хутор, о котором говорил ему чекист, находился рядом с ними. В свете полной луны отчетливо были видны дом и дорога, идущая от леса. В звенящей тишине ночи было слышно, как иногда, почувствовав кого-то, во дворе дома громко лаяла собака.

– Товарищ Говоров, вы слышите? – шепотом спросил Смирнов. – Как будто, движется телега.

Откуда-то из темноты доносилось позвякивание сбруи.

– Без моей команды не стрелять! – предупредил Геннадий Степанович.

Это приказание моментально пролетело по цепочке лежавших в траве бойцов. Скрип колес телеги то пропадал, то снова усиливался, и сейчас уже все понимали, что по дороге движется подвода, нагруженная чем-то тяжелым. Напряжение достигло апогея, когда из темноты леса показалась повозка, около которой шли четверо мужчин вооруженных винтовками.

– Нужно успеть выложить костры к четверем утра, – произнес один из них, одетый в пыльник. – Будем ждать груз.

– Разве, это проблема, Клим? – ответил тот, что был повыше остальных, и поправил ремень винтовки. – Прохор, наверняка, уже заготовил для этого хворост.

– Посмотрим. Он еще неделю назад жаловался на здоровье. Поэтому нужно успеть сделать все, что нам приказали.

Группа прошла метров сто и укрылась в тени придорожных кустов.

– Сходи, посмотри, что в доме, – раздался из темноты голос Клима.

– Почему я? – встревожено произнес кто-то из мужчин.

– Потому, что это не просьба, а приказ, – в голосе Клима ясно звучали металлические нотки. – Мне что, повторять

дважды?

К дому метнулась тень, которая быстро растворилась в темноте. Прошло минут двадцать, прежде чем послышался крик филина. Как ни странно, собака, охранявшая дом, ни разу не тьякнула.

«Видимо, собака признала в нем своего», – подумал Смирнов.

От кустов отделилась телега и двинулась в сторону мазанки. Группа мужчин подошла к дому и стала быстро разгружать подводу. Из дома вышел хозяин в белом нижнем белье.

– Все готово? – спросил его Клим и поправил капюшон своего пыльника.

– Да, я все приготовил, как вы велели, – ответил хозяин дома.

– Тогда показывай, где это.

Мужчина скрылся в избе и вскоре вышел уже одетый, с винтовкой за спиной.

– Я готов, – произнес хозяин. – Пошли.

Все двинулись в сторону большой поляны неподалеку от хутора. Раньше ее использовали под посевы картофеля, но после того, как область вошла в состав СССР, потребность в выращивании картофеля для продажи отпала, и сейчас, поле заросло чертополохом и бурьяном.

– Вон там валежник, – пояснил мужчина, указав рукой на кромку леса.

Все направились к лесу. В этот момент Говоров дал ко-

манду и группа красноармейцев, используя темноту, двинулась за националистами.

– Раскладывайте вон там, там и там, – приказал Клим. – Времени почти нет! Что возитесь, словно беременные?!

Разложив сушняк в три кучи, мужики присели у небольшой копны сена. Вскоре на западе раздался шум авиационного мотора, который нарастал с каждой минутой.

– Летит, поджигай! – раздалась команда Клима.

Мужики вскочили и бросились к валежнику. Через пару минут на поляне вспыхнули три костра, выложенных в одну линию. Вскоре, над головами притаившихся красноармейцев закружил самолет.

– Товарищ Говоров, – толкнул его в бок Смирнов, – что будем делать?

– Ждать, лейтенант. Удача приходит к тому, кто умеет ждать.

В черном небе, словно куски ваты, покачиваясь из стороны в сторону, медленно опускались белые купола двух парашютов.

Парашютист быстро «загасил» купол своего парашюта и снял его. Затем сложил руки домиком и трижды прокричал филином. Его тут же окружили националисты.

– С прибытием, – поздоровался Клим.

– Здравствуй. Нужно срочно найти грузовой парашют.

Там оружие и взрывчатка.

Националисты бросились в сторону леса, оставив парашютиста и Клима одних.

– Как там за кордоном? Долго еще ждать?

– Там все нормально! – заверил парашютист, стаскивая комбинезон.

Стянув его, он расправил на себе форму офицера Красной Армии.

– Ну, как, похож? – коротко спросил он Клима.

– Внешне да. Если у вас все так же хорошо с документами, думаю, вопросов не будет.

Где-то в тишине раздались приглушенные голоса. Вскоре из глубины леса показались три мужские фигуры, тащившие парашют и тяжелый вещевой мешок. Они забросили мешок в телегу и в ожидании очередного приказа, посмотрели на Клима. Неожиданно парашютист вытащил из кобуры пистолет и уставился на кусты, за которыми скрывались красноармейцы.

– Ты больше никого с собой не привел? – спросил он Клима.

– Господь с вами, кого я мог привести?!

Николай взглянул на часы и посмотрел на Говорова. Но тот молчал, и это молчание было столь тягостным, что Смирнов готов был вскочить на ноги и бежать в сторону диверсантов, не дожидаясь приказа.

– Что-то случилось? – спросил парашютиста Клим. – Ты

весь напрягся.

– Там кто-то в кустах, – ответил диверсант.

Николай понял, что засада обнаружена. Он передернул затвор пистолета.

– Сдавайтесь, вы окружены! – выкрикнул Говоров. – Сопротивление бесполезно!

Утреннюю тишину леса разорвала автоматная очередь, затем другая. Мужчина, направлявшийся в их сторону, взмахнул руками и повалился на землю, пропахшую разноцветьем трав. Бандиты открыли беспорядочный огонь по кустам. Рядом с Николаем зарокотал ручной пулемет, прижавший бандитов к земле.

С каждой минутой на поляне становилось все светлей и светлей. Под прикрытием огня националистов, парашютист начал медленно отползать в сторону хутора. Огонь пулемета отсек его от дома. В какой-то момент стрельба стихла. Каждая из сторон ждала, что предпримет противник.

– Сдавайтесь, вы окружены! Сопротивление бесполезно! – снова закричал Говоров.

Диверсант и бандиты молчали. Они хорошо понимали, что пройдет еще полчаса и станет совсем светло. И это было равносильно смерти, ведь они находились на открытом пространстве, простреливаемом со всех сторон.

– Сдавайтесь! – громко выкрикнул Смирнов.

В ответ прозвучала автоматная очередь. Пули впились в ствол вековой сосны, за которой укрылся Николай, так, что

несколько крупных щепок отлетели в сторону.

– Вавилов, возьмите трех бойцов и обойдите их слева! – приказал сержанту Говоров.

Укрывшись за кустами, бойцы начали обходить диверсантов с фланга. Время шло, а диверсанты молчали. Николай терялся в догадках, с чем это было связано и кто кого обходит по флангам. Он посмотрел на часы: оказывается, прошло чуть больше пяти минут, а ему они показались вечностью! Наконец с фланга по диверсантам снова ударил пулемет...

– Не стреляйте, – послышался голос Клима. – Мы сдаемся!

– Бросайте оружие и медленно поднимайтесь!

С земли поднялись трое и подняли вверх руки.

– Отделение, взять всех на прицел! – приказал Говоров и направился в сторону диверсантов.

– Вавилов, соберите оружие! – скомандовал сержанту Смирнов.

Погрузив в подводу убитых бандитов и оружие, бойцы направились в сторону леса, где их ожидала полуторка.

Подвода медленно ползла по дороге.

– Лейтенант, – обратился к Николаю парашютист. – Я хочу поговорить с твоим начальником.

– Доставим вас в часть, там и поговорите.

– Смирнов! Ты это о чем шепчешься с диверсантом? –

спросил Николая Говоров. – Ты знаешь, что вести разговоры с арестованными запрещено!

– Не знаю, Геннадий Степанович, я в конвойных войсках не служил! Он с вами хочет поговорить....

Говоров подошел к диверсанту.

– Так о чем вы хотели со мной говорить?

Тот бросил взгляд на Смирнова, как бы прося его отойти в сторону.

– Я офицер немецкой армии Ханс Хозер. Я лейтенант, служу в Абвере.

– И что?

– Я военнопленный, а не диверсант. Вы должны относиться ко мне иначе, чем к ним!

– Если это так, то почему вы оказались на нашей территории, ведь мы не воюем друг с другом? А, как же Пакт о ненападении?!

Диверсант засмеялся, посмотрев на Говорова, как педагог на школьника.

– Похоже, вы никогда не служили в разведке и не представляете, для чего подписываются подобные документы. Для победы многого не нужно, главное, чтобы враг поверил, что ты ему друг!

Говоров усмехнулся. Он начинал службу, как контрразведчик, и хорошо понимал, для кого и зачем был подписан этот межправительственный договор.

– На эту тему мы с вами поговорим в другом месте, – от-

ветил Говоров...

Смирнов сидел в палатке и подшивал свежий подворотничок к гимнастерке.

– Давай, заканчивай! – поторопил его заглянувший в палатку Говоров. – Нас с тобой командир полка вызывает!

Николай перекусил зубами нитку и быстро натянул на себя гимнастерку. Надев ремень, он направился вслед за Геннадием Степановичем. Командир полка подполковник Истомин сидел за столом и с кем-то разговаривал по телефону. На большом столе, покрытом зеленым сукном, лежала развернутая карта. Лицо подполковника было сосредоточенным, похоже, он разговаривал с кем-то из больших начальников. Бросив взгляд на вошедших командиров, он, молча, указал им рукой на стулья. Наконец он закончил говорить и положил трубку на рычаг телефона.

– Штаб дивизии, – словно оправдываясь перед ними, произнес Истомин. – Я только что передал им показания задержанного вами диверсанта. Не буду лукавить, в штабе очень озабочены складывающейся оперативной обстановкой. Несколько часов назад, пограничники задержали немецкого перебежчика, который утверждает, что немцы завтра утром начнут наступление.

Он замолчал и внимательно посмотрел на Говорова.

– А что, если это провокация? – не согласился чекист. – Не могут же они напасть на нас без объявления войны! Завтра – воскресенье, значит, если и начнут, то в любой другой день.

Воскресенье и у немцев, воскресенье!

– Вот и я так подумал. Директивы из Москвы нет, а инициатива сейчас наказуема. Отдашь приказ и уедешь надолго валить лес в Магадане!

– Правильно рассуждаете, товарищ подполковник. Коли нет приказа, так и не нужно дергаться!

Командир полка перевел взгляд с Говорова на Смирнова.

– Как новенький?

– Хороший командир, – ответил Говоров. – Оставьте его у меня, товарищ подполковник, мне нужны люди!

– Ничем помочь не могу! У меня свои планы на этого лейтенанта.

Он посмотрел на Николая. Тот поднялся и вытянулся по стойке смирно.

– Готов служить там, где прикажете, – голос Николая дрогнул от напряжения.

– Примете роту старшего лейтенанта Гацука. Он в понедельник уезжает в Москву. А, сейчас, отдыхайте, вы свободны.

– Есть принять роту, – счастливым голосом ответил Смирнов.

Николай вышел из кабинета подполковника и направился к палаткам.

Смирнов проснулся от нарастающего гула, который доно-

сился с запада. Звук был таким мощным, что на столе завибрировала кружка. Николай вылез из палатки и невольно посмотрел на небо, в котором волна за волной летели немецкие бомбардировщики в сопровождении юрких истребителей. Где-то на востоке загрохотало; Смирнов не сразу понял, что это рвались бомбы.

Кто-то ударил в кусок металлического рельса, висевшего у столовой.

– Тревога! Тревога! В ружье!

Но было уже поздно. Немецкие самолеты, выстроившись в боевой порядок, устремились на военный городок. Взрывная волна, отбросила Николая в сторону. Он упал и потерял сознание. Очнулся он, оттого что кто-то тряс его за плечи.

– Товарищ лейтенант! Поднимайтесь! – услышал он голос Вавилова.

Голос сержанта был неузнаваемо глухим и доносился как бы из-под земли. Николай пошевелил руками, затем ногами и лишь после этого поднялся с земли. Метрах в тридцати от него догорала палатка командира полка, возле которой зияла большая глубокая воронка...

– Вавилов, собери всех, кто остался в живых. Не могли же все погибнуть!

Сержант козырнул и побежал в сторону клуба. Смирнов с трудом, шатаясь, словно пьяный, направился к уцелевшей палатке. Спавший на койке напротив старший лейтенант Гაცук, был мертв. Осколок авиабомбы снес ему половину че-

репа. Николай натянул на себя гимнастерку, проверил в карманах документы и, прихватив с собой полевую сумку убитого ротного командира, вышел из палатки.

Перед палаткой стояли красноармейцы, их было около сотни.

– Вавилов, а где командиры? Не могли же они все погибнуть от налета?!

– Товарищ лейтенант, многие из них вчера уехали в город. Два командира ранены. Остальные убиты!

– Выходит, я остался один! Раз так, стройся! – скомандовал Смирнов.

Через минуту бойцы построились на изрытом воронками плацу.

– Вскрыть склад с оружием и боеприпасами! – приказал Николай. – Бойцам получить оружие!

– Извините, товарищ лейтенант, но я не могу вскрыть склад без приказа командира полка, – запротестовал командир хозяйственного взвода.

Смирнов смерил его взглядом и, указав рукой на догорающую палатку, предложил старшему сержанту спросить разрешение у убитого командира.

– Что же вы стоите? – усмехнулся он. – Или вы немедленно откроете склад, или я вынужден буду арестовать вас и расстрелять на месте!

Через несколько минут лагерь опустел. Идти по дороге было опасно, немецкие самолеты атаковали все, что по ней

двигалось на восток. Они прошли километра четыре, пока не встретили роту красноармейцев, рывших окопы по бокам от дороги.

– Лейтенант, это ваши люди? – обратился к нему капитан с черными петлицами на гимнастерке.

– Так точно, товарищ капитан. Следую в распоряжение полка.

– Какого полка? Ты что еще не понял, лейтенант? Началась война! Война! Я командир саперного батальона, вернее, того, что от него осталось. Мне приказали организовать здесь оборону, не пропустить немцев в Минск. Это сейчас самое главное, задержать их, не дать им развить успех. Ты хоть это понимаешь?!

– Не знаю, товарищ капитан. Я должен прибыть в полк и там получить приказ.

– Да я тебя сейчас прямо здесь расстреляю за невыполнение приказа старшего начальника! Ты меня понял, лейтенант?! Раз понял, доложи, кто и откуда.

– Остатки второго батальона 613 стрелкового полка. Остальные остались в лагере.

– Немцы в тридцати километрах. Думаю, часа через три они будут здесь!

– Понятно, – ответил Смирнов.

– Вавилов! – окликнул он сержанта. – Занять оборону!

Бойцы начали быстро рыть окопы и организовывать огневые точки.

Над головами красноармейцев, почти касаясь верхушек деревьев, пронеслись два «Юнкерса». Самолеты стремительно набрали высоту и, зайдя со стороны солнца, понеслись к земле. Бомбы упали в стороне от позиций, занимаемых бойцами Смирнова. Сделав еще один заход, самолеты улетели.

– Кажется, пронесло, – услышал Николай голос у себя за спиной...

Позади него стоял Вавилов и по-детски улыбался, сверкая жемчужными зубами.

– Почему не в окопе? – строго спросил его командир.

– Да от кого прятаться-то? Дорога пуста, никого нет, товарищ лейтенант.

Смирнов хотел что-то сказать в ответ, но со стороны дороги послышался звук моторов.

– Что это?

– Немцы, Вавилов, немцы, – произнес Николай и прыгнул в воронку.

Вавилов быстро побежал на фланг обороны и сходу упал в выкопанный им окоп. На дороге показались немецкие мотоциклисты, их было около двух десятков. Словно предчувствуя засаду, гитлеровцы остановились на дороге. Наконец последовала команда, и мотоциклисты двинулись дальше. В небо взлетела красная ракета, и в тот же миг по гитлеровцам ударил шквал огня, опрокидывая все на своем пути.

Это была ошибка, часть мотоциклистов сумела развернуться, и устремилась обратно, оставив на дороге лишь несколько уничтоженных мотоциклов, да с десятков убитых и раненых солдат. Стрельба прекратилась; только крики раненых немецких солдат раздавались на дороге...

В воздухе слышался вой падающих на позиции русских мин. Взрывы вырывали из земли молодые березки, осколки секли кустарник, засыпая землей бойцов, находившихся в окопах. Обстрел продолжался минут двадцать, а затем на дороге показалось несколько бронетранспортеров и легких танков. Они развернулись и направились в сторону позиций красноармейцев. Когда между танками и окопами осталось метров пятьдесят, из ближайшего от Смирнова окопа выскочил боец и бросился бежать. Он успел пробежать метров десять, прежде чем очередь немецкого пулеметчика срезала его. Вслед за ним из окопов стали выскакивать отдельные бойцы. Бросая винтовки, они устремились к ближайшим кустам.

Николай метнулся в пустующий окоп и, прижав к плечу приклад ручного пулемета, открыл огонь по немецким пехотинцам, выскакивающим из кузовов бронетранспортеров. Заметив это, один из легких танков направился к нему. Смирнов нащупал рукой связку гранат и положил ее рядом с собой. Из соседнего окопа выбрался боец и короткими перебежками устремился в сторону танка. То ли танкисты не заметили его, то ли он оказался в «мертвой зоне» пулеметчи-

ка, но бойцу удалось приблизиться к танку метров на пятнадцать. Он размахнулся и швырнул в танк противотанковую гранату. Раздался сильный взрыв, накрывший и бойца. Он упал в траву и попытался отползти в сторону, но гусеницы другого танка буквально вдавили его в землю.

Смирнов швырнул связку гранат и упал на дно окопа. Он ощутил всем телом, как содрогнулась почва. На голову посыпались комья земли. Николай выглянул из окопа. В метрах в десяти от него, пылал подорванный им танк. Остальные танки повернули обратно, выплевывая из себя черные клубы выхлопных газов.

– Живые, товарищ лейтенант? – улыбаясь, спросил его скатившийся в окоп Вавилов. – Здорово вы его гранатой!

– Жив, сержант, – ответил Николай. – Как остальные?

– Капитан погиб, часть разбежалась. Может, и нам снижаться?

– Без приказа нельзя, сержант! Будем держаться до последнего патрона! Подсчитай, сколько нас осталось в живых...

Больше немцы в тот день не атаковали. Утром стало известно, что они обошли стороной этот участок дороги, оставив сопротивляющихся бойцов у себя в тылу.

Дорога, по которой двигалась группа, была изрыта воронками от бомб. Сильно пахло кровью и горелым мясом. То

тут, то там на обочине валялись трупы домашних животных. Метрах в тридцати от дороги лежала лошадь с перебитой ногой; она ржала от боли и все время порывалась подняться с земли, но ей это не удавалось.

– Котов! – окликнул красноармейца Николай. – Добейте животное, вы же видите, как оно мучается.

Боец передернул затвор винтовки и направился к лошади. Он долго стоял, не решаясь сделать выстрел.

– В чем дело, Котов? Животное добить не в состоянии?

– Не могу, товарищ лейтенант. Посмотрите, она же плачет!

Смирнов вытащил из кобуры пистолет и направился к раненой лошади. Он остановился возле нее. Лошадь словно поняла, зачем к ней подошел человек с пистолетом. Она тихо заржала. Из большого глаза лошади выкатилась слеза. Пистолет нервно задергался в руке лейтенанта. Он закрыл глаза и нажал на спуск. По крупу лошади словно пробежала волна, и она затихла.

Неожиданно в небе снова загудели моторы, это возвращались после бомбежки немецкие самолеты.

«Сволочи! Летают как у себя дома и ни одного нашего самолета», – подумал Смирнов, провожая взглядом армаду «Юнкерсов».

Появление в небе немецких самолетов удручающе подействовало на красноармейцев, все моментально замолчали и как-то притихли. Там, откуда они шли, все дымилось и

горело. Облако черного дыма столбом нависло над лесом. Неожиданно один из самолетов, идущих в строю, отделился и, включив сирену, как коршун устремился прямо на них. Это было так неожиданно, что бойцы растерялись. Все стояли на дороге и как замороженные, рассматривали самолет с черными крестами на крыльях.

– Воздух! – успел крикнуть Николай и повалился в кювет.

Тра-та-та! – застучал авиационный пулемет. Не успевший укрыться боец повалился в дорожную пыль. Пилотка слетела с его головы и упала на землю.

Самолет промчался так низко над ними, словно хотел срубить винтами верхушки деревьев. Затем круто набрал высоту и, завалившись на левое крыло, снова понесся к земле. Пули швейными иглами прошили полотно дороги. Стоявшая на ней машина вспыхнула, словно факел...

– В лес! В лес! – закричал Смирнов, чувствуя, что окончательно сорвал голос.

Красноармейцы метнулись под кроны деревьев. Пока самолет делал очередной разворот, они успели надежно укрыться. «Юнкерс» прошел прямо над дорогой, словно охотник, выслеживающий дичь. Затем поднялся ввысь, и скрылся за кромкой леса.

– Похоже, улетел, – выдохнул Котов, обращаясь к Николаю.

Смирнов поднялся с земли и, отряхнув с гимнастерки сухую траву и пыль, приказал построиться. За исключением

одного убитого, группа потерь не понесла. Пройдя еще с километр, они наткнулись на сгоревшую армейскую полуторку. На земле возле кабины лежали водитель и молоденькая девушка, в которой бойцы узнали Зинаиду Новикову, медсестру из санитарного взвода полка. Смирнов нагнулся над убитыми, забрал у них документы и приказал двигаться дальше. Где-то недалеко от них шел бой. Было хорошо слышно, как бьют артиллерийские орудия и минометы. Немного подумав, Смирнов принял решение идти к месту боя.

Вскоре они увидели разрушенный военный городок, вернее, то, что от него осталось. Кругом торчали сожженные солдатские палатки, разбитая техника. Похоже, немецкая авиация нанесла удар по спящему летнему лагерю, так как основная масса убитых красноармейцев была в нижнем беле. В дальнем конце городка Николай заметил группку бойцов, словно ожидавших, что за ними кто-то придет. Заметив шагающего к ним командира, они поднялись с земли и быстро построились.

– Где командиры? – поинтересовался Смирнов у одного из бойцов.

Боец, молча, перевел взгляд на сержанта, рука которого была неумело перевязана. Сержант вытянулся по стойке смирно.

– Сержант Грызлов, – представился он Смирнову.

– Доложите обстановку, товарищ сержант.

– Товарищ лейтенант, в расположении летнего лагеря

оставались лишь хозяйственный и комендантский взвода; остальные подразделения батальона еще вчера отбыли на новые позиции. Утром, немецкие самолеты полностью уничтожили лагерь. Командир погиб, пришлось взять на себя командование.

– Ясно. Сколько в живых?

– Со мной одиннадцать, трое раненых.

– Как с оружием и боеприпасами?

– Оружия и боеприпасов нет: все было отправлено вместе с батальоном.

– Сержант Вавилов, поделитесь с бойцами оружием и боеприпасами.

Смирнов присел под деревом и закурил.

Генерал Мерецков, военный советник Ставки Главного Командования РККА, ехал по опустевшим улицам столицы. Около магазинов стояли люди в надежде купить хоть что-то, что могло впоследствии облегчить жизнь. В большой ценности были: мыло, спички, соль. Прибыв в столицу рано утром, Кирилл Афанасьевич рассчитывал сразу попасть на прием к Сталину, но, как потом оказалось, вождя в Кремле не было. Спрашивать Поскребышева, где он и когда будет, было совсем не безопасно. Потолкавшись немного в приемной Сталина, Мерецков направился к Тимошенко, который в то время возглавлял Наркомат обороны. Открыв массивную дверь

кабинета, он уверенно зашел и, вытянувшись по стойке смирно, доложил маршалу о прибытии. Хозяин кабинета сидел за большим столом и что-то писал.

– А, это ты, Кирилл Афанасьевич, заходи, присаживайся. Ну, как там, в Ленинграде? – спросил у него Тимошенко.

– Пока нормально, – в унисон ему ответил Мерецков, – держатся.

– Тогда ознакомься с боевой обстановкой на Западном направлении, – предложил Тимошенко.

Мерецков нагнулся над разложенной на столе картой. Бывший начальник Генерального штаба Красной Армии, он мгновенно представил себе картину развернувшихся сражений. Только, сейчас, разглядывая карту, он окончательно убедился, что началась масштабная война, затяжная и кровопролитная.

– Что скажешь, Кирилл Афанасьевич? – поинтересовался Тимошенко. – Молчишь? Вот и я сейчас ломаю голову над тем, что докладывать Сталину.

Он замолчал и снова начал что-то писать, то и дело, обмакивая перо в инкрустированную металлом чернильницу. В тот день Сталина никто не видел, однако его незримое присутствие ощущали все, кто был тогда в Кремле. Не оказалось вождя на месте и в последующие дни.

Мерецков каждый день приезжал в Кремль, заходил в приемную и, встретившись с помощником вождя, молча, покидал помещение. Вот и сегодня все повторилось снова: Ста-

лина на месте не было. Кирилл Афанасьевич шел по красному ковру коридора, стараясь понять, зачем и кому он понадобился здесь, и кому сейчас нужны его советы. Делиться сообщениями с Тимошенко он не стал, поскольку тот сам был человеком военным и в качестве наркома обороны возглавлял Ставку Главного Командования. Именно он в это время, вместе с начальником Генерального Штаба Жуковым, подписывал все директивы и указания. Давать же какие-либо рекомендации Жукову, сменившему его на этой должности, было глупо и неосмотрительно: Жуков был не из тех людей, которые прислушивались к чьим-то советам!

Оставался лишь Сталин, которому могли бы понадобиться его опыт и знания, но того не было на месте. На четвертый день Мерецков, уловив момент, когда он остался с Тимошенко наедине, осторожно поинтересовался:

– Скажите, а нас товарищ Сталин не хочет собрать на совещание? К какому числу необходимо подготовиться?

Похоже, вопрос Мерецкова оказался для Тимошенко неожиданным, а может, и не совсем корректным. Он оторвал взгляд от карты и удивленно посмотрел на Кирилла Афанасьевича.

– Кого это нас? – хмуро спросил он, потирая выбритую голову.

– Я имел в виду военных советников, товарищ маршал. Меня, товарищей Жданова, Ватутина, Микояна, Шапошникова, Вознесенского и других.

Тимошенко усмехнулся.

– Ему сейчас не до советников, товарищ Мерецков. Похоже, вы еще не до конца осознали то, что произошло!

Как тогда показалось Кириллу Афанасьевичу, маршал едва не произнес фразу о том, что Сталин и прежде не особо нуждался в чьих-то советах. Однако, еще раз взглянув на него, промолчал. Несмотря на то, что они находились в этом громадном кабинете вдвоем, и каждый считал своего собеседника порядочным человеком, откровенного разговора не получалось.

– Ты помнишь, – обратился Тимошенко к Мерецкову, – как мы докладывали ему план отражения возможной агрессии немцев в отношении нас?

«Интересный вопрос, – подумал Мерецков. – Зачем он спросил меня об этом плане? Какой ответ его сейчас интересует?»

В кабинете повисла тягостная пауза. За это время они оба успели подумать об одном и том же. Мерецков, молча, кивнул. Еще бы ему не помнить тот памятный день пятого октября 1940 года.

Перед глазами генерала, словно кадры кино, закрутились те памятные ему дни. После мартовского заседания Политбюро ЦК ВКП (б), посвященного разбору войны с Финляндией, когда была подвергнута резкой критике вся система

боевой подготовки РККА, Генеральный штаб, под руководством Шапошникова, все лето сорокового года разрабатывал план сосредоточения и развертывания вооруженных сил СССР на случай войны. Шапошников и он лично полагали, что если придется воевать Красной Армии, то наиболее вероятным ее противником будет именно нацистская Германия, которая рассредоточила значительные силы на границе с СССР. Однако, подобная концепция была встречена руководством страны неоднозначно.

В середине августа 1940 года, когда план был практически готов, неожиданно для Мерецкова последовала команда на смещение Шапошникова с должности, а на его место был назначен он.

– Ну что, Кирилл Афанасьевич, давай, рули штабом. Может, тебе повезет больше, чем мне, – напутствовал его Шапошников. – Да ты особо не переживай: я не думаю, что ты меня подсидел. Этот вопрос решался там...

Он ткнул пальцем куда-то в потолок и, быстро передав дела своему преемнику, покинул кабинет. После его ухода Мерецков достал из сейфа папки и на время полностью погрузился в изучение плана, который, как он полагал, был своевременно подготовлен. Мерецков, как и Шапошников, считал, что главный удар, в случае войны, противник нанесет в Западном направлении, к северу от реки Сан.

Пятое октября 1940 года выдалось дождливым. Дождь, начавшийся еще накануне, шел всю ночь. Кирилл Афанасьевич

вич сидел за столом и перечитывал подготовленный им доклад. Иногда он останавливался и вносил поправки в текст. Ему и раньше приходилось докладывать Политбюро, и он хорошо знал, что доклад должен был быть понятен не только военным. В девять часов утра он, вместе с Тимошенко, прибыл в Кремль к Сталину. Во время своего доклада Кирилл Афанасьевич предложил вождю развернуть все силы РККА от балтийского побережья до Белорусских болот, в сторону дружественной Германии!

Он закончил речь и, положив указку на стол, посмотрел на вождя, который слушал доклад, стоя, прохаживаясь из одного угла кабинета в другой.

– Вам не кажется, товарищ Мерецков, что вы ошибаетесь? – спросил его Сталин. – Ведь для того, чтобы вести войну против нас, Гитлеру нужны богатые промышленные и продовольственные ресурсы Украины, а не болота Белоруссии. Не знаю, как считает Генеральный штаб, но я думаю, что нам сейчас намного важнее укрепить Юго-Западное направление, а не всю линию соприкосновения наших войск.

Вождь подошел к Мерецкову, ожидая от него ответа.

– Товарищ Сталин, Генеральный штаб считает, что для сдерживания сил противника на Юго-Западном направлении достаточно ресурсов Киевского и Одесского военных округов, – четко произнес Мерецков. – Генштаб полагает, товарищ Сталин, что Германия, в случае войны, нанесет в том направлении лишь вспомогательный, отвлекающий

удар. Главный удар немцы нанесут на Минск!

В кабинете воцарилась гнетущая тишина. Сталин по-прежнему оставался непроницаемым, ни один мускул не дрогнул на его каменном лице. Те, кто хорошо знал вождя, моментально поняли, что вождь явно остался недоволен ответом Мерецкова. Сталин резко повернулся к Тимошенко.

– Что скажете вы, товарищ Тимошенко? Может быть, и вы считаете Юго-Западное направление более безопасным, как это полагает товарищ Мерецков?

Голос Сталина звучал спокойно и бесстрастно, но именно это и ввергло собравшихся людей в ужас. Нарком обороны только что прибыл с Юго-Западного направления, где знакомился с обстановкой, и теперь должен был высказаться на этот счет. Тимошенко отлично понимал, что в утверждениях Сталина есть определенный логический смысл: враг, естественно, начнет войну с захвата богатых сырьевых, промышленных и сельскохозяйственных районов. Вроде бы, все правильно, однако, существовала и военная диалектика, тщательно проанализированная оперативным отделом Генштаба.

– Вы правы, товарищ Сталин, – тихо произнес маршал и посмотрел на Мерецкова. – Конечно, Украина для Гитлера – лакомый кусочек.

Он хотел еще что-то добавить, но под взглядом вождя, осекся.

– Вот мы и договорились, – радостно подхватил вождь. –

Надеюсь, что и товарищ Ватугин с нами согласится.

Первый заместитель Мерецкова, все время наблюдавший за ними, вздрогнул и, вскочив с места, вытянулся по стойке смирно. Он, молча, кивнул и, поймав одобряющий взгляд Сталина, сел на место.

Вождь засмеялся. Вслед за ним засмеялись все присутствующие на совещании члены Политбюро и члены Военного совета Ставки.

– Я, хоть и не профессиональный военный, но кое-что в ваших делах понимаю. Так, что вы, товарищ Мерецков, остались в одиночестве, – весело заключил вождь. – Демократия восторжествовала. Исправьте ваш план отражения агрессии! Если и будем ждать удара, то по Украине, а не по Белоруссии, как вы настаивали. Что теперь скажете? Всегда трудно признавать свое поражение, даже в теоретических спорах!

Мерецков, выходя из кабинета Сталина, отчетливо представлял, что его ожидает в ближайшее время. Предчувствие не обмануло его. В начале января 1941 года Мерецков был освобожден от занимаемой должности, передав ее генералу Жукову. Этому способствовало и второе обстоятельство. В конце декабря 1940 года в Москве состоялось совещание высшего командного состава РККА, на котором присутствовало практически все Политбюро. На совещании пришлось выступить и генералу армии Мерецкову. Кирилл Афанасьевич говорил о недостатках подготовки армии, особое внимание уделил слабостям высшего командного состава и штабов

военных округов. Всем, кто присутствовал и слушал доклад, было ясно, что генерал Мерецков связывает этот опасный недостаток с притоком на высшие командные посты молодых, неопытных выдвиженцев, которые заняли освободившиеся сразу после «чистки» армии должности.

Его выступление не осталось незамеченным, и он сразу же попал в число неблагонадежных.

– Стой! Кто идет? – раздалось из ближайших кустов. – Бросай оружие или начнем стрелять!

– Я тебе стрельну! – произнес сержант Вавилов и посмотрел на Смирнова.

В кустах сухо звякнул затвор. Этот звук заставил идущих по дороге бойцов приготовить оружие к бою.

– Лейтенант Смирнов! – громко представился Николай. – С кем говорю?

– Бросай оружие! – снова раздался голос из кустов. – Последний раз предупреждаю!

– Оружие на землю! – приказал Смирнов красноармейцам и, расстегнув кобуру, достал пистолет, который положил у ног.

Глядя на командира, сложили оружие и другие красноармейцы. Прошло около минуты, прежде чем из кустов появился боец.

– Кто такие будете и откуда идете? – спросил Смирнова

боец. – Часть?

– Веди к командиру! Кто ты такой, чтобы я перед тобой отчитывался? – произнес со злостью Николай. – Сами кто такие?!

Боец промолчал и сделал вид, что не услышал вопроса. Он постоянно оглядывался на кусты, словно боялся остаться наедине с этими измученными переходом бойцами. Наконец он улыбнулся, заметив вышедшего из-за кустов командира. Взгляд Смирнова невольно остановился на его малиновых петлицах.

«Он такой же лейтенант, – подумал Николай. – Только он сотрудник НКВД, а я, командир Красной Армии».

Смирнов козырнул офицеру и представился ему.

– Кто и куда направляетесь? – сухо спросил Николая лейтенант.

– Пытаемся догнать своих. Я – командир роты второго батальона 613 стрелкового полка.

– Документы! – жестко произнес сотрудник НКВД, глянув на Смирнова. – Эти люди с вами?

– Так точно, – по уставу ответил Смирнов.

Сотрудник Особого отдела внимательно изучил документы прежде, чем вернуть их Николаю.

– Назовите фамилию начальника Особого отдела вашего полка.

– Лейтенант НКВД Говоров.

Офицер вернул документы и стал внимательно рассмат-

ривать бойцов, двигаясь вдоль строя. Взгляд его был таким колючим и холодным, что Николай на какую-то долю секунды поверил, что сейчас последует команда «Пли» и по ним ударят пулеметы.

– Лейтенант, прошу следовать за мной, – произнес тот и, развернувшись, направился к кустам.

Смирнов, молча, последовал за ним, оставив своих бойцов на дороге. За придорожными кустами виднелась небольшая поляна, на которой находились красноармейцы численностью с роту. Кто-то лежал под деревом, кто-то сидел прямо на земле, подставив под горячее солнце свое обнаженное тело. Они миновали поляну и углубились в небольшой лесок. В тени вековой ели Николай увидел штабную «Эмку». Возле нее стояли несколько офицеров, среди которых он узнал Говорова.

– Как дела, Смирнов? – спросил его Геннадий Степанович. – Я думал, что ты погиб. Мне доложили, что летний лагерь был полностью уничтожен немецкой авиацией.

– Как видите, не погиб, чего не могу сказать о батальоне! Убит командир полка: бомба угодила прямо в его палатку.

– Да, не повезло; хороший был командир. Сейчас иди, отдыхай: ты мне еще понадобишься.

Смирнов развернулся через левое плечо и направился к кустам, около которых уже расположились бойцы его группы.

Смирнов проснулся от толчка в плечо. Он открыл глаза, стараясь понять, где он и кто стоит перед ним. В темноте он не сразу узнал Говорова.

– Просыпайся, Николай, – произнес тот. – Через час рассвет.

– Что случилось? – спросил Николай чекиста.

– Поменьше вопросов....

Смирнов встал с земли и стал отряхивать сухую траву, приставшую к его форме.

– Возьми с собой человек десять самых надежных бойцов и отправляйся к грузовикам, которые стоят на дороге! – приказал ему Говоров.

– Куда мы направляемся? – снова поинтересовался у него Смирнов.

– Придет время, узнаешь, – с металлом в голосе произнес Говоров. – Не задавай ненужных вопросов. Меньше будешь знать, лучше будешь спать!

Николай быстро собрал группу и направился к ожидавшим грузовикам. Около пристроившейся неподалеку «Эмки» стояли Говоров и два незнакомых Смирнову сотрудника НКВД.

– В машину! – приказал Николай бойцам и, когда те залезли в кузов, сел рядом с водителем.

Водитель, мужчина лет сорока, посмотрел на своего соседа по кабине через плечо. Взгляд его не был ни дружелюб-

ным, ни злым.

«Да, с таким не поговоришь», – решил про себя Смирнов, поглядывая на шофера.

Машина плавно тронулась и запылила по проселочной дороге.

– Табачка не будет? – спросил Николай водителя. – Ужасно хочется покурить.

– Не курю, товарищ лейтенант, – коротко ответил тот. – Приедем на место, там и покурите.

– А куда мы едем? – снова спросил Смирнов.

– Куда надо, туда и едем! – дерзко ответил водитель. – Мне сказали следовать за «Эмкой», вот я и следую.

Машины, не сбавляя скорости, въехали в небольшой городок и остановились напротив двухэтажного дома. Дом был недавно покрашен. В воздухе еще стоял запах свежей побелки. Окна дома были завешены, и лишь в одном из них в щель пробивалась узкая полоска света.

– Спешиться! – скомандовал Смирнов и направился к Говорову, который ожидал его возле машины.

– Слушай, Смирнов! Наша с тобой задача: арестовать командующего 4-ой армией генерала Коробкова. Ты понял задачу?

– Можно вопрос?

– Что за вопрос, Смирнов? Сейчас не до вопросов! Мы должны сделать это быстро и без шума. Предупреди своих бойцов, быстро и тихо!

Николай не верил своим ушам и, если бы рядом с ним не стоял сейчас сотрудник Особого отдела, посчитал бы все это за неудачную шутку.

– Я, наверное, ослышался? – спросил Николай Говорова. – За что?!

– Выполняйте приказ, лейтенант. Это не шутка, а приказ из Москвы! Раз понятно, приготовьте оружие и следуйте за мной.

Говоров первым вошел в помещение штаба 4-ой армии. За столом сидел дежурный офицер в звании капитана.

– Мне нужен командующий армией, – произнес чекист. – Разбудите его!

– Александр Андреевич только что прилег отдохнуть, – ответил дежурный офицер. – Кто вы такие и зачем вам командующий?

– Особый отдел фронта! Еще есть вопросы?

Офицер хотел поднять трубку, но Говоров опередил его и положил свою ладонь на телефонный аппарат. Дежурный начал расстегивать кобуру, но пистолет Говорова уперся ему в грудь.

– Без шума, капитан. Арестовать! – коротко скомандовал чекист.

Смирнов вытащил из кобуры капитана револьвер и сунул его в карман галифе.

– Выведите его на улицу, – приказал Николай сопровождавшим его бойцам.

Затем он и Говоров быстро поднялись на второй этаж и направились по коридору, открывая по ходу своего движения двери. За одной из них оказалась маленькая койка, на которой, не снимая сапог, спал генерал.

– Генерал Коробков? – толкнул в плечо генерала Говоров. – Александр Андреевич?

Генерал вскочил на ноги. В его комнате стояли два офицера с оружием в руках.

– В чем дело? Кто вы? – испуганно спросил Коробков.

– Вы арестованы. Сдайте оружие и следуйте за нами!

Смирнов увидел, как дрогнуло лицо генерала Коробкова. Рука генерала никак не могла нащупать пуговицу, чтобы наглухо застегнуть китель. Он указал на кобуру, которая лежала на стуле.

– Следуйте за нами....

Через десять минут все трое вышли из здания штаба. Водитель «Эмки» открыл заднюю дверь. Тогда Николай еще не знал, что в ту же ночь были арестованы: генерал-майор Климовских Владимир Ефимович, начальник штаба Западного фронта, генерал-майор Григорьев Андрей Терентьевич, начальник связи штаба Западного фронта, и командующий Западным фронтом, Герой Советского Союза, генерал армии Павлов Дмитрий Григорьевич. Все выше упомянутые генералы обвинялись либо в антисоветском заговоре, либо в преступном бездействии.

Все смешалось в голове Смирнова. Весь световой день их дивизию утюжила немецкая артиллерия, которую сменяла авиация. К вечеру немецкая пехота и танки прорвали оборону на стыке полка и лавиной устремились к реке. Это было уже второе окружение, в которое он попадал с начала войны. Впереди, метрах в ста от него, шла основная группа, несущая на носилках раненого командира дивизии. Очень хотелось есть. Чтобы не нарваться на немцев, они не заходили в деревни, стараясь держаться подальше от основных дорог, по которым круглые сутки шли немецкие колонны.

– Товарищ лейтенант, у нас ЧП! – обратился к нему сержант Вавилов. – Пропали два бойца: Кузьмин и Боровик.

– Как пропали? – строго спросил Смирнов.

– Не знаю. Они замыкали нашу группу, поэтому никто ничего не видел. Наверное, решили сдаться в плен!

Николай промолчал. В последнее время группа потеряла много бойцов. Красноармейцы, не веря в победу над гитлеровцами, стали перебегать на сторону врага. Обычно это были одиночки, но иногда в плен сдавались целыми отделениями и взводами.

Где-то впереди слышались голоса. К Смирнову подошел капитан Сазонов.

– Смирнов, отойдем в сторону, нужно поговорить.

Сазонов возглавлял дивизионную разведку, и сейчас, именно он вел остатки полка на восток. Они отошли в сто-

рону.

– Смирнов, до линии фронта чуть больше десяти километров. Принято решение прорываться рано утром, – произнес капитан. – Командир полка в тяжелом состоянии; и, если мы не пробьемся к своим, шансов спасти ему жизнь, практически, нет!

Он сделал паузу и взглянул на Николая.

– Полковник хочет, чтобы ты возглавил группу прорыва.

– Что вы хотели услышать от меня, товарищ капитан? Я человек военный, и для меня приказ..., – Смирнов замолчал, так как только сейчас осознал, какую ответственность он возлагает на свои плечи.

– Другого ответа я от тебя и не ожидал. Пусть твои люди немного отдохнут перед броском.

– Есть, товарищ капитан.

– Тогда подтянитесь ближе, сейчас я объявлю привал.

Впервые за последние три дня Смирнов заснул. Ему снилось училище, выпускной вечер, Корнилова Нина в белом платье....

– Лейтенант, поднимай своих людей!

Николай открыл глаза. Перед ним стоял капитан. Когда Смирнов встал, тот отвел его в сторону и, развернув карту, начал объяснять ему схему расположения немецкой обороны.

– Вот здесь, у самой кромки леса, у них пулемет. Твоя задача захватить эту огневую точку и, в случае чего, поддер-

жать пулеметным огнем проход основных сил полка.

Смирнов полз уже минут двадцать, гимнастерка и брюки были мокрыми от выпавшей росы. Несмотря на густой туман, никто из них не рискнул подняться с земли. Где-то, совсем рядом, слышались немецкие голоса. Когда до немецких пулеметчиков осталось метров пять, он вскочил на ноги и буквально влетел в окоп, в котором находилось трое гитлеровцев. Немцы явно не ожидали нападения и не смогли организовать активное сопротивление. Бойцы быстро расправились с немецким боевым охранением.

Тарасов достал из кармана брюк ракетницу и выстрелил. Зеленая ракета, описав дугу, рассыпалась в небе. Полк, вступил в бой и, подмяв немецкую оборону, устремился к реке, на другом берегу которой скопились наши войска.

Члены Военного совета собрались в Кремле. Сталин проводил разбор игры, главными противниками в которой были Павлов и Жуков. Штабная игра закончилась победой «синих», которыми командовал Жуков, над «красными», которыми руководил Павлов.

– Товарищ Мерецков! – обратился к нему Сталин. – Что вы можете сказать по итогам этой игры? Почему выиграла «синие», ведь у «красных» было явное преимущество в живой силе и технике?

Мерецков вздрогнул от неожиданности и растеряно по-

смотрел на вождя. Однако, замешательство длилось всего несколько секунд. Генерал встал и начал докладывать Сталину о неудачном расположении войск «красных», которые были подавлены танковым и авиационным преимуществом «синих». Лицо Сталина перекосила злая усмешка.

– Хватит! «Синие» никогда не смогут победить «красных»!

Не скрывая досады, Сталин пояснил:

– Товарищ Мерецков! Вы забыли слова великого русского полководца, фельдмаршала Суворова, который как-то сказал, что победа достигается не числом, а умением! Арифметическое большинство – это хорошо... Но важно командное искусство, боевой опыт непобедимой Красной Армии!

Вождь сделал особое ударение на слова Красная Армия.

– Запомните, товарищ Мерецков: Красная Армия – это детище рабочих и крестьян. Армия, закаленная в боях с белогвардейцами и Антантой, не может быть побеждена ни «синими», ни «белыми», ни какими другими! Это вам ясно?!

Генерал молчал, не зная, стоит ли возражать вождю или нет. Страх перед возможной расправой пробежал между лопаток и застрял где-то в подсознании.

Теперь, когда война, которую, вроде бы, ждали, но от которой все отмахивались, вдруг началась. Гитлер, предугадавший стратегические замыслы Сталина, нанес свой главный удар не по Украине, как на это рассчитывал вождь, а по Бе-

лорусскому военному округу, которым командовал Павлов. Двадцать восьмого июня 1941 года пал Минск. Западнее его остались в окружении и продолжали сражаться одиннадцать дивизий. В тот же день пали Бобруйск и Ровно.

Генерал постоял немного в раздумье в приемной вождя, не решаясь спросить помощника, придет ли сегодня в кремль Сталин или его снова не будет. Но тот словно прочитал его мысли.

– Что у вас, Кирилл Афанасьевич?

– Передайте мою записку товарищу Сталину, – сказал Мерецков и протянул Поскребышеву пакет.

– Что в ней? – спросил секретарь. – Я имею в виду записку.

– Здесь анализ обстановки и мои мысли по исправлению создавшегося положения.

– Хорошо, товарищ Мерецков. Я передам ее Сталину при первой же возможности. Думаю, она заинтересует его.

Генерал вышел из приемной. Кремль был похож на встревоженный улей. По коридору шли гражданские и военные и пропадали за высокими дубовыми дверями кабинетов. Мерецков вышел из здания и, не торопясь, направился к ожидавшей его автомашине.

Утром, первого июля, Мерецкову позвонили в Генштаб и сообщили, что его готов принять Сталин. При выходе из штаба генерала встретил сотрудник НКВД с ромбом на петлицах.

– Кирилл Афанасьевич, вас ожидает товарищ Сталин!

Мне приказано сопровождать вас.

Чекист проводил его до машины, и они поехали в Кремль. Улицы Москвы были пусты. Мерецков был уверен, что причиной его вызова к вождю является записка, оставленная Поскребышеву. Он повернулся к сотруднику НКВД, но, заметив его отрешенный взгляд, не стал задавать никаких вопросов; да и надежды на то, что тот ему ответит, просто не было. Они вошли в здание и направились в сторону кабинета Сталина. Высокий красный ворс шерстяного ковра глушил их шаги, и Мерецкову в какой-то момент показалось, что они шагают по залитой кровью земле. Они остановились напротив двери приемной. Чекист открыл дверь и вошел в приемную. Вскоре он вышел и, улыбнувшись генералу, произнес:

– Проходите, Кирилл Афанасьевич.

Мерецков вошел в приемную и взглянул на Поскребышева. Тот, молча, кивнул головой, давая понять, что вождь ждет его.

Сталин сидел за столом. Наконец он оторвал взгляд от бумаг и посмотрел на вошедшего генерала.

– Я не понял вас, товарищ Мерецков, о какой стратегической обороне пишете вы в своей записке?

Вождь был одет в светлый полотняный костюм с отложным воротником и большими накладными карманами. Брюки Сталина были заправлены в мягкие кожаные сапоги. Ле-

вая рука лежала на черной перевязи.

– Проходите, не стойте в дверях, – добавил Сталин, указывая здоровой рукой на кресло.

Мерецкову пришлось сесть спиной к приоткрытой двери, ведущей в смежную комнату. Он тут же почувствовал, что в комнате кто-то есть, и это присутствие моментально сковало его волю. Страх перед неизвестностью в очередной раз пробежал по его спине. Кресло оказалось не слишком удобным и очень низким. Сталин смотрел на генерала сверху, и Мерецков отметил его осунувшееся лицо с желтым нездоровым оттенком.

«Видно, тяжело ему», – подумал Мерецков.

– Мы познакомились с вашей запиской, товарищ Мерецков, и сочли возможным разобраться по всем пунктам, на которые вы просили обратить внимание, – словно подбирая слова, медленно произнес Сталин. – Мы учли и тот фактор, что вы являетесь военным советником и должны своевременно анализировать обстановку. Считаем, что вы свой долг выполнили. Думаем, что ваша записка носит рекомендательный характер, не более. Я правильно вас понял?

– Так точно, товарищ Сталин, – торопливо произнес Мерецков, вызвав у вождя улыбку.

Генерал моментально понял, что тот улыбнулся ему неспроста.

– Давайте, прежде чем вернуться к нашему разговору, поговорим об обстановке на фронтах. Надеюсь, вы в курсе по-

следних изменений?

Мерецков слегка растерялся, так как предложение Сталина застало его врасплох. Однако он быстро взял себя в руки и начал доклад.

– Главное беспокойство, товарищ Сталин, вызывает положение наших войск под Бобруйском. Сейчас мы стягиваем туда все наши силы и вводим их в бой. Наши части успели взорвать мост через Западную Двину у Риги, и это не позволило противнику взять город с ходу. На Юго-Западном направлении противнику удалось окружить наш восьмой механизированный корпус.

– Почему вы считаете, что он окружен? – оскалился от этих слов Сталин.

Желтые глаза вождя загорелись гневом, и это не предвещало ничего хорошего. Однако Мерецков не остановился, а продолжил доклад, словно не услышав реплику вождя!

– До самого последнего времени практически все части Красной Армии получали приказы о проведении только наступательных операций. Думаю, это были не совсем верные приказы с тактической точки зрения. В условиях, когда немецкие танковые части охватывают наши фланги и вбивают в стыки между соединениями танковые клинья, любое продвижение на Западном направлении, в отрыве от соседей, приведет к неминуемому окружению войск. Особо хотелось отметить нехватку горючего и боеприпасов. Танкисты вынуждены взрывать или зарывать машины в землю!

Эти действия считаю правильными, ибо они необходимы для проведения оборонительных мероприятий.

Вождь хлопнул ладонью по столу и поднялся со стула.

– Я не считаю себя сторонником оборонительных мероприятий! – зло произнес Сталин. – Я полагаю, что агрессор должен быть давно отброшен с советской территории! А наши хваленые войска до сих пор не могут справиться с наглцами! Почему же Павлов и Кирпонос, которых мы подняли из низов, не могут дать отпор захватчикам?

– Может быть, товарищ Сталин, у них недостаточно боевого опыта подобного масштаба?

– Но почему фашисты почти беспрепятственно продвигаются вперед? – как бы размышляя вслух, произнес вождь и в упор посмотрел на генерала.

В какой-то миг Мерецков хотел напомнить вождю о плане обороны, но вовремя спохватился. Упрекнуть Сталина в том, что тот так глупо поверил Гитлеру, он тоже не мог. В кабинете повисла тишина. Но вопрос был задан, и на него следовало отвечать.

– Фактор внезапности, товарищ Сталин, – сказал Мерецков, следя за выражением лица вождя.

– Вы правы: они совершили вероломство, – подхватил его мысль вождь. – Я уверен, что колесо истории раздавит их. Что вы предлагаете?

Мерецков был несколько обескуражен последним вопросом. Он немного помолчал, потом ответил:

– Теперь мы знаем, товарищ Сталин, что немцы воюют с нами так, как учил нас Тухачевский.

Мерецков осекся и посмотрел на вождя. В кабинете снова стало тихо, и эта тишина заставила Мерецкова вздрогнуть.

– Продолжайте дальше, – произнес Сталин. – Почему вы не назвали свою фамилию после фамилии Тухачевского? Если мне не изменяет память, вы были начальником штаба у Уборевича, а потом у Блюхера?

Мерецков вскочил с кресла и хотел ответить «так точно», но голос у него осекся, и он лишь кивнул в ответ...

Сталин сел за стол и взял в руки его записку.

– Вы предлагаете Советскому правительству проводить тактику «выжженной земли», – словно вновь размышляя вслух, произнес вождь. – Вы хорошо понимаете, что предлагаете?

Он потряс в воздухе листами записки, а затем раздраженно бросил их на стол.

– Взрывать мосты, снимать при отступлении рельсы со шпалами, угонять вагоны и паровозы, сжигать хлеб и топливо, угонять скот! А, в оставленных нашими войсками районах оставлять диверсантов? Я правильно вас понял, товарищ Мерецков?

Генерал, молча, кивнул.

– Значит, вы считаете положение наших войск настолько плохим, что предлагаете объявить войну всенародной? – уточнил Сталин. – Похоже, вы уже не верите в нашу армию,

если предлагаете подобное!

Мерецков понял, что угодил в ловушку, искусно расставленную Сталиным. Он стал по стойке смирно и, чеканя каждое слово, произнес:

– Я верю в нашу Красную Армию, но ее нужно спасать, товарищ Сталин! Считаю, что настало время для одновременного и планомерного отвода наших войск!

– Не стройте из себя Кутузова, – раздраженно произнес Сталин. – Может, и Москву немцам сдать? Идите, товарищ Мерецков, и подумайте над моими словами.

Генерал вышел из кабинета и, тяжело ступая, направился по коридору к выходу. Ночью, он долго не мог заснуть и непроизвольно прислушивался к шуму, доносившемуся с улицы: ему казалось, что вот сейчас раздастся стук в дверь и в комнату войдут сотрудники НКВД.

«Почему Сталин напомнил мне об Уборевиче и Блюхере? Может, не стоило вообще произносить фамилию Тухачевского? Впрочем, дело сделано: слово – не воробей, вылетит, не поймаешь!»

Кирилл Афанасьевич встал с постели и подошел к окну. Во дворе дома он увидел «Черный воронок». Когда подъехала эта машина, он не знал, но предчувствие надвигающейся беды парализовало волю. Он не помнил, сколько простоял у окна. Наконец раздался настойчивый стук в дверь, который вернул его к действительности. Мерецков, направился в прихожую. Ноги стали, как ватные, и плохо подчинялись ему.

– Кто там? – с усилием спросил он.

– НКВД. Открывайте, иначе мы выломаем дверь!

От стука проснулась жена. Она выскочила в прихожую, накинув на себя халат.

– Кирилл, кто это? – испугано спросила она.

Он промолчал и открыл дверь. В прихожую вошли два человека в штатском. Один из мужчин держал руку в кармане брюк.

«Похоже, в кармане пистолет», – промелькнуло в голове генерала.

– Кирилл Афанасьевич Мерецков? – спросил второй сотрудник и, заметив кивок, продолжил. – Одевайтесь, вы арестованы!

Генерал хотел спросить о причине его ареста, но понял, что не может этого сделать.

– Евдокия, – через силу произнес он, – произошла какая-то ошибка. Я думаю, товарищ Берия разберется.

Он быстро оделся и, в сопровождении сотрудников НКВД, вышел из квартиры.

Немецкий офицер стоял посреди дороги и внимательно рассматривал в бинокль местность. То, что он знал об организованной ротой Смирнова засаде, было видно невооруженным глазом. Наблюдая за гитлеровцем, Николай не исключал, что об этом ему мог рассказать захваченный в

плен красноармеец. Вскоре его предположение подтвердилось. Офицер что-то сказал солдату. Тот скрылся в кустах и, через минуту-другую, появился снова, толкая прикладом пленного. Боец, сжимая в руке скомканную пилотку, подошел к офицеру и стал что-то говорить, указывая на прилегающий к дороге лесок.

«Сука! – произнес про себя Смирнов. – Предатель!»

Вскоре на дорогу выехал бронетранспортер в сопровождении группы мотоциклистов и, подобрав командира, направился в сторону позиций роты. Николай поймал в прицел офицера, стоящего рядом с пулеметчиком, и нажал на курок пулемета. Огненная трасса уперлась в грудь немецкого офицера. Его тело сначала задергалось, словно он попал под высокое электрическое напряжение, а затем рухнуло на дно бронированной машины. Дружный залп винтовок и автоматов буквально смел мотоциклистов с дороги. Бронетранспортер, двигаясь задним ходом и поливая огнем все вокруг себя, исчез за поворотом.

– Ура! Драпают, гады! – раздалось из окопов. – Что, получили?!

Смирнов улыбнулся. Это была его первая открытая стычка с немцами, и он победил в ней. Пусть эта победа была лишь малой толикой, но, все равно, эта была его победа! Однако эйфория длилась недолго. По позициям роты ударили немецкие минометы, к которым присоединились и орудия. Взрывы выворачивали деревья, разносили окопы, и, ка-

залось, конца этому огненному аду не будет никогда! Неожиданно канонада стихла, и только истошные крики раненых немцев доносились до слуха живых бойцов. Николай посмотрел на часы: с момента немецкой артподготовки прошло всего десять минут, которые показались вечностью. Из-за поворота выползли два немецких средних танка. Они хищно водили своими короткими пушечными стволами из стороны в сторону в поисках цели. Наконец, один из них выстрелил. Снаряд разворотил соседний от Смирнова окоп, выбросив на бруствер внутренности убитого красноармейца.

– Приготовить гранаты! – выкрикнул Николай. – Гранатометчики, вперед!

Он приложил к глазам бинокль. Несколько бойцов выползли из окопов и, укрываясь в воронках, поползли в сторону танков. Слева от Смирнова раздался сильный взрыв. Танк сначала закрутился на месте, а затем замер. Из мотора повалил жирный черный дым. У танка открылся люк, и танкисты в спешке начали покидать горящую машину. Захлопали одиночные винтовочные выстрелы, это красноармейцы расстреливали танкистов. Второй танк сделал всего два выстрела и, развернувшись на сто восемьдесят градусов, пополз в обратную сторону.

«Не нравится, – подумал Смирнов. – Думали, что при появлении танков мы бросимся бежать? Ошибаетесь, господа фашисты».

Снова по обороне роты ударили минометы. Вой и скрежет

мин, взрывы, все слилось в какую-то непонятную страшную какофонию. Под прикрытием минометного огня немцы стали обходить позиции роты с фланга. Их небольшие группы, численностью до десяти человек, появились среди молодого лесочка. Смирнов развернул пулемет в сторону немцев и, первой же очередью, срезал около восьми фрицев. Однако огонь пулемета не остановил атакующий порыв немцев. Нужно было что-то делать, и Николай, встав в полный рост, что есть мочи закричал:

– За Родину! За Сталина!

Вслед за ним из окопа поднялся Вавилов и, с винтовкой наперевес, бросился вперед. Немцев было много, но контратака красноармейцев была столь стремительной и внезапной, что они сначала остановились, попятились, а затем бросились обратно в лесок. Красноармейцы расстреливали их буквально в упор, и в какой-то момент показалось, что атаку русских невозможно было остановить. Но это лишь показалось! Во фланг атакующей роты ударили танки.

– Назад! В окопы! – закричал осипшим от крика голосом Смирнов, но его никто не слышал.

Несколько танков буквально смяли атакующую цепь красноармейцев. Вслед за танками бросилась в атаку и немецкая пехота. Танки, словно дикие звери, давили своими гусеницами разбегающихся в панике красноармейцев. До окопов добежало чуть больше десятка. Ни о какой обороне уже не могло идти и речи. Все бросились в лес: в надежде укрыться

там.

Смирнов открыл глаза. Первым, что он увидел, была маленькая красная бабочка, медленно поднимавшаяся вверх по травинке. Чем выше поднималась бабочка, тем сильнее раскачивалась травинка. Наконец, бабочка взмахнула прозрачными крылышками и, оторвавшись от травинки, исчезла в голубом небе. Он на какой-то миг погрузился в шум лета, в пение жаворонка, в треск кузнечиков, которые, словно сговорившись, стрекотали где-то в густой траве. Услышав шаги, Николай попытался повернуть голову, но сильная боль заставила его вздрогнуть и застонать. Перед глазами поплыли яркие радужные круги.

– Наконец-то очнулись, товарищ лейтенант, – произнес сержант Вавилов, сидевший рядом с ним. – Долго же вы были без сознания. Я уж подумал, что вы скончались!

– Типун тебе на язык, Вавилов. Что со мной?

– Похоже, контузило вас сильно, если ничего не помните, – ответил ему сержант. – Еле спасли вас. Если бы не Генералов, раздавил бы вас танк. Он буквально вытащил вас из-под гусениц.

– Я ничего этого не помню. Скажи, где я?

– В лесу мы, товарищ лейтенант. Из всей роты осталось семнадцать человек.

– А что с остальными?

Вавилов с удивлением посмотрел на командира. Он не мог поверить, что лежащий перед ним человек ничего не помнит.

– Кто-то погиб, а кто-то попал в плен. Вы помните командира третьего взвода сержанта Ивлева? Так этот гад упал перед немцами на колени и поднял руки. Я его из винтовки достал!

Смирнов промолчал и снова попытался повернуть голову, однако боль моментально напомнила о себе.

– Слушай, Вавилов, не пойму, что со мной. Не могу повернуть голову.

– Я не фельдшер, товарищ лейтенант; погодите немного, все пройдет.

Сержант встал и направился к отдыхающим красноармейцам.

– Ну, как? – поинтересовался один из бойцов. – Что с командиром?

– Очнулся. Говорит, что не может повернуть голову и ничего не помнит.

– Еще бы, – подытожил боец. – Вы бы видели, товарищ сержант, как его шарахнуло об землю! Я думал, он копыта отбросил, а он жив!

В небе загудели авиационные моторы. Все автоматически посмотрели вверх. В бездонном синем небе, словно в море, плыли самолеты с черными крестами на крыльях.

– Летят, стервятники! – буркнул кто-то из красноармей-

цев. – А нам всегда внушали, что будем воевать на чужой территории! А оно видишь как.

Вдалеке послышались голоса. Красноармейцы быстро залегли между деревьями. На поляну вышла небольшая группа бойцов.

– Стой! Бросай оружие! – скомандовал им Вавилов.

Бойцы сбились в кучу. Судя по поведению, они были изрядно напуганы и никак не ожидали встретить людей.

– Не стреляйте, мы свои! – произнес один, положив винтовку на землю.

Вслед за бойцом сложили оружие и другие. Пауза явно затягивалась, и было необходимо принимать какое-то решение.

– Офицеры среди вас есть? – спросил Вавилов.

– Нема, – ответил боец с окровавленной повязкой на голове. – Их еще вчера всех постреляли!

Вавилов поднялся на ноги и направился к ним.

Корнилова Нина вышла из дверей военкомата в расстроенных чувствах. Ее мечта попасть в школу снайперов была полностью разбита резонными доводами военкома.

– Да поймите меня, девушка, правильно! Сейчас фронт остро нуждается в медицинских сестрах. Вы же сами написали в своей анкете, что являетесь абитуриентом медицинского института. Зачем же ломать о колено свою мечту?

– Но, товарищ военком, медсестрой может работать каждая девушка! Перевязывать раны, разносить лекарства, делать уколы. Этому можно быстро научиться... Я прошу, чтобы вы отправили меня на фронт! Я хочу бить фашистов! Я же комсомолка, и мне стыдно прятаться в тылу, когда воюет вся страна.

Военком усмехнулся. Он достал папиросу из портсигара и закурил. За эти первые военные дни он сильно устал, а, судя по поступающим приказам и директивам, надеяться на отдых не стоило. Он посмотрел на стоявшую перед ним красивую девушку, и ему вдруг стало ее жалко.

– Да поймите меня, Корнилова, – устало произнес он. – Вы считаете, что помогать раненым бойцам Красной Армии менее почетно, чем стрелять в фашистов? Нет, голубушка, вы глубоко ошибаетесь. Нет ничего благороднее, чем спасти людей от смерти, возвращать их обратно на фронт, где они снова будут уничтожать немецкую мразь. Вы хоть это понимаете?

Он сделал небольшую паузу и продолжил:

– Вы думаете, я не хочу на фронт? Поверьте, я тоже хочу сражаться! Но партия приказала мне быть здесь: формировать части и уговаривать таких, как вы, упрямых девушек. Так что не нужно капризничать, комсомолка Корнилова, вы – не дома! Пройдите в соседний кабинет и получите все необходимые документы. Думаю, пройдет совсем немного времени, и вы поймете, что я был прав, направив вас в

медсанбат. Останься в живых, дочка.

– Товарищ военком, но я отлично стреляю и хожу на лыжах! Разве этого мало? Я многое могу...

Она хотела еще что-то добавить, но он уже не слушал. Повернувшись к ней спиной, он начал набирать номер на телефоне. В соседнем кабинете, молоденький лейтенант вручил ей документы, предписывающие прибыть в военный госпиталь, который располагался на соседней улице.

– Вы чем-то недовольны? – спросил лейтенант, сверкнув белоснежными зубами.

– Почему же, я очень довольна; вот только хотела стать снайпером, а придется выносить горшки за ранеными. Разве это справедливо?

– Это тоже война, Корнилова: война со своей гордыней, со своими желаниями. Так что, удачи вам! – произнес офицер и подмигнул ей.

Нина вышла из кабинета и молча, направилась через заполненный людьми коридор.

– Вы слышали, наши оставили Минск? – произнес мужчина в клетчатой кепке, обращаясь, к стоявшему рядом с ним военному. – Где же наши части? Почему мы все время отступаем?

Заметив сердитый взгляд Нины, он замолчал и отвернулся в сторону. Вести подобные разговоры, тем более в стенах военного комиссариата, было небезопасно. За распространение пораженческих слухов можно было угодить под трибу-

нал!

Девушка вышла на улицу. Около здания военкомата толпились женщины с детьми, пришедшие проводить своих мужей на фронт. Многие из них плакали и причитали, прижимая к себе маленьких ребятишек.

«Как хорошо, что меня никто не будет провожать! – подумала Нина. – Не будет слез, не будет прощальных напутствий».

Улицы Москвы были, как никогда, пусты. Около закрытых магазинов стояли небольшие группы людей, надеявшихся, что им удастся что-то купить. Она, молча, проследовала мимо них и направилась к метро.

Генерал-лейтенанта Мерецкова втокнули в сырую камеру, походившую на каменный мешок. Длина камеры была не более трех метров, а ширина, чуть меньше четырех. Он сделал несколько шагов, когда за его спиной глухо звякнула металлическая дверь. Как ни странно, но именно эта массивная дверь поделила его жизнь, на до и после ареста. Рядом с небольшим окном стояла солдатская койка, заправленная серым армейским одеялом. Мерецков устало опустился на койку и, в ту же секунду, услышал голос надзирателя:

– Встать! Не положено!

Он не сразу понял, что выкрик относится именно к нему.
– Тебе что, не ясно? Встать, а то зубы будешь собирать

с пола! Отбой в 20-00; вот тогда можешь усаживаться или укладываться!

Кирилл Афанасьевич медленно поднялся с койки и зашагал по камере. Ночью, после ареста, его доставили к следователю НКВД. Сотрудник был молод, не более двадцати лет. На малиновых петлицах гимнастерки блестели два «кубаря», что соответствовало званию сержанта.

– Что встали у порога? Проходите, Кирилл Афанасьевич, в ногах правды нет, – произнес следователь. – Правда, на заднице вы ее тоже не отыщите...

Он громко рассмеялся над шуткой, обнажив мелкие прокуренные зубы. Затем пододвинул чистый лист бумаги и, взяв из стакана заточенный карандаш, тщательно осмотрел его, словно стараясь убедиться, что тот хорошо заточен. Взглянув на растерянное лицо Мерецкова, следователь задал первый вопрос:

– Кирилл Афанасьевич, в каком году вы были завербованы немецкой разведкой? Только не надо возмущаться и устраивать сцен патриотизма! Здесь говорят не только люди, но и стены.

Генерал побледнел. Теперь он окончательно понял, что с ним случилось.

«Язык мой – враг мой! – почему-то подумал он. – Вот тебе, дураку, Тухачевский, Блюхер, Уборевич...».

– Меня никто никогда не вербовал! Вы об этом хорошо знаете и, все же, задаете мне подобный вопрос, – произнес

Мерецков.

Следователь улыбнулся и посмотрел в угол кабинета, где сидел человек, не знакомый генералу. Падавшая от лампы тень скрывала его лицо. Однако, генерал сразу понял, что это сотрудник НКВД в высоком звании.

– Кирилл Афанасьевич, не нужно отрицать свое предательство! Все ваши друзья: Уборевич, Тухачевский, Блюхер, Якир, давно во всем признались! Не заставляйте нас применять, в отношении вас, особые методы принуждения... Это ужасно больно! Что же вы молчите? Здесь на Лубянке работают настоящие мастера своего дела: они могут заставить заговорить любого человека!

Голос начальника показался генералу знакомым. Он напряг память, стараясь угадать, кому он принадлежит.

«Кто это? Где я слышал этот тихий проникновенный голос? Неужели, сам Берия?! – думал Мерецков. – Если это так, то шансов вырваться из застенков, у меня практически нет. Интересно, знает ли о моем аресте Сталин?»

– Скажите, Кирилл Афанасьевич, – снова обратился к нему незнакомец, – что плохого сделала вам наша партия, интересы которой вы предали?

«Берия, это точно Берия! Его голос!» – окончательно решил генерал.

– Я никого никогда не предавал, ни Родину, ни партию! Вы можете меня забить, но я никогда не признаю то, в чем вы пытаетесь меня убедить! Я – не предатель и никогда им

не был! Все, что я делал в этой жизни, направлено на укрепление Красной Армии.

– Вот на этом пока и остановимся, – произнес мужчина. – Прикажите отвести арестованного в камеру.

В помещение вошел конвоир. Мерецков повернулся и вышел из кабинета.

Допрос шел без перерыва уже вторые сутки. В голове Мерецкова все перепуталось: он уже не понимал, о чем его спрашивают. И когда он не отвечал на поставленный вопрос, следовал удар. Вот и сейчас, после сильного удара, он отлетел в дальний конец кабинета и потерял сознание.

– Приведи его в чувство, – усталым голосом произнес следователь.

Боец, внешне похожий на мясника, вылил на голову Мерецкова ведро холодной воды. Генерал открыл глаза и отрешенно посмотрел на следователя.

– Зачем же вы молчите, Кирилл Афанасьевич? Я же вас предупреждал, что буду вынужден принять меры, чтобы развязать вам язык. Не думайте, что я – маньяк и мучения людей приносят мне наслаждение. Мне по-человечески жаль вас.

Он отдал команду, и сильные руки конвоиров оторвали Мерецкова от пола и снова усадили на табурет. Перед глазами генерала плыли круги, он плохо понимал, о чем его спра-

шивал следователь.

– Скажите, кто еще входил в состав вашей группы? Как долго вы осуществляли свою подрывную работу?

– Я уже устал вам повторять, гражданин следователь, что не понимаю, о чем вы спрашиваете. Я не знаю никакой группы. Я всегда служил партии и народу!

Сильный удар в челюсть буквально смел Мерецкова с табурета, как сносит порыв шквального ветра легкую пушинку. Генерал охнул, отлетел метра на два и, ударившись головой об угол, потерял сознание. Пока Мерецкова отливали холодной водой, следователь снял трубку и начал звонить своему начальнику.

– Товарищ капитан, арестованный продолжает молчать. Разрешите применить метод интенсивного силового допроса.

Получив согласие, он снова приказал посадить арестованного на табурет. Табурет, на который в этот раз посадили Мерецкова, был довольно высок, и босые ноги генерала не доставали до мокрого пола кабинета.

– Скажите, генерал, что вам поручал враг народа Уборевич? Какие его приказы, по ослаблению Красной Армии, вы выполняли? Почему вы молчите? Неужели надеетесь выйти живым отсюда?

Мерецкова засыпали вопросами. На некоторые он отвечал, другие оставлял без ответа. Пока все обходилось без рукоприкладства. Наконец, следователь устало вздохнул, под-

нялся из-за стола и вышел из кабинета. Не успела закрыться дверь, как в кабинет вошел новый следователь; и снова поток вопросов посыпался на генерала Мерецкова. В какой-то момент ему показалось, что он медленно сходит с ума, ведь на все эти вопросы он уже многократно отвечал. У него начали затекать ноги, и Кирилл Афанасьевич попытался поменять положение на табурете, вернее, коснуться ногами пола.

– Кто еще входил в состав вашей группы? Это правда, что вы готовили покушение на товарища Сталина?!

Мерецков молчал. От яркого света, бившего в глаза, у него закружилась голова, и он медленно сполз с табурета. Полведра холодной воды и его снова усадили на табурет. Ноги генерала совершенно одеревенели. Он попытался встать на пол, но его снова подхватили «заботливые» руки конвоиров.

– Который сейчас час? – спросил он следователя. – Отведите меня в камеру: я больше не в силах сидеть на вашем табурете.

Последние слова вызвали у следователя усмешку:

– А кому сейчас легко, гражданин Мерецков? Если вы хотите вернуться в камеру, ответьте, когда и при каких обстоятельствах вступили в связь с немецкой разведкой?

Генерал молчал, понимая, что его ответы не интересуют следователей. Сильная боль в затекших ногах буквально парализовала мозг.

– Подпишите эти бумаги, и ваши мучения кончатся! – глу-

хо доносился до него голос следователя.

– Я – не предатель, – прошептал Мерецков. – Я – не предатель, не предатель....

Лицо следователя скривила злая улыбка.

– Кирилл Афанасьевич, вы умный человек и должны понять, что здесь подписывали подобные признания многие ваши товарищи: Якир, Уборевич, Блюхер, Тухачевский...

– Я не подпишу! Умру, но не подпишу...

Лицо следователя вдруг поплыло перед глазами и моментально слилось со стенами кабинета: Мерецков повалился с табурета, вновь потеряв сознание.

Что-то щелкнуло в шейных позвонках Смирнова, и жуткая боль, на мгновение, пронзила тело...

– Вот и все, – тихо произнес мужчина с белой окладистой бородой. – Сегодня еще немного поболит, зато завтра, сынок, будешь как новенький. А, сейчас, лежи немного, отдохни.

– Спасибо, отец, – поблагодарил Николай и посмотрел в сторону сержанта Вавилова, который наблюдал за манипуляциями деда. – Ходить-то смогу?

– Думаю, сможешь: не таких больных, как ты, на ноги поднимал! Ну, я пошел, мне еще скотину накормить нужно.

Старик вышел из дома, а Смирнов рукой подозвал к себе Вавилова и попросил помочь ему встать на ноги. Сержант

подсобил подняться с широкой лавки. Перед глазами Николая медленно проплыла нехитрая мебель, стоявшая в горнице старика: сначала в одну, затем в другую сторону, и вдруг замерла на месте.

– Ну, как, товарищ лейтенант? – поинтересовался Вавилов. – Стоять-то сможете?

– Попробую, – неуверенно ответил Смирнов. – Отпусти меня.

Вчера вечером они наткнулись на немецкий разъезд. В том скоротечном бою были убиты трое бойцов из его группы, а пять человек бесследно пропали, по всей вероятности, сдались гитлеровцам. Сейчас в группе оставалось всего одиннадцать человек, двое из которых были ранены.

Смирнов сделал шаг. Этот шаг дался ему с большим трудом. Сейчас он походил на младенца, делавшего первые неуверенные шаги в своей жизни. Николая мотнуло в сторону; и если бы не сильные руки Вавилова, то он бы непременно упал.

– Держитесь, товарищ лейтенант, – произнес сержант. – Нам с вами еще топать и топать!

– Ты прав, Вавилов. Помоги мне сесть: ноги почему-то дрожат, как бы, не упасть!

Вавилов помог Смирнову сесть за стол, на котором стоял чугунок с еще не остывшей картошкой.

– Поешьте, товарищ лейтенант, пока картошка теплая. В крынке молоко, а я пойду, посмотрю, как там бойцы.

Николай взял в руки картофелину и начал ее чистить. В этот момент в горницу вошел дед. Увидев сидящего за столом офицера, он улыбнулся.

– Видишь, сынок, ты и поднялся на ноги. Значит, все будет хорошо, а то могло и парализовать от такой травмы. Видно, в рубашке родился!

Старик сел за стол и протянул ему кисет с табаком.

– Кури, – коротко предложил он. – Табачок у меня крепкий, душистый.

Николай свернул сигарку и закурил. Табачок и в самом деле был знатным.

– Скажи, дед, до дороги далеко? – спросил Смирнов.

– Верст десять будет, – ответил старик, присаживаясь рядом. – Но идти туда не стоит, там немцы, который день едут и едут!

– А что посоветуешь?

Старик задумался.

– Если хотите, я вам покажу другую дорогу. О ней сейчас мало кто знает. Ее еще до первой мировой выстроили, а затем почему-то забросили. Старая дорога, верст на сорок короче нового тракта.

– Хорошо, договорились. А сейчас пойду, прилягу: что-то меня штормит!

– Ложись, сынок.

Старик помог Смирнову улечься на лавку и вышел из хаты.

Фронт стремительно откатывался на восток, и догнать его становилось с каждым днем все сложнее и сложнее. Они шли всю ночь. Когда на востоке заалела заря, Смирнов понял, что дальше идти не может. Недавняя контузия и полученная при этом травма ограничивали его физические возможности. Он посмотрел на шагающего рядом Вавилова и приказал ему объявить привал. Выбрав место, красноармейцы буквально повалились на землю. Всю ночь они слушали канонаду; но сейчас она вдруг смолкла и каждый боец, гадал про себя, что это означало.

– Товарищ лейтенант, почему тихо? Почему никто не стреляет?!

– Не знаю, сержант; вышли на всякий случай разведку: как бы, не напороться на немцев...

Двое бойцов, прихватив с собой винтовки, исчезли за стволами деревьев. Смирнов лег под сосной, глядя в небо, по которому словно большие белые куски ваты, проплывали облака. Ему, еще с детства, нравилось лежать на спине и наблюдать, как легкий ветерок качает кроны деревьев, которые как бы играли с небом в прятки, то скрывая его от глаз, то, наоборот, открывая всю красоту. Вот и сейчас, глядя в синеву, ему казалось, что он окунулся в детство.

– Товарищ лейтенант, – услышал он встревоженный голос Вавилова, который моментально вернул его к действитель-

ности. – Разведчики вернулись.

– Давай их ко мне, пусть доложат.

Николай тяжело поднялся с земли и присел на пенек. К нему подошли бойцы и, вытянувшись в струнку, приступили к докладу.

– Впереди нас, товарищ лейтенант, немецкие саперы восстанавливают разрушенный мост. Их около двадцати, вооружение – один пулемет и винтовки. Все это добро лежит в грузовой машине. Работают без всякого охранения, можно подумать, что они уже выиграли войну, суки!

«Вот тебе и заброшенная дорога! – думал Николай, вспоминая разговор с дедом. – Выходит, не он один помнит о ней...».

Где-то недалеко ухнуло орудие, затем другое, и наконец, канонада вновь завела свою симфонию. Над головами красноармейцев, надрывно ревя мощными моторами, медленно проплыла армада немецких самолетов. Отпустив разведчиков, Смирнов лег в высокую, пахнущую разнотравьем траву и, достав из полевой сумки карту, стал внимательно изучать местность.

«Слева от нас большое болото, и пройти там без проводника вряд ли удастся, – размышлял он. – Справа – дорога Минск – Москва; там немцы! Следовательно, у нас один единственный путь, преодолеть реку, но там немецкие саперы! Что делать? Придется атаковать! Это даже хорошо, что гитлеровцы столь беспечны и оружие находится у них в ма-

шине. Пока они до него доберутся, мы успеем их уничтожить! Нужно еще раз отправить бойцов к мосту, пусть внимательнее посмотрят, что там».

Весь день красноармейцы отдыхали. Смирнов разложил на земле детали автомата и смазывал их оружейным маслом. Предстояла стычка с немцами, и ему не хотелось, чтобы в бою вдруг заклинило оружие. Когда край заходящего солнца коснулся вершин леса, он отдал команду и группа начала выдвигаться в сторону речки.

– Как там? – коротко спросил он разведчиков.

– Немцы готовятся к ужину. Некоторые из них купаются, другие, отдыхают.

– Это хорошо, – отметил Николай.

Раздвинув кусты, он увидел немцев метрах в ста от себя. Солдаты вермахта в этот миг походили на детей: одни из них весело плескались в воде, другие сидели на траве в ожидании ужина. Смирнов махнул рукой, и красноармейцы поползли в сторону гитлеровцев. Николай выдернул чеку из гранаты и, укрывшись за кустами, швырнул ее в группу отдыхающих на берегу гитлеровцев. Сверкнуло пламя, затем мощный взрыв разбросал тела немцев в разные стороны. За первым взрывом последовал второй, почти утонувший в грохоте винтовочных выстрелов. Через минуту все было кончено; трупы немецких солдат буквально устилали речной берег.

– Соберите оружие убитых и документы, – приказал Николай Вавилову. – Спроси, кто может управлять машиной.

– Товарищ лейтенант, смотрите, что я нашел в кабине машины, – доложил боец и протянул Смирнову книгу, о которой Николай не раз слышал в стенах училища.

Это была «Хрестоматия немецкой молодежи»; именно на этом труде воспитывались будущие «буревестники нового порядка». Преподаватель даже однажды, процитировал одну из глав. Смирнов, моментально, вспомнил эти строки:

«Мужество – самая прекрасная и возвышенная черта мужчины. Тот, у кого нет мужества, не мужчина. Великолепно мужество атаки. Человек отбрасывает в сторону все, что чуждо великой идее, и, свободно дыша, с ликованием бросается вперед. Мужество окрыляет мужчину и переполняет его сердце. Наступление – высшая точка жизни. Мужествен тот, кто готов поставить все на карту и победить или проиграть. Тот, кто никогда не бросался вперед, не жил по-настоящему, а значит, и не стал настоящим мужчиной».

Николай закрыл книгу и швырнул ее в сторону. Он еще раз посмотрел на убитых немцев и, впервые с начала войны, понял, что никакая идеология, основанная на уничтожении людей, никогда не сможет сломить волю его товарищей по оружию.

Через две минуты они двинулись снова на восток, оставив после себя трупы гитлеровцев и сожженный грузовик.

Корнилова Нина стояла около вагонного окна и смотрела

на мелькавшие вдоль дороги деревья и постройки. Их санитарный поезд 2612 направлялся на Западный фронт, где шли ожесточенные бои. Сегодня, проснувшись после суточного дежурства, она почему-то подумала о лейтенанте Смирнове.

«Интересно, жив он или погиб в этой огненной мясорубке?», – размышляла она. Ее родной город заняли немцы; и теперь там, где она так любила гулять и проводить время с подругами, наверное, гуляют враги. От этой мысли ей стало как-то не по себе. Поезд резко дернулся, стал притормаживать, а затем и вовсе остановился. Нина посмотрела в окно: за стеклом окна, возле насыпи, валялись разбитые железнодорожные вагоны, у которых копошились военнослужащие.

«Что они там ищут?» – подумала Нина.

Паровоз пронзительно засвистел, словно подавал сигнал о прибытии.

– Давайте, девочки, бегом! – услышала она команду капитана. – Быстро грузим раненых.

Нина выскочила из вагона. Вокруг суетились десятки людей, многие из которых тащили носилки с ранеными.

– Чего стоишь с раскрытым ртом?! – закричал на нее один из санитаров. – Давай, принимай!

Нина бросилась обратно в вагон и стала указывать, куда кого укладывать. Час погрузки пролетел, как в кошмарном сне. Вскоре мест в вагонах уже не было, а на перроне оставалось еще много искалеченных красноармейцев.

– Простите, милые, – словно оправдываясь перед ними,

шептала она.

– Дочка, помоги! – доносилось с перрона. – Не бросайте...

Наконец паровоз снова засвистел и нехотя тронулся. За окнами поползли разрушенные бомбами строения, которые вскоре слились с мелькающими деревьями.

– Дочка, сверни самокрутку, – попросил пожилой боец, руки которого были замотаны грязными бинтами.

Нина взяла кيسет, бумагу и попыталась скрутить сигарку, однако у нее ничего не вышло.

– Смотри, сестренка, как это делается, – подбодрил ее боец, лежавший рядом. – Ничего, научишься...

– Прекратить курить! – приказал проходивший по вагону капитан. – Сгорите! А вам, Корнилова, пора начинать перевязку.

Нина вышла в тамбур и, бросив недокуренную бойцом сигарку на пол, раздавила ее носком сапога.

– Нина! Где ты шляешься? Я тебя устала искать! – произнесла врач, открыв дверь тамбура. – Сейчас Иван Григорьевич начнет делать операции нужно подготовить наиболее тяжелых красноармейцев.

Они вошли в вагон, и вдруг рядом что-то грохнуло. Вагон, как-то неестественно шатнулся из стороны в сторону; осколки вспороли обшивку вагона. Немецкие самолеты, словно коршуны, накинулись на санитарный поезд. Бомбы рвались рядом с вагонами, убивая живых и добивая раненых. Казалось, этому аду не будет конца; но вдруг все стихло! Нина

поднялась с пола и увидела неподалеку врача. Из головы убитой женщины тонкой струйкой сочилась кровь.

После полудня надзиратель открыл камеру.

– Мерецков! На выход! – громко выкрикнул он.

Кирилл Афанасьевич с трудом поднялся и направился к выходу.

– Лицом к стене! – скомандовал надзиратель и, схватив его за шиворот, ткнул головой в стену.

Затем последовала команда:

– Вперед!

Генерал шел вдоль длинного узкого коридора, в котором чернели двери камер. Он хотел обернуться, но сильный толчок в спину едва не свалил его с ног. Его вывели на тюремный двор, где уже стояло несколько арестантов.

– Лицом к стене! – снова произнес конвоир и ударил замешкавшегося генерала прикладом в спину.

Их быстро погрузили в «воронок», и машина выехала из ворот тюрьмы.

«Куда нас везут, – думал Мерецков, – неужели на расстрел?!»

Он посмотрел насидевших рядом с ним, но их лица были абсолютно бесстрастными.

«Неужели, они ничего не понимают? – с ужасом подумал генерал. – А, может, им уже все равно?!»

«Воронок» резко затормозил.

– Выходи! Быстрее строиться! – слышались команды конвоира.

Мерецков обернулся и сразу узнал место, это был железнодорожный вокзал. Их загрузили в вагон, в котором уже находились арестанты. Поезд протяжно загудел, дернулся и тронулся. Народу в вагоне было так много, что все стояли на ногах, поддерживая друг друга. Их не кормили более трех суток, а справлять естественные нужды приходилось в одном из углов вагона. На четвертые сутки состав остановился.

Когда их высаживали из вагона, многие из арестантов просто валились на землю, не в силах держаться на ногах...

– Встать! – заорал конвоир и ударил одного из них ботинком в лицо. – Что, суки, еще не поняли, куда попали?! Мы вас научим любить советскую власть! А, сейчас, быстро построились в шеренгу. Запомните: шаг вправо, шаг влево, прыжок на месте считаются попыткой к бегству, а значит, конвой стреляет без предупреждения! Вперед!

Колонна тронулась под лай озверевших овчарок и выкрики конвоиров. Лагерь, куда их повели, находился в пятнадцати километрах от станции. Этап остановился перед металлическими воротами. Из калитки вышел офицер и, выслушав доклад конвоя, приказал открыть ворота. За вторыми воротами, из колючей проволоки, стояла толпа зэков.

– Воры есть? – выкрикнул кто-то из толпы.

– Есть! – последовал ответ. – Нас пятеро!

Мерецкова определили в пятый барак. Держа набитый соломой матрац под мышкой, он вошел в помещение и остановился у входа.

– По какой статье, бродяга? – спросил его зэк, руки которого пестрели от наколок.

– Сто пятьдесят восьмая...

– Значит, предатель! Тяжело тебе здесь будет. Ломись отсюда, фашист, иначе ночью задавим! А пока, двигай, батонами. Не бойся, я не кусаюсь!

Сидевшие в бараке блатные громко расхохотались.

– Чего оробел? Проходи, будем знакомиться! Твоё место – наверху, закидывай свой матрац, – сказал другой заключенный. – А этих не слушай: они это так, пугают.

– Проходи, – коротко произнес сотрудник Особого отдела и указал Смирнову на пустой ящик из-под снарядов, стоящий в углу блиндажа.

Николай недоверчиво посмотрел на офицера. Вчера вечером, после перехода группы через линию фронта, его тут же обезоружили, а затем арестовали. Сотрудник Особого отдела стрелкового полка долго допрашивал Николая, заставляя рисовать на карте весь маршрут движения группы.

– Я что-то вас не понимаю, товарищ лейтенант! Вы мне не верите?

– Во-первых, я тебе не товарищ! Во-вторых, почему я дол-

жен тебе верить? На карте этой дороге нет, значит, ты врешь! А потому предлагаю рассказать правду! С какой целью ваша группа перешла линию фронта?!

– Я, командир Красной Армии, разве этого мало? Я вывел свою группу из немецкого тыла.

– Слушай, Смирнов! Свои эмоции оставь при себе! Сейчас в этих лесах кого только не встретишь! Националисты, диверсанты, дезертиры... Короче, каждой швали по паре; а ты мне долбишь о какой-то вере! Откуда я знаю, кто ты такой и с какой целью перешел линию обороны?!

Смирнов вскочил от внезапно охватившего его возмущения, но сильный удар стоявшего рядом бойца, заставил его согнуться и упасть на пол.

– Шадрин! – прикрикнул сотрудник Особого отдела – Ты аккуратней бей, а то так и убить можно!

– Как могу, – угрюмо ответил боец.

Николай тяжело поднялся с пола и снова сел на ящик, с нескрываемой ненавистью глядя на своих мучителей.

– Знаешь, Смирнов, я сделал запрос в твой полк. Он по счастью находится неподалеку от нас. Посмотрим, что нам ответят. Так, что поживи немного, а там будет видно, как с тобой поступить. Сейчас, война! И с такими, как ты, дезертирами никто церемониться не будет...

– Я не дезертир, – выдохнул Николай и хотел подняться с ящика; но, взглянув на стоявшего рядом бойца, остался на месте.

– Не дергайся, лейтенант. Еще немного и мы узнаем, кто ты.

Смирнова увели из избы и закрыли в сарае, в котором находилось около десятка бойцов, вышедших из окружения.

– Били? – коротко спросил один из них. – Они это могут! Чего молчишь? Мы все здесь сейчас в одинаковом положении.

Смирнов выбрал место в углу сарая и опустился на землю. У него снова заболела шея, затем боль перекинулась в голову. Он прислонился к стене и закрыл глаза. Скоро к нему осторожно подсел один из арестованных.

– Слушай, лейтенант, – зашептал незнакомец, – тебе не кажется, что нас вот-вот расстреляют? Не знаю, как ты, но я умирать здесь не собираюсь, было бы за что! Немцев нам все равно не остановить! Смотри, как прут, скоро до Москвы дойдут! Думаю, нужно к ним подаваться. Как ты на это смотришь?!

Николай молчал: он просто не знал, как поступить в такой ситуации.

«А вдруг у этого человека есть единомышленники? – подумал он. – Пока прибегут конвойные, они просто успеют меня убить! С другой стороны, это может быть просто провокатор; и сейчас он ждет, что ты ему ответишь...»

– Ты не думай, я здесь не один такой, кто хочет податься к немцам, – продолжал незнакомец. – Нас четверо, ты можешь стать пятым.

«Если в сарае находится десять человек, то половина из них – враги, – прикинул про себя Смирнов. – Одному мне с ними не справиться!»

Он открыл глаза и посмотрел на собеседника. Им оказался тот самый боец, который спрашивал, били его или нет.

Сталину почему-то не спалось в эту ночь. Он поднялся с дивана и, накинув на себя меховую безрукавку, вышел на веранду. Стекла веранды ближней дачи были мокрыми от дождя, который начался еще ранним утром и шел почти сутки. Сталин недолюбливал осень из-за затяжных дождей и ветра, который, словно сорвавшись с цепи, гудел в проводах и швырял на землю пожелтевшие листья. Но до настоящей осени было еще далеко. Он, молча, стоял у окна, глядя, как бушевало ненастье, и размышлял о прошлом.

«Кто живет прошлым, тот не имеет будущего», – вспомнил он слова народной мудрости; однако анализ своих поступков позволял ему отбирать из людей, его окружавших, тех, на кого он мог опереться в эти суровые военные дни.

Неожиданно для себя он почему-то вспомнил бывшего наркома НКВД Ежова. С чем это было связано, он никак не мог понять. Вождь, раскурил трубку и сел в кресло. На веранде было темно, однако, это не мешало его воспоминаниям. Он снова взглянул на окно, в которое, словно раненная непогодой птица, бился и стучал дождь.

Сталин, с невнятным чувством внутреннего беспокойства, неторопливо начал перебирать в памяти детали разговора с Ежовым. Он хорошо помнил потное лицо наркома, и это воспоминание невольно вызвало у него усмешку.

«Как этот недоумок, – вспоминал Сталин, – желая подольститься ко мне, ляпнул, что «ежовые рукавицы» не будь они надеты на руки гениального вождя, ничего бы, не стоили!»

Эти слова Ежова вызвали у него неоднозначную реакцию.

– Постой, постой, товарищ нарком, здесь ты глубоко заблуждаешься! Может, ты решил, что я не совсем тебя понимаю? Нет, товарищ Ежов, у тебя ничего не получится! Вся ответственность за то, что сейчас совершается сотрудниками НКВД, в том числе промахи и прямые преступления, лежит исключительно на тебе, и не смей больше пытаться переложить ее на меня и на партию!

Согласно информации с мест, чистка партийных рядов, задуманная, как кампания по обновлению и омоложению кадров, приобрела, под руководством Ежова, угрожающие размеры. Щупальца спрута, именуемого народным комиссариатом внутренних дел, неустанно вытягивали расстрельные списки из всех областей гигантской страны; а партийные органы на местах активно сочиняли эти списки, перевыполняя спущенные Ежовым разнарядки; при этом избавлялись от конкурентов и неугодных, сводили личные счеты, порою включая в списки, ни в чем не повинных людей... Сталин

вспомнил, как просил его Хрущев увеличить данную Ежовым разрядку хотя бы в два раза!

Вождь затянулся дымом. Понимал ли он тогда, к каким последствиям это может привести? Безусловно, ведь счет расстрелянных шел уже на сотни тысяч. Сотрудники НКВД, за проявленные оперативные показатели, стали получать оклады в четыре раза выше, чем при бывшем наркоме Ягоде. Именно тогда, при этой встрече, Сталин понял, что должен взять ситуацию в свои руки.

«Эту машину пора притормозить, – решил он, – иначе она подомнет под себя все! Да и структура кадров в ведомстве Ежова уже не соответствует его новым задачам. Теперь, когда Великая чистка, в основном, завершена, на местах потребуются не слепые полуграмотные исполнители, которых набирал Ежов, а люди с юридическим образованием, способные достойно следить за соблюдением законности в государстве. Что касается самого Ежова, он сделал свое дело; и не ему, безграмотному дураку с инициативой, решать эти новые задачи...»

Докурив трубку, Сталин вернулся в теплую комнату, снял безрукавку и сел за письменный стол. Все было как в то утро, когда его взгляд остановился на вырезанной из «Огонька» репродукции картины, на которой запорожцы сочиняли письмо турецкому султану. Ему нравилась эта картина, а соленый текст письма он любил при случае процитировать гостям во время мужского застолья: «Какой ты лыцарь, если

не можешь голой ж... ежака убить?»

«Надо же, какое забавное совпадение! Ежака убить, было тогда делом нехитрым, – вспоминал Сталин, и даже «лышарская» задница для этого нашлась».

Он тогда позвонил Лаврентию Берии и в течение пяти минут решил вопрос с Ежовым.

«Что нужно сделать, чтобы остановить отступление Красной Армии? Где найти людей, способных переломить хребет Гитлеру?! На кого опереться?! Ворошилов, Буденный – это смешно! Нужны люди типа Жукова, которые могут железной рукой очистить армию от трусов и пораженцев. Мехлис? Но он не военный; он только и может, что расстреливать генералов. Нет, он явно не годится для этой роли!»

Неожиданно Сталин вспомнил о Мерецкове, о котором еще накануне ему напомнил все тот же Хрущев. Он хотел отбросить эту фамилию в сторону, но что-то заставило его написать ее на листке перекидного календаря.

Вечером конвоир вывел Смирнова из сарая и, подталкивая прикладом в спину, повел его к избе, где размещался Особый отдел. Николай вошел в горницу и сразу же увидел Говорова, который сидел за столом и о чем-то разговаривал с коллегой. У открытого окна стоял еще один офицер и чистил пистолет. Смирнов, сразу вспомнил, как час назад этот офицер и двое сопровождающих красноармейцев увели из

сарая трех бойцов и расстреляли в ближайшем к избе овраге.

– Ваш офицер? – спросил чекист Говорова, указывая рукой на Николая.

– Наш, – произнес Геннадий Степанович, рассматривая Смирнова. – Я почему-то думал, что вся ваша рота погибла, а выходит, что нет.

– А меня чуть не расстреляли вот эти люди! Говорят, что я предатель, немецкий шпион или дезертир. Вы давно из Москвы?

Говоров улыбнулся.

– А, как ты хотел? Война, Смирнов, война! Лес рубят – щепки летят.

Он встал из-за стола и крепко прижал Николая к груди. Держа его за плечи, внимательно посмотрел ему в глаза.

– Ты не обижайся, так надо! Много разной швали сейчас по лесам кантуется, – словно оправдываясь, сказал Говоров. – Как здоровье?

– Ничего, жить можно, – ответил Смирнов и посмотрел на офицера, внимательно наблюдавшего за этой встречей.

– Вот и хорошо, сейчас поедem в полк, – произнес Говоров. – Нам как раз командиров рот не хватает. Немцы жмут, большие потери в полку.

Они вышли из избы и направились к «Эмке», стоявшей под деревом. Дорога до полка заняла минут двадцать пять – тридцать.

– Знаешь, Смирнов, скажи спасибо сержанту Вавилову,

это он сумел сообщить о том, что вы вышли из окружения и сейчас находитесь в Малиновке. Иначе шлепнул бы тебя этот лейтенант...

– Странно как-то, товарищ Говоров. Разрешите вопрос? Тот, молча, кивнул.

– Что с генералом, которого мы арестовали?

– Расстреляли, – равнодушно ответил чекист.

– А правда, что органами был арестован и командующий Западным округом генерал Павлов? Мне об этом сообщил сотрудник Особого отдела.

– Не знаю, что тебе ответить. Скажу только разве правильно вывести войска в летние лагеря, без оружия и боеприпасов, вместо того, чтобы привести их в состояние боевой готовности? Больше я тебе ничего говорить не буду, не маленький – сам поймешь.

Утром, когда барак завтракал жидкой овсянкой с листьями сырой капусты, к Мерецкову привязался один из заключенных:

– Скажи, генерал, за что тебя сюда упрятал Сталин? Чего молчишь, почему не расскажешь братве о том, что вы там, в Кремле, не поделили?!

Мерецков почувствовал на себе десятки вопрошающих взглядов и сразу понял, что его пытаются спровоцировать.

– А что мне с ним делить-то было? Он – вождь, а я – ге-

нерал, каких у него много, – уклончиво ответил он.

– Врешь, генерал! Сейчас война, и генералы нужны фронту; а ты почему-то здесь. Так что колись, ваше благородие!

– Я не собираюсь оправдываться! Ты кто такой?!

– Я – вор, а вот ты, генерал, – предатель! И я не хочу сидеть с тобой за одним столом!

Мерецков вскочил из-за стола, и схватил за грудки обидчика. Камера, моментально разделилась на две половины, и началась потасовка. Кто-то из «блатных» попытался ударить генерала заточкой из гвоздя, но ему не позволил этого сделать мужчина богатырского телосложения. Он со всей силы ударил «блатного» кулаком в челюсть, отчего тот выронил оружие и отлетел метра на три в сторону. Дверь барака открылась, и в помещение ворвались конвоиры, которые стали направо и налево месить всех, кто попадал им под руку. Минуты через две в бараке стало тихо.

– Кто начал драку? – спросил вошедший в помещение офицер. – Чего молчите? Языки отсохли?

Заключенные молчали, с ненавистью глядя друг на друга.

– Хорошо, – произнес офицер. – Мерецков, Силин, Гаврилов и ты, Малин, вышли из барака!

Генерал вышел последним. Офицер подошел к нему и негромко сказал:

– Что, Мерецков, решил повоевать с «блатными»? Глупо. Они тебя на ремни порежут... Всех в карцер! Пусть посидят, подумают немного.

Кирилл Афанасьевича завели в небольшую камеру и быстро закрыли за ним дверь. Койки в помещении не было, и он сел прямо на холодный пол.

«Правильно ли я поступил, вступив в драку с «блатным»? – размышлял он. – Ведь меня легко могли зарезать! Как же я поддался на эту провокацию? Задача любого режима уничтожить тех, кто мыслит по-иному; и не важно, как это произойдет, сомнет ли его режим или завалят ножом».

Натуру Мерецкова всегда определяло деятельное начало. С семи лет он уже начал помогать отцу, пахать землю. С детских лет Кирилл Афанасьевич научился относиться к любому делу дотошно и пытливо. Благодаря этим качествам, его военная карьера складывалась весьма успешно. Он быстро прошел путь от начальника штаба отряда Красной гвардии, в городе Судогде Владимирской губернии, до главы Генерального штаба Красной Армии.

Все эти шаги по карьерной лестнице не обходились без ошибок. Однако ошибки были абсолютно разными. Мерецков определял их количеством вреда, который они приносили людям. Сейчас шла война, поэтому каждая ошибка командующего армией или фронтом могла привести к гибели сотен тысяч жизней!

В коридоре штрафного изолятора запахло махоркой. Это был единственный запах, связывающий его с волей. Кирилл Афанасьевич поднялся с пола.

«Пять шагов, поворот и снова пять шагов, – размышлял

он про себя. – Да, ему повезло, ведь могли закрыть в «пенал», где не только не сделаешь ни шага, но и не вздохнешь...»

За маленьким окном, которое словно запуталось в паутине решеток и колючей проволоки, стало темно. Наступала ночь – время для анализа ошибок и размышлений.

«Можно ли отнести к ошибке мою служебную записку, адресованную Сталину? – подумал Мерецков, прислонившись спиной к сырой стенке камеры. – Может быть, не стоило все это писать? А, может, я говорил с вождем как-то не так? Была ли вообще какая-то польза от моей записки? Обязан ли я был сообщать Сталину о положении на фронте?» Но он был советником и считал своим долгом подсказать вождю выход из создавшейся ситуации.

Мерецков прислушался: из коридора доносился богатырский храп надзирателя. Он невольно улыбнулся и снова предался размышлениям.

«Ведь пострадал только я один, а дело выиграло, включил же он в свой доклад выдержки из моей записки! Значит, я не ошибался! Конечно, жаль, что в самые горячие дни меня отстранили. Однако он меня не расстрелял, просто указал мне мое место, то есть дал мне понять, кто он и кто я. Спасибо, товарищ Сталин, я все понял!»

Мерецков закрыл глаза и вскоре заснул под мерный храп охранника.

Николай шел вдоль свежевырытых окопов, на ходу отдавая приказы по размещению и маскировке огневых точек. Где-то рядом, километрах в трех, шел бой, и эхо сражения отчетливо доносилось до их позиций.

– Симонов, не ленись, копай глубже окоп, – указывал Смирнов. – Каждые десять сантиметров глубины на десять процентов снижают вероятность того, что тебя подстрелит немец.

– Земля здесь такая, товарищ лейтенант: на полштыка вглубь, и уже вода; вот и приходится выбирать, что лучше.

Его наспех собранная рота, численностью около пятидесяти бойцов, должна была прикрывать отход основных сил батальона. Красноармейцы были из разных частей, и он никого из них практически не знал, за исключением сержанта Вавилова. Полк с боями уходил на восток, стремясь как можно быстрее выйти к переправе, которую еще не успели уничтожить гитлеровцы. Немецкие летчики не бомбили переправу, по всей вероятности, стремились захватить этот важный для всех мост. Мимо окопавшихся бойцов, подняв столб пыли, промчался десяток легких танков, направляющихся к переправе.

«Вот и эти спешат на восток, прикрывшись броней и пушками», – провожая танки взглядом, подумал Николай.

Вчера вечером выстрелом диверсанта был убит командир полка, и командование подразделением перешло к его заме-

стителю, майору Сеницыну. Майор был небольшого роста, но широк в плечах. Его бритая голова, легко поворачивающаяся из стороны в сторону, напоминала какой-то замысловатый флюгер. Сеницын в полку был человеком новым и явно не был готов командовать полком. Майор попытался отказаться от командования, но другого выбора у командира дивизии просто не было, и он своим приказом назначил Сеницына на эту должность.

– Твоя рота прикрывает отход полка, – произнес майор и взглянул на начальника Особого отдела. – С таким количеством бойцов, как у тебя, сделать это практически не возможно, но резервов у меня нет! Единственно, чем могу помочь, это выделить тебе дополнительно еще два пулеметных расчета. Нужно удерживать высоту как минимум часа три, пока не переправится полк!

Он замолчал, словно давая Смирнову осознать поставленную перед ним задачу.

– Через три часа можешь отходить. Через три часа, не раньше! Понял?!

– Так точно, товарищ майор.

К Смирнову подошел комиссар Рыков.

– Запомни, лейтенант: смелого бойца, пуля боится, смелого штык не берет!

– Это только в песне, товарищ комиссар; в жизни все по-другому.

– Ты комсомолец?

– Так точно.

– Тогда я не понимаю тебя! За твоей спиной тысячи беженцев. Если ты не остановишь немцев, представляешь, что будет?!

– Твой сосед слева – стрелковая рота двадцать второй бригады. Она прикрывает твой фланг, – снова вступил в разговор Синицын. – И не факт, что немцы пойдут именно по твоей дороге.

– Понял, товарищ майор.

Смирнов козырнул и направился к выходу. Его остановил начальник Особого отдела.

– Держись, как можешь! Удержишь высоту, лично представлю тебя к награде, не удержишь – расстреляю на месте! Я ясно изъясняюсь, лейтенант?

– Так точно, товарищ капитан.

«Легко сказать, держись...», – подумал Смирнов, выходя из блиндажа.

Рота зарывалась в землю. Слева от окопа Смирнова был установлен станковый пулемет. Николай вышел на дорогу и посмотрел на позицию, которую занимали его бойцы. Где-то рядом шел бой, и Николай, шагая вдоль дороги, не мог не слышать залпы орудий и хлопки минометных выстрелов.

– Быстро укрылись! Ветками, ветками укрыли окопы! – командовал он.

И вдруг стрельба стихла. Это было так внезапно, что все моментально притихли в ожидании чего-то страшного и непредсказуемого.

– Товарищ лейтенант, смотрите, бегут! – крикнул Вавилов и указал рукой на дорогу, по которой, бросая на ходу винтовки, бежали бойцы.

«Что делать? – с ужасом подумал Смирнов. – Как их остановить?!»

Николай схватил в руки автомат и бросился навстречу бегущим прямо на него красноармейцам.

– Немцы! Немцы в тылу! – закричал один из бойцов.

Смирнов схватил его за рукав гимнастерки, но тот вырвался и побежал дальше.

«Остановить! Остановить!» – словно молот, застучало в голове Николая.

– Стой! – заорал он, потрясая автоматом. – Куда бежите, сволочи? Стой! Перестреляю, гады!

Но красноармейцы не слышали его. Страх гнал их все дальше к реке, через которую переправлялись основные силы полка и беженцы. Ни отчаянная матерщина, ни очереди поверх голов бегущих не могли отрезвить людей, одурманенных инстинктом самосохранения. Николай ухватил за руку одного бойца и опрокинул его на землю.

– Куда бежишь?! Трус!! – прохрипел он, окончательно сорвав голос.

– Да пошел ты..., – хмыкнул ему в лицо боец. – Танки

там, танки! Хана нам всем!

Боец оттолкнул Смирнова и хотел бежать дальше, но Николай дал короткую очередь ему в спину. Боец выронил винтовку из рук и повалился на землю.

– Застрелю каждого, кто не остановится! – хрипел Смирнов, стирая кровь с разбитого лица. – Застрелю!!

Он снова выстрелил в спину пробежавшего мимо красноармейца. Тот обернулся и, шатаясь, направился в сторону лейтенанта, но, сделав несколько неуверенных шагов, повалился ему под ноги. Чья-то пуля сбила с головы Николая фуражку: кто-то явно стрелял в него, стараясь устранить внезапно возникшую преграду.

Он застрелил еще одного, прежде чем бегущие красноармейцы стали останавливаться; но в этот момент здоровенный детина, вскинул винтовку и выстрелил ему в голову. Пуля обожгла щеку. Смирнов нажал на курок автомата и стрелявший в него повалился мешком на землю...

Толпа остановилась. Новый страх, опасность, возникшая там, где искали спасение от смерти, по-иному ошеломила дрогнувших людей. Наконец до их сознания дошло, что внезапно выросший перед ними командир с окровавленным лицом может перестрелять их, когда до спасения остались считанные сотни метров! И эта опасность была столь реальной и осязаемой, что красноармейцы сначала остановились, а затем залегли на склоне высоты.

– Кто еще хочет отведать свинца? – снова захрипел Нико-

лай, перезаряжая автомат. – Всем в окопы! Занять оборону!

Бойцы, повинувшись команде лейтенанта, начали быстро занимать огневые позиции.

Где-то недалеко, за лесочком, урчали немецкие танки. Иногда до слуха Смирнова доносились хлопки минометных выстрелов. Гитлеровцы били по переправе, точнее, по войскам, которые стремились быстрее переправиться на тот берег, и не атаковали высоту, что оставалось загадкой для Николая. В небе показалась эскадрилья немецких пикирующих бомбардировщиков.

– Воздух! Воздух! – заорал кто-то из бойцов.

Красноармейцы замерли в окопах.

«Сейчас начнется!», – подумал Николай, услышав завывающий звук гитлеровских самолетов.

От воя немецких бомбардировщиков кровь стыла в жилах. Первые же взрывы заставили вздрогнуть землю; затем она, как живая, начала двигаться под телами прятавших от бомб людей. В этот миг по позициям роты ударили немецкие минометы. Все слилось в единый нескончаемый гул и грохот. Один из бойцов испуганно вскочил на ноги и моментально повалился на дно окопа. Осколок немецкой мины снес ему половину черепа. Кто-то пытался отползти назад, тщетно стараясь покинуть проклятую Богом высоту. Немцы били, не останавливаясь, стараясь перепахать все, что нахо-

дилось на высоте...

Смирнов сидел на дне окопа, то и дело, вздрагивая от падающих ему на голову комьев земли, и глядел на часы: арт-подготовка немцев шла уже около пятнадцати минут.

«Всего пятнадцать минут, а кажется, прошла вечность!», – подумал он.

До захода солнца оставалось еще более двух часов. Небо пестрило легкими серебристыми облаками, и казалось, что этому летнему дню не будет конца. Неожиданно, все стихло. Николай поднялся на ноги и, приложив к глазам бинокль, стал рассматривать дорогу. В оседающей от взрывов пыли, нависшей над дорогой, появились серые фигуры немецких солдат, медленнодвигающихся в сторону высоты. Смирнов торопливо отпил немного воды из фляги, чтобы прогнать через сухое горло скопившуюся в нем слюну, и окинул взглядом позиции роты. То, что он увидел, испугало его. Многие окопы были разбиты минами, другие оказались просто пусты.

«Где люди? – спрашивал он себя. – Неужели погибли или сбежали во время налета?!»

С нарастающим напряжением он следил за приближающейся немецкой колонной. В бинокль отчетливо просматривалось, что колонна была пешая. Немцы шагали уверенно, будто оказались не на войне, а на учениях! Впереди колонны шли два офицера. Один держал в руке фуражку, которой размеренно помахивал в такт шагам. В петлицах кителя по-

блескивали серебристые молнии.

«Вот они какие, эсэсовцы, – подумал Николай. – Все, как на подбор, рослые, здоровые ребята, привыкшие к победам».

Офицеры увидели развороченные взрывами окопы, трупы убитых солдат и стали что-то весело обсуждать, указывая рукой на позиции роты.

«Весело вам, гады! – со злостью подумал Смирнов. – Сейчас посмотрим, на что вы способны!»

Чем ближе подходили эсэсовцы к позиции Николая, тем тревожнее становились лица офицеров. Тот, что шел с обнаженной головой, надел фуражку и надвинул ее покрепче на лоб. Было тихо, лишь стрекот кузнечиков звенел в разогретом солнцем воздухе.

«Пусть подойдут поближе! – успокаивал себя Смирнов. – Пусть еще немного порадуются своей победе!»

Из ближайших кустов вылетела сорока и, треща, рванулась к лесочку. Николай отчетливо видел, как вздрогнул офицер, испуганно втянув голову в плечи.

Николай, не отрываясь, смотрел на немецкую колонну, приближавшуюся к его окопу. Заходящее солнце не давало бликов, которые бы могли выдать огневую позицию. Колонна росла буквально на глазах и походила на какую-то ужасную тварь, выползающую из дорожной пыли. Зрелище было жуткое; и сердце Николая тревожно забилось, а на душе ста-

ло тоскливо.

«Неужели я остался один? – думал он, глядя на пустующие окопы. – Не может быть, чтобы все погибли!»

Впереди офицеров шли семь автоматчиков охранения, которые путали все расчеты Николая, если он пропустит их и откроет огонь по колонне, то эти семеро окажутся у него в тылу и бой может закончиться намного раньше и не в его пользу; если же первую очередь направить на этих семерых, то немецкая колонна сразу заляжет в оборону и у него не получится тот сокрушающий удар в упор, который он так тщательно сейчас готовил...

Немцы были уже недалеко, и он холодно следил за автоматчиками, которые, с ленивой небрежностью, выходили на ближайший от него изгиб дороги.

«Еще шагов сорок, и они поравняются с валуном», – подумал Смирнов, выбрав для ориентира большой дорожный камень, торчащий из земли.

Николай сделал еще один глоток и отложил флягу в сторону. Прижав к плечу приклад пулемета, он стал неторопливо ловить в прицел шагающих автоматчиков.

«Нет, этих пропущу. Первый диск в упор по колонне», – в последнюю минуту решил Смирнов, подавляя в себе нервную дрожь.

Автоматчики миновали валун, и, словно почувствовав опасность, начали разглядывать молчавшие окопы. Колонна по-прежнему продвигалась вперед, поднимая десятками ног

дорожную пыль...

Первый автоматчик из головного охранения повернулся лицом к офицеру и указал стволом автомата на разбитые взрывом окопы. Тот только рассмеялся. Николай, щуря левый глаз, навел мушку на офицера и плавно надавил на спуск. Он хорошо видел, как тот будто согнулся от удара в живот и, раскинув руки, скрылся в пыли. Это было столь неожиданным для немцев, что они не сразу поняли, что произошло. Вслед за первым, рухнул на землю и второй офицер. Слетевшая с головы фуражка покатилась по дороге. Через минуту – другую все смешалось. Дорога кишела шевелящимися телами, словно вспоротый суком муравейник. То, что совсем недавно было воинской колонной, медленно сползло к обочине, обнажая дымящуюся от пуль дорогу.

Смирнов присел в окопе, чтобы перезарядить пулемет. Прислушиваясь к треску автоматных очередей, он не заметил, что уже расстрелял два диска. Теперь он решил беречь патроны и стрелять прицельно и точно. Прижавшись щекой к горячему пулемету, Николай внимательно наблюдал за гитлеровцами. Немцы копошились на обочинах: отстегивали от поясов и надевали на головы каски.

«Ну, как я вас? – мысленно спросил у них Смирнов. – Это вам не Европа, здесь парадным шагом не пошагаешь!»

Многие из упавших солдат остались лежать на дороге. Раненые, истошно вопя, звали на помощь. Удивительно, но немцы не стреляли по Смирнову, очевидно, от неожиданно-

сти не засекли его пулемет. Этому мешало и бившее в глаза низкое солнце.

Перегруппировавшись, немцы стали перебегать с дороги в поле, стреляя по разбитым окопам короткими очередями. Через минуту, встав в полный рост, автоматчики охраны медленно двинулись в сторону высоты.

«Срезать редкую цепь я явно не сумею. Солдаты тут же залягут, а, после второй очереди, я буду у них, как мишень! Что делать? – лихорадочно думал Смирнов, реально осознавая, что скоро умрет. – Может, стоит отойти?»

Николай посмотрел на небо, где, в вышине, загромождая синь, стояли сомкнутые горы облаков, темные снизу и ослепительно белые сверху. Он оглядел небольшой синеющий лесок, разделенный облачной тенью, глянул на уходившее по косогору вниз косматое от развалившихся колосьев ячменное поле и, страдая оттого, что должен все это оставить, тяжело вздохнул, и еще сильнее прижал приклад пулемета к плечу.

Смирнов внимательно следил за автоматчиками. Перед прицелом его пулемета «горел» ярко-малиновым огоньком иван-чай. Немцы упорно шли вперед, выдирая ноги из густого ячменя. Они не пригибались и не стреляли, видимо, полагая, что пулеметчик убит. Ободренная тишиной, двинулась вперед и изрядно поредевшая пехотная колонна.

Николай хорошо понимал, что сейчас пойдет открытый бой, последний для него. Он сосредоточился и как бы перестал замечать двигающуюся к нему с поля опасность. Он снова развернул пулемет в сторону дороги, по которой шагала колонна гитлеровцев, и быстро нашел цель. Это был толстый фельдфебель, который то и дело снимал с головы фуражку и вытирал платком вспотевший от напряжения лоб.

«Боишься? – усмехнулся Смирнов. – Хорошо, что боишься, трус – не воин!»

Затаив дыхание, он хотел нажать на спуск пулемета; но, неожиданно для него, слева заработал станковый пулемет. Пули ударили по немецкой цепи и заставили ее прижаться к земле. Николай плавно нажал на спуск. Унтер-офицер дернулся всем телом и упал в пыль. Гитлеровцы снова поползли в кювет, но пули вырывали из толпы все новые и новые жертвы. Через десять минут Смирнов услышал характерный воющий звук. Он упал на дно окопа и накрыл телом пулемет.

Высота вдруг снова покрылась взрывами. Немцы не жалели мин. Вряд ли можно было остаться живым в этом огненном ливне, и вскоре неизвестный Николаю пулеметчик замолчал. Солдаты, лежавшие в ячмене, поднялись и, повинаясь командному окрику, осторожно направились вверх по склону.

Смирнов не торопился стрелять. Он подпустил немцев поближе и, когда достаточно плотная, ближняя к нему, часть цепи развернулась, приоткрыв спины, «ударил» по ней сбо-

ку, с удовлетворением отмечая, как заваливаются в ячмень солдаты. После второй очереди немецкая цепь рассыпалась. Обгоняя друг друга, эсэсовцы бежали к дороге, подгоняемые пулеметными очередями.

Воздух снова взорвался воем и скрежетом мин. Взрывы в очередной раз раскидали высоту, накрыв ее пыльным туманом. Николай вжимался в окоп. Мужеством было даже вы сидеть под убивающей пляской металла, не то, что вести из него огонь. Смирнов поднялся со дна окопа, когда вокруг за-тихло. Немцы шли на него от дороги; он видел их лица, багровые от солнца. Двумя очередями он заставил их прижаться к земле.

Слева снова отозвался станковый пулемет. Пулеметчик бил короткими очередями, не давая гитлеровцам броситься в атаку.

«Интересно, кто стреляет?», – думал Смирнов, наблюдая за окопом.

После очередного шквала огня Николай поднялся из окопа. На бруствере по-прежнему «горел» цветок иван-чая, устоявший на своем тонком стебле в этой ужасной круговерти. Смирнов никогда не связывал судьбу со знаменами природы, но на этот раз вдруг ощутил, что будет жить, пока жив цветок!

В какой-то момент Николай почувствовал недоброе, скорее, уловил чуть слышный звук танковых моторов. Он нащупал рукой бинокль, заваленный землей, и приложил его

к глазам. На поле нехотя выползли два танка, и Смирнов, снова осознав свою беспомощность, бессильно привалился спиной к обвалившейся стенке окопа.

Сталин, молча, ходил по кабинету, поглядывая на плотные зеленые шторы, закрывавшие окна. Сегодня утром он получил сводку Генерального штаба, в которой сообщалось, что немцы вышли к Смоленску. Прочитав ее, он смял лист и с досадой швырнул его в урну.

Подойдя к столу, Сталин сел в заскрипевшее кожей кресло. На столе между многочисленными телефонами лежала коробка папирос «Герцеговина Флор». Вынув папиросу, он разломил ее пополам и набил табаком трубку. Затем, раскурив, подошел к окну и, отодвинув в сторону штору, взглянул на двор. За окном шел дождь, мелкий и холодный.

«Скоро осень, – подумал Сталин, – это хорошо. Немецкая авиация снизит свою активность, и нам, возможно, удастся стабилизировать фронт».

Армия отступала под напором немецких танковых армий. Шли упорные бои за Киев, а из данных Генштаба следовало, что, если немедленно не отвести войска, то они окажутся в окружении!

«Почему так случилось? – размышлял Сталин. – Ведь мы готовились к войне: подтягивали резервы к границе. Наверное, правы были Мерецков и Шапошников, предлагавшие

принять стратегический план обороны страны! Почему я тогда их не услышал?! Почему доверился Павлову, который так и не смог наладить управление войсками, ведь Жуков, во время штабных учений, легко переиграл его?! Вопросов много, а ответов нет! Уж не поторопился ли Мехлис расправиться с Павловым? Может, стоило дать ему еще один шанс?! Почему я легко согласился его расстрелять, дабы показать генералитету, что никто из них не может рассчитывать на неприкосновенность и что никакие былые заслуги не спасут их, если войска будут откатываться вглубь страны? Но я согласился с необходимостью этих мер, и сейчас тот мечется между фронтами и стреляет, стреляет...».

Вождь глубоко затянулся дымом и, прикрыв глаза, медленно выпустил трубку изо рта. Взгляд его упал на лист календаря, где красным карандашом была начертана фамилия Мерецкова...

– Лаврентий, зайди ко мне, – сказал он по телефону, – есть разговор!

Сталин выбил трубку и посмотрел на дверь, в проеме которой уже стоял нарком НКВД. Вождь усмехнулся оперативности Берии.

– Проходи, Лаврентий, – коротко бросил он. – Что у тебя нового?

Берия, словно застывший в стойке пес, начал лихорадочно перебирать в голове последние события, которые могли заинтересовать Сталина. Заметив его нерешительность, вождь

решил помочь ему.

– Скажи, Лаврентий, – медленно произнес он, – как там наш Мерецков? Его не убили уголовники?

– Нет, товарищ Сталин, с ним все в порядке! Правда, он сейчас за нарушение режима находится в штрафном изоляторе.

Сталин усмехнулся.

– И там ему нейдет. С характером мужик!

Вождь внимательно взглянул на наркома. Его глаза, словно рентгеновские лучи, проникли в него. Взгляд был настолько ощутимым, что Берия невольно почувствовал холодок между лопатками. От этого взгляда сталинских глаз ему захотелось сжаться в комочек или просто исчезнуть из кабинета.

– Я что-то не пойму тебя, Лаврентий, – раздраженно произнес вождь. – Как ты думаешь, он понял, за что я сослал его туда?

– Безусловно, товарищ Сталин. Он уже давно раскаялся в содеянном!

– Это хорошо. Пусть еще посидит немного, подумает. Смена обстановки обостряет мозговую деятельность! Что нового в Москве?

– Немцы пытаются наводнить столицу своими диверсионными группами. Идет массовая заброска шпионов-диверсантов по всему фронту. Много работы!

– Да, немцы расслабиться не дают. Я тебя больше не дер-

жу, Лаврентий, иди, работай! Помни, что я сказал тебе о Мерцкове...

Вождь снова размял папиросу и закурил трубку.

Смирнов сидел на дне окопа, ожидая смерти: его вдруг охватило какое-то тупое равнодушие ко всему, что происходило там, наверху. Но, танки почему-то не приближались, а отдалялись от него, судя по шуму двигателей. Наконец, Николай нехотя поднялся и выглянул из окопа. То, что он увидел, удивило его. Обе бронированные машины, видимо, решив не рисковать, повернули вправо и скрылись за поворотом дороги, а без них, не отваживалась идти в атаку пехота!

Николай непроизвольно взглянул на часы и изумился во второй раз: они отмечали почти четыре часа с тех пор, как начал переправляться полк.

«Через три часа можешь отходить, – вспомнил он слова майора Синицына. – Через три часа, не раньше!»

Смирнов ласково потрепал рукой стебелек кипрея, спасшего ему жизнь.

«Кто знает, – подумал он, – что было бы со мной, кабы не этот, презирающий врага, отважный цветок?..»

Начинало темнеть, и Смирнов незаметно выбрался из окопа.

На второй день его блужданий по лесу он, наконец, вышел к переправе через Березину, где повстречался с сержантом

Вавиловым. Смирнов не сразу различил, где вода, а где берег: толпы снующих муравьями людей смешались в одну кипящую массу, продираясь от жиденького, побитого бомбами леска к разбитой переправе, над которой колдовали саперы, где ближе казался другой, спасительный берег.

– Товарищ лейтенант, что будем делать? – спросил Николай Вавилов.

– Переправляться, сержант. Ты плавать умеешь?

– Давно не плавал, с детства.

Он хотел что-то добавить, но из-за леса показались немецкие самолеты.

– Воздух! Воздух! – разнеслось по толпе.

Находящиеся на берегу люди, гражданские и военные побежали в разные стороны, давя друг друга. Немецкие самолеты, сверкая на солнце стеклянными кабинами пилотов, стали, один за другим, заходить на остатки переправы, которую пытались восстановить саперы. Бомбы поднимали столбы воды и речного песка, сбивали с плотов красноармейцев, многие из которых больше уже не показывались на поверхности воды.

В воздухе еще стоял гул бомбардировщиков, а по реке уже плыли обломки понтонов, расщепленные бревна разбитого моста. Течение реки медленно несло тела убитых людей, трупы лошадей, копны сена, какие-то чемоданы и узлы с пожитками.

Самолеты ушли; и людская лавина вновь потекла к реке. В

узкие горловины двух уцелевших понтонов, протянутых по обе стороны разбитого моста, закрывая путь всему, что двигалось на колесах. Танки, беспомощно выставив стволы пушек, просто тонули в обтекающей их плотной человеческой массе. Лошади, впряженные в артиллерийские орудия и по-нукаемые ездовыми, тоже застревали в этом потоке.

– Чего встал?! – кричал кто-то из ездовых на пожилого мужчину, который пытался забросить свой мешок в запряженную телегу. – Давай или туда, или сюда!

Саперы, словно муравьи, облепили остатки моста, стараясь стянуть разбитые понтоны. Им помогали все: и военные и гражданские. Кто-то привез бревна, которыми стали латать дыры, образовавшиеся во время налета. Заметив в штабном автомобиле полковника, Смирнов направился к нему.

– Товарищ полковник, разрешите обратиться.

Тот, молча, посмотрел на стоявшего перед ним командира. Гимнастерка Смирнова была грязной, бинт на голове побурел от крови, на сапоги налипла глина.

– Лейтенант Смирнов, шестьсот тринадцатый стрелковый полк. Мы прикрывали отход полка, и наша часть сейчас находится на том берегу. Товарищ полковник, неужели нет еще одного моста?

– Нет, – коротко ответил полковник. – Ниже по течению наплавной мост тоже разбит. Переправляйтесь на подручных средствах. Немцы в десяти километрах отсюда, и к вечеру, я думаю, будут здесь.

– Сюда! Давайте, сюда! – раздался чей-то крик. – Здесь брод!

Смирнов посмотрел в ту сторону. Красноармейцы и беженцы уже шли по пояс в воде, придерживая на плечах узлы и ребятишек. Люди брели медленно, будто сцепленные друг с другом. Ближе к тому берегу, где обширную отмель огибало русло реки, людей как будто размывало водой: кто-то решался и плыл, остальные стояли в воде, и с каждой минутой их становилось все больше и больше.

В этот критический момент вдалеке показались немецкие истребители.

Пока «Мессеры», сопровождаемые сотнями настороженных глаз, делали по небу широкий круг, чтобы лечь на боевой курс, по ним ударило с десятков спаренных пулеметов, установленных на грузовиках. Самолеты, не обращая внимания на огонь, начали стрелять по скопившимся людям. Пилоты делали заход за заходом. Людей стояло так много, что трудно было промахнуться. Вода в реке окрасилась в красный цвет. Началась паника. Люди метались по мелководью, пытаясь укрыться от огненных трасс немецких пулеметчиков. Расстреляв весь боезапас, самолеты скрылись из виду.

Смирнов, уже в который раз, посмотрел на речную гладь. По реке вновь плыли трупы убитых людей, чемоданы, баулы, мешки.

«Сколько это может продолжаться?!» – подумал он.

Ему стало обидно, что масса войск, скопившаяся у моста, не в состоянии защитить мирных людей, которые, несмотря на боль и кровь, продолжали лезть в реку, чтобы перебраться на противоположный берег...

Затишье длилось недолго. Со стороны леска, поблескивая выпуклостями крыльев и кабин пилотов, появилась тройка «Юнкерсов». Немцы, видимо, снова решили бомбить переправу, которую с грехом пополам успели возвести саперы. Основной удар пришелся по скопившимся на берегу танкам, машинам и артиллерийским орудиям.

Сейчас Николай, как никогда, понимал, что ни высокое воинское звание, имеющее власть над красноармейцами его страны, ни богатый жизненный опыт отцов-командиров не способны повлиять на судьбы этих людей.

Смирнов смотрел застывшим взглядом, как приближается самолет, как увеличивается в размерах, будто живая, его хищная морда, поблескивающая фонарем кабины. К реву авиационных моторов и визгу включенных сирен добавился нарастающий и просверливающий насквозь душу вой падающих бомб. Бомбы угодили в танки, которые сбились у моста в кучу, стараясь быстрее переправиться на спасительный берег. У одного из танков взрывом сорвало башню, и она, сокрушая все на своем пути, отлетела метров на десять. Остальные танки пылали, словно факелы, чадя клубами черного дыма.

Второй заход вновь пришелся по беженцам и красноармейцам. В этой какофонии звуков не было слышно человеческих криков, их глушил рев авиационных пушек и пулеметов! Река словно разбухла от проплывающих трупов.

Не в силах глядеть на бушующую вокруг смерть, Смирнов снял пилотку и обтер ею вспотевший лоб. Услышав надрывный детский плач, он обернулся в его сторону и увидел лежащую на спине женщину. Распушенные русые волосы колыхались в воде, и Николай сначала подумал, что женщина жива и пытается дотянуться до раны на левом боку. Неожиданно для себя, он увидел маленькие ручки, цепляющиеся за складки юбки. Кто-то из бойцов, кинулся к женщине и поднял из воды маленькое тельце годовалого ребенка.

За леском опять послышался шум авиационных моторов. На этот раз самолетов было уже шесть. И снова все утонуло в разрывах бомб, треске авиационных пушек и пулеметов... Николай лежал на берегу среди убитых и раненых, вновь ощущая свою беспомощность. Земля дрожала от разрывов, в промежутках между которыми слышались крики и стоны умирающих людей. Неожиданно все стихло. Немецкие самолеты, словно на параде, на бреющем полете пронеслись над разбитой переправой и скрылись за лесом.

– Вавилов, возьмите ребенка и постарайтесь передать его какой-нибудь женщине. Вы поняли меня?

– Как не понять, товарищ лейтенант...

Он побежал вдоль колонны беженцев. Саперам, снова уда-

лось наладить переправу, по которой устремились потоки людей и техника. Немцы больше не появлялись, они уже форсировали реку в десяти километрах выше по течению.

Заканчивался месяц август 1941 года. Неожиданно металлическая дверь карцера открылась, и на пороге выросла массивная фигура конвоира.

– Мерецков! На выход! – выкрикнул надзиратель.

Генерал поднялся с пола. Он не вполне понимал, что означает команда надзирателя, но медленно направился к выходу. Мерецков медленно шагал впереди конвоира, который, впервые за время заключения, не подталкивал его прикладом в спину.

– Куда тебя? – услышал он голос из камеры.

– Не знаю, – как-то отрешенно ответил Кирилл Афанасьевич.

– Отставить разговоры! – взревел конвоир. – Ты что, Мерецков, за базар здесь устраиваешь?!

Около ворот лагеря стояла черная «Эмка». Из машины выбрался майор НКВД и, улыбаясь, направился навстречу Мерецкову.

– Здравствуйте, Кирилл Афанасьевич, я приехал за вами. Товарищ Сталин ждет вас в Москве. Возьмите чемодан: здесь ваша форма, можете переодеться!

Мерецков пошел за ним в душевую, не понимая, что про-

исходит. Ему не верилось, что он снова стал нужным стране человеком...

– Как в отношении обеда? – поинтересовался у него майор. – Дорога длинная, и я посоветовал бы вам немного подкрепиться.

– Ничего, обойдусь, – коротко бросил Мерецков.

То, что происходило с ним в тот момент, походило на сон. В какой-то миг он подумал, что стоит ему открыть глаза, и он снова окажется на деревянных нарах! Сев в «Эмку», Мерецков облегченно вздохнул, все, что было до этого, осталось там, за колючей проволокой.

– Как ваше здоровье, товарищ генерал? – спросил майор. – Выглядите вы неплохо, только немного бледны.

– Я бы посмотрел на вас, если бы вы провели десять суток в изоляторе, – ответил Мерецков и, отвернувшись, начал рассматривать проплывающие мимо пейзажи.

Дорога долго петляла между холмов. Наконец машина остановилась на летном поле, где уже стоял самолет с работающим двигателем.

«Нет, это не сказка, – с облегчением подумал Мерецков. – Видимо, я действительно понадобился Сталину...».

На другой день Кирилл Афанасьевич был уже в Москве. Войдя в кабинет Сталина, он замер на месте. Вождь стоял у окна, словно не замечая генерала, и курил трубку. Мерецков только сейчас осознал, что стал бояться этого человека и что страх перед ним никогда не покинет его!

«Зачем я ему понадобился, если по его воле оказался в лагере? – думал генерал. – Почему он меня оттуда вытащил?!»

Сталин медленно подошел к столу и начал выбивать трубку, не глядя на Мерецкова и не произнося ни слова. Молчал и возвращенный из опалы генерал.

– Как вы себя чувствуете, товарищ Мерецков? – спросил, наконец, вождь, насладившись этой вынужденной паузой. – Отдохнули немного?

– Чувствую себя хорошо, товарищ Сталин! – собрав волю в кулак, бодро произнес Мерецков. – Готов к выполнению любого боевого задания!

– Это хорошо, – неторопливо заговорил Сталин. – Я не ожидал от вас другого ответа. Сейчас нам необходимы ваши профессиональные знания, в уровне которых вы меня в свое время убедили. Надо срочно лететь на Северо-Западный фронт, к генералу Курочкину. Он хорошо командовал армией летом, а сейчас, пятится на восток. Вы должны разобраться в обстановке и дать правильную оценку его действиям.

Вождь замолчал и внимательно взглянул на Мерецкова, словно старался понять, насколько глубоко тот усвоил поставленную перед ним задачу.

– Вместе с вами поедут два человека: товарищ Булганин и армейский комиссар Мехлис, наделенный особыми полномочиями. Вы меня поняли?

– Да, товарищ Сталин, – четко ответил Мерецков.

– Я хочу знать, чем вызван отход армии: нежеланием сражаться или головотяпством отдельных командиров?! Нам необходимы ваши выводы и заключения. У вас глаз свежий, и вы должны заметить то, чего никогда не заметят непосвященные. Все ваши выводы доложите Мехлису!

– Разрешите идти, товарищ Сталин?

– Идите, я вас больше не задерживаю.

И Мерецков торопливо вышел из кабинета вождя.

День 9 сентября 1941 года выдался теплым и солнечным. Прибывшие из Москвы представители Ставки Верховного Главнокомандования выслушали доклад командующего Северо-Западным фронтом.

– Из вашего доклада я понял, что 11-ая армия генерала Морозова воюет достаточно уверенно, по сравнению с двумя другими армиями? – уточнил Мерецков.

– Да, Кирилл Афанасьевич. Это вполне естественно, так как немецкие части наносят основные удары по 27-ой и 34-ой армиям. У меня не хватает резервов, чтобы пополнить дивизии этих армий. Не стану скрывать, что в отдельных из них все по триста бойцов! Фронт остро нуждается в горячем для танков, боеприпасах и продовольствии.

Посоветовавшись между собой, представители Ставки поехали в 27-ую армию, которая находилась в самом бедственном положении.

Легковая автомашина, сопровождаемая охраной, выехала из штаба фронта около пяти часов вечера. Булганин тихо спорил о чем-то с Мехлисом.

– Я им покажу, как отступать! Я научу их воевать! – неожиданно громко произнес Мехлис. – Думаю, им необходимо напомнить, как я разобрался с Павловым и его генералами.

Булганин тихонько засмеялся, а Мерецков побледнел, вспомнив, что Павлова расстреляли именно по доносу этого человека.

– Ну, а вы что молчите, товарищ Мерецков? – вдруг спросил Мехлис. – Может, вы против подобных методов наведения порядка в Красной Армии?

Генерал не успел ответить начальнику Главного политуправления, из-за поворота дороги выехала «Эмка» в сопровождении трех мотоциклистов. Из автомобиля выскочил полковник Озеров, начальник штаба 34-ой армии, и чуть ли не бегом направился к ним.

– Товарищи представители Ставки, – отдавая им честь, пробормотал он. – Может, заедете к нам? Скоро темно, в лесах полно дезертиров и немецких диверсантов. Мало ли, что может произойти.

– Хорошо, – согласился Мехлис. – Посмотрим, чем дышит командарм Качанов! Действительно, скоро стемнеет.

– Правильное решение, – поддержал Мехлиса Мерецков. – Меня товарищ Сталин просил разобраться с обстанов-

кой в 34-ой армии.

Машина с представителями Ставки повернула вслед за автомобилем полковника Озерова. Командный пункт 34-ой армии только что подвергся массированному авиационному налету. Кругом зияли воронки, стояла разбитая и сгоревшая техника, лежали трупы красноармейцев и офицеров штаба. Воздух был пропитан гарью и свежим запахом крови. Мерцков вошел в землянку командарма вслед за Мехлисом, который явно не ожидал подобного приема.

– Где связь?! – закричал он прямо с порога. – Где подразделения ПВО, которые должны прикрывать штаб армии?! Где, наконец, сам командарм?! Почему его нет на месте?!!

Полковник Озеров вытянулся в струнку и начал оправдываться:

– Простите, товарищ армейский комиссар, связь восстанавливается! Офицеры связи направлены в дивизии! Зенитчиков по приказу командующего фронтом отправили на станцию для организации прикрытия прибывающих на фронт эшелонов!

– Раздолбай! Тебе не штабом руководить, а сортиры на вокзале чистить! – продолжал орать Мехлис. – Из-за таких, как ты, армия и пятится раком!

– Товарищ Мехлис, когда я вас приглашал, то не знал о налете.

– А ты, вообще, хоть что-нибудь знаешь? – взвился Мехлис. – Ты хоть понимаешь, что говоришь? Считай, что я раз-

жаловал тебя в рядовые, бывший полковник Озеров! Передай полномочия своему заместителю и вон отсюда!

Когда Озеров пулей вылетел из блиндажа, Мехлис с улыбкой посмотрел на Мерецкова и Булганина.

– Как я его! – самодовольно произнес он. – Бардак, кругом бардак! Ни на кого нельзя положиться: кругом враги! Правильно говорит товарищ Сталин, зажирели наши начальники!

Мерецков и Булганин промолчали. Оставалось ждать командарма, который, узнав о прибытии на командный пункт армии представителей Ставки, спешно выехал к ним.

В землянку, пригнув голову, вошел командарм Качанов. На его широкой груди блеснули ордена Боевого Красного Знамени и Красной Звезды. Увидев гостей, он, молча, пожал им руки.

– Как дела? – спросил он Мерецкова. – Давно ждете? Если честно, не думал, что вы заедете ко мне.

– Почему я не слышу вашего доклада, товарищ командарм? – гневно произнес Мехлис, стукнув кулаком по столу. – Драпать можете, а докладывать до сих пор не научились!

Качанов хотел что-то возразить, но Мехлис остановил его жестом руки и минут десять отчитывал Качанова за то, что тот не умеет воевать.

– А вы, можете воевать? – задал Качанов вопрос Мехлису. – Взяли бы да научили нас этому делу. На словах-то все мастера! Кабы, дали мне больше танков да самолетов, подкинули артиллерию, боеприпасов, продовольствия. А, то с винтовками против танков как-то не очень получается!

От таких слов Мехлис просто потерял дар речи. Он глотал ртом воздух, не в силах произнести ни слова. Затем, кивком головы, попросил Булганина выйти вместе с ним из землянки...

– Может, не стоило так? – произнес Мерецков. – Представители Ставки обиды прощать не умеют!

– Ты тоже представитель Ставки и, в отличие от них, должен хорошо понимать, что здесь происходит. Как воевать, я знаю, но голыми руками.

– Давай, выйдем отсюда, – предложил Мерецков. – Еще, не дай Бог, подумают, что мы говорим о них.

Они вышли из землянки и направились в сторону Мехлиса и Булганина, что-то горячо обсуждавших между собой. При виде их, Мехлис злорадно улыбнулся.

– Согласно особым полномочиям, которыми наделил меня товарищ Сталин, за потерю управления войсками гражданин Качанов приговорен к расстрелу. Решение окончательное, обжалованию не подлежит и приводится в исполнение на месте!

Все буквально оторопели от этих слов. Командарм растерянно посмотрел на Мехлиса, потом перевел взгляд на Ме-

рецкова.

– Это шутка? – пробормотал он. – За какую потерю управления?

Мерецкову и самому показалось, что Мехлис перегибает палку; однако тот не шутил.

– Снимите ремень и гимнастерку! – приказал он Качанову.

Командарм, негнушшимися пальцами, расстегнул амуницию, снял с ремня кобуру и протянул Мехлису. Затем медленно стащил с себя гимнастерку, все еще надеясь, что представители Ставки остановят его. Оставшись в одной нательной рубашке, он встал по стойке «смирно».

Мехлис кивнул своему порученцу, и тот подошел к командарму.

– Гражданин Качанов, отойдите вон к тем елочкам, – вежливо попросил он генерала.

Тот, молча, выполнил его просьбу. По знаку порученца к нему подошли четыре автоматчика из команды сопровождения и вскинули автоматы. Мехлис не отрывал взгляда от лица Качанова, очевидно, рассчитывая на его раскаяние; но тот молчал.

– Огонь! – скомандовал Мехлис.

Тишину разорвали короткие автоматные очереди. К ногам Качанова упало несколько срезанных пулями веток. Генерал стоял не шелохнувшись.

Мехлис грязно выругался и подозвал к себе порученца,

который давно работал с ним и был предан, как пес. Тот подбежал к солдату, выхватил у него из рук автомат и, почти не целясь, скошил командарма. Пули буквально вспороли тело героя испанской войны и Халхин-Гола. Несколько мгновений он стоял неподвижно, словно еще не веря в свою смерть, затем упал ничком на пожелтевший осенний мох.

Именно так (или почти так!) на местах сражений могли свершаться казни рядового и низшего командного состава, дабы любой ценой прервать непрекращающееся отступление Красной Армии.

Солнце, висевшее над головами людей, словно большой жареный блин, клонилось к западу. Там, где оно касалось зеленой полосы леса, слышалась канонада, которая становилась все громче. В какофонии звуков различались хлопки артиллерийских орудий.

Попытка немцев сходу захватить переправу провалилась. Встреченная ружейно-пулеметным огнем, немецкая волна откатилась назад, но по позициям русской пехоты ударили минометы. Огонь немцев был настолько сильным, что невозможно было поднять голову.

Под прикрытием минометного огня, немецкие солдаты устремились к переправе. Смирнов вжался в землю и начал стрелять по гитлеровцам. Он, уже в который раз, пожалел, что не переправился на другой берег и теперь ему опять при-

ходится прикрывать отход русской пехоты.

Немцы шли цепью, поливая местность свинцом из автоматов. Чтобы не задеть своих солдат, достаточно близко подобравшихся к позициям русских, немецкие минометчики прекратили огонь. Из-за холма появились немецкие танки, но они двигались медленно, опасаясь русской противотанковой артиллерии, то и дело останавливаясь, чтобы произвести выстрел.

Стоило немецким минометам замолчать, как тут же ожили огневые точки обороняющейся русской пехоты. Оставив на поле около четверти поверженных солдат, немцы устремились назад, прячась за броню танков. Из соседнего со Смирновым окопа вылез боец и ужом пополз к ближайшему танку. Немецкий танкист заметил красноармейца и направил на него бронированную машину.

«Что он делает? – подумал Николай, наблюдая за бойцом. – Ведь немец раздавит его, как червя!»

Пулемет танка бил короткими очередями, не давая возможности бойцу подняться и швырнуть в танк бутылку с горючей смесью. Это была настоящая дуэль человека с танком! Когда до танка оставалось метров тринадцать, боец вскочил, но пуля угодила в бутылку. Мгновение и красноармеец вспыхнул, будто факел! Танк с ходу подмял под себя горящего красноармейца, и в ту же секунду раздался взрыв. Стальная гусеница сползла с траков и затаилась в траве, словно змея. Танк беспомощно закружился на месте, подставляя

свою боковую броню под выстрелы противотанковых ружей.

– Отходим! – услышал Смирнов голос капитана Архипова.

Капитан выстрелил из ракетницы, и в небе вспыхнула ярко-зеленая звезда. Они стали медленно отходить к переправе, по которой бежали оставшиеся в охране бойцы. Николай проскочил мост и, упав на влажный песок, снова начал стрелять из автомата, отсекая от моста немецких пулеметчиков.

– Взрывавай мост! – закричал Архипов саперам.

– Там же еще остались наши! – возразил сапер, указывая рукой на группу красноармейцев, которая, отстреливаясь, направлялась к мосту.

Бойцы бежали по мосту, уже простреливаемым на всю длину. Некоторые свалились в воду, сраженные пулями, и было непонятно, живы они или нет.

– Рви, мост! – прохрипел Архипов, видя, как по мосту уже бежит, стреляя из автоматов, немецкая пехота.

Мост, словно распрямившийся человек, сначала приподнялся над водой, а затем рухнул, разбрасывая в разные стороны бревна, доски и человеческие тела... Неожиданно стало тихо.

– Отходим, – скомандовал капитан, и бойцы начали медленно исчезать за кустарником, которым порос берег.

Ночь они провели в лесу. Под утро выпала роса и овра-

ги наполнились туманом. Николай открыл глаза и посмотрел по сторонам. Рядом, посапывая и шевеля губами, спал Вавилов. Смирнов встал на ноги и, потянувшись, сделал несколько приседаний, чтобы размять мышцы, а заодно, и согреться.

– С добрым утром, товарищ лейтенант, – услышал он голос Вавилова. – Разрешите обратиться?

Николай, молча, кивнул.

– Скажите, почему тогда, на высоте, мы с вами так и не дождались ракет, о которых говорил командир полка?

– Ты часом не заболел, старшина? Две недели прошло, а у тебя остались вопросы.

– Просто во сне я снова видел ту высоту. У меня там погиб хороший друг!

Смирнов взглянул на сержанта и промолчал. Он не знал, что ответить.

– Мне кажется, они, вообще, забыли про нас, – продолжал сержант. – Неужели они рассчитывали, что сорок человек смогут остановить эту армаду?!

– Но мы же, с тобой остановили! – возразил Николай. – Ты же сам видел, сколько их осталось...

За кустами послышались незнакомые голоса. Все быстро притихли. На поляну вышли два немецких солдата и, сняв каски, начали собирать в них землянику. Они о чем-то говорили между собой и громко смеялись. Один солдат снял с шеи автомат и повесил его на сук сосны.

– Суки, – шепнул Смирнов. – Ведут себя, как дома, будто

и нет войны!

– Может, чикнем их? – зашептал Вавилов. – Их всего двое, снимем тихо!

– А вдруг они не одни? Тогда нам точно не уйти! Для нас сейчас главное: соединиться с нашими войсками, которые где-то рядом.

Николай оказался прав: где-то за кустами орешника слышался громкий вскрик, а затем раздались несколько автоматных очередей. Собиравшие ягоды гитлеровцы бросились туда. Через минуту-другую до Смирнова донесся шум удалявшегося автомобиля. Они поднялись, направились в сторону, где минуту назад находилась машина, и вышли на поляну, на которой лежали двое убитых красноармейцев. К ним уже спешил капитан Архипов, чтобы опознать тела.

– Товарищ капитан, этого я знаю, – произнес Вавилов, указывая рукой на одного из них. – Это писарь из Особого отдела нашего полка. Интересно, как он мог здесь оказаться?

– Видите, что бывает с теми, кто пренебрегает осторожностью, – произнес Архипов. – Вавилов, выстави впереди группы боевое охранение. Судя по всему, до линии фронта не так далеко. Ночью попытаемся ее перейти.

Николай, молча, шел рядом с капитаном. Несмотря на то, что с начала войны прошло уже более двух месяцев, он до сих пор не мог поверить, что «непобедимая и легендарная» Красная Армия никак не может закрепиться на каком-нибудь рубеже, а продолжает откатываться все дальше на во-

сток.

«Почему это происходит? – спрашивал он себя. – Где армады самолетов и танков? Где легендарные командиры, которые обещали повести нас в бой; где та малая кровь и чужая территория?!»

К ним подошел сержант Вавилов.

– Товарищ капитан, разрешите обратиться? Видите трех бойцов, которые идут впереди нас?

– Вижу. И, что?

– Что-то не нравятся они мне. Все время о чем-то переговариваются! Когда я подхожу к ним ближе, они замолкают и расходятся в разные стороны...

– Да мало ли о чем могут говорить служившие в одном подразделении. Вот и ты постоянно разговариваешь с лейтенантом Смирновым.

– Я не к тому, товарищ капитан. Мне кажется, они хотят дезертировать!

– Если, кажется, нужно креститься!

Судя по лицу Вавилова, тот явно обиделся на замечание командира. Они еще не знали, что танковые клинья Гота и Гудериана обошли их отступающую армию и вот-вот должны были сомкнуть стальные клещи, оставив у себя в тылу несколько стрелковых дивизий. Но до этого трагического дня оставалась целая неделя, поэтому сотни разрозненных групп красноармейцев по-прежнему шли на восток в надежде соединиться с откатывающимися частями.

– Товарищ капитан! – прокричал подбежавший боец из охранения. – Впереди дорога, вся в трупях!

Смирнов осторожно раздвинул кусты и увидел дорогу, сплошь усеянную разбитыми орудиями и сгоревшими танками. Сильный запах разлагающихся на солнце трупов буквально перехватил дыхание.

– Похоже, они еще вечером попали под бомбежку, – произнес Архипов.

– Почему вы так решили, товарищ капитан? Судя по запаху, они здесь как минимум трое суток!

– Кто-то, может, и трое, а этот совсем свежий, кровь еще не запеклась.

Николай посмотрел на труп солдата, лежавшего у обочины дороги. Боец, по-видимому, бежал в сторону спасительного леса, но был сражен осколком немецкой мины.

«Да, – подумал Смирнов, – много они покروшили наших людей!»

Он нагнулся и, расстегнув карман гимнастерки убитого бойца, вынул его солдатскую книжку и комсомольский билет. Затем еще раз окинул взглядом место побоища и зашагал вдоль дороги, догоняя капитана Архипов.

Нина бросила в урну папиросу и направилась вдоль длинного коридора. Раньше, до войны, здесь была школа, а сейчас размещался полевой госпиталь. Коридор был пуст: все ране-

ные уже спали. Она остановилась напротив белой двери палаты с вновь прибывшими ранеными. Неожиданно для нее, дверь отворилась, и санитары вынесли носилки с раненым бойцом. Простыня, прикрывавшая ноги, была сильно окровавлена. Лицо бойца показалось ей знакомым, и она долго стояла в коридоре, пока не вспомнила паренька: они вместе ехали в Москву.

– Куда вы его? – спросила она возвращавшихся санитаров.

– В операционную, — ответил санитар.

Нина прошла в операционную и остановилась у накрытого простыней стола, возле которого хлопотали врач и операционная сестра. На столе лежал раненый.

– Как дела, герой? – спрашивал бойца врач. – Как самочувствие?

– Хреновое! – отвечал парень. – Куда я теперь без ноги?

– Ничего, потерпи. Мы сейчас тебя подлатаем, будешь как новенький! Придется потерпеть, браток, с обезболивающим у нас проблема! На-ка, выпей.

– Я не пью, доктор, – произнес боец, отстраняя стакан неразбавленного спирта.

– А ты выпей! – настаивал хирург. – Другого лекарства у меня, к сожалению, нет!

Они немного приподняли бойца, и тот кое-как управился со спиртом.

– Теперь лежи немного, – успокоил его врач, – а ты, Корнилова, помоги мне приготовиться к операции.

Хирург вышел из операционной. Вслед за ним вышла и Нина.

– Вы знаете, Геннадий Алексеевич, я с этим парнем ехала в Москву. Он всю дорогу веселил пассажиров, и я никогда бы не подумала, что увижу его в таком состоянии.

Хирург, молча, взглянул на нее и начал мыть руки.

– Привыкайте, Нина: идет война и таких молодых парней будет еще много. У него начинается гангрена, и я вынужден ампутировать ему обе ноги, иначе он умрет

Операция началась через пять минут. Красноармеец то терял сознание, то приходил в себя и страшно ругался матом.

– перевяжите ему культы, – сказал врач, – и пусть санитары отнесут его в третью палату. Если до утра не умрет, будет жить!

Смирнов проснулся от легкого прикосновения к плечу. Он открыл глаза и увидел Вавилова.

– В чем дело, сержант?

– Они ушли! Я же говорил вам, что эти трое что-то задумали.

– Кто ушел? – не сразу сообразил Николай. – Ты можешь доложить нормально?

– Те бойцы, о которых я вам вчера докладывал, дезертировали!

Теперь Смирнов понял, что произошло ЧП и нужно сроч-

но уходить, пока сбежавшие бойцы не привели сюда немцев.

– Поднимай людей! – приказал он и доложил обо всем Архипов.

Через пять минут группа красноармейцев снялась с места и скрылась в тумане, накрывшем лес. Туман был таким густым, что не видно было идущих впереди бойцов. Под ногами захлюпала вода.

«Похоже на болотце, – подумал Смирнов. – Но почему оно не отмечено на карте из подбитой машины?» Вскоре отряд остановился перед небольшой речкой с болотистыми берегами.

– Товарищ капитан, будем переправляться? – спросил Вавилов.

– погоди, сержант. Туман осядет, там и решим...

Ждать пришлось недолго. Вскоре туман начал редеть, а затем исчез, обнажив, метрах в сорока от группы, немецкие позиции. Николай приложил к глазам бинокль. В одном из окопов он увидел двух немецких солдат, которые дремали у пулемета. Рядом располагались минометчики. Неподдалеку от них стояла походная кухня. Тишина висела над этой небольшой сонной поляной, словно и не было никакой войны!

Капитан махнул рукой, подзывая к себе Смирнова.

– лейтенант, возьмите бойцов и снимите часовых.

Тех, кто дремал у пулемета, красноармейцы сняли без шума. Но, когда они окружали минометчиков, раздался испу-

ганный крик, а затем – выстрел. Николаю ничего не оставалось, как броситься в атаку.

Красноармейцы и немцы сошлись в рукопашной схватке. Николай успел застрелить двоих солдат прежде, чем на него навалился фельдфебель. Упав в высокую траву, они катались по земле, пока гитлеровцу не удалось «оседлать» Смирнова и ухватить за горло грязными пальцами. Николай попытался вырваться, но немец оказался сильнее...

«Вот и смерть!» – подумал Смирнов, задыхаясь.

Внезапно он почувствовал, как ему на лицо брызнули горячие капли. Пальцы фельдфебеля разжались.

– Поднимайтесь, товарищ лейтенант, – услышал он откуда-то издалека голос сержанта.

Николай открыл глаза и увидел Вавилова с окровавленной саперной лопатой. Рядом с ним стоял Архипов.

– Жив? – только и спросил капитан.

– Так точно.

– Собирайте людей, уходим! – приказал Архипов.

Отряд углубился в лес. Где-то сзади затрещали автоматные очереди. Пули, срезая ветки деревьев и кустарника, зашвистели над головами.

– Быстрее! – выкрикнул капитан и перешел на бег.

Бежавший рядом со Смирновым боец взмахнул руками и упал навзничь. Николай нагнулся, чтобы помочь ему подняться, однако боец был мертв. Из чащи, отрезая красноармейцев от реки, показались мотоциклисты и начали рас-

стреливать отходивших бойцов. Внезапно передний мотоциклист налетел на пенек, укrywшийся в высокой траве, и повалился на бок. Это спасло им жизнь.

Николай переплывал речку, держась за корягу.

– Цок, цок, цок, – стучали пули, поднимая фонтанчики воды рядом с головой Смирнова.

Течение относило его к немецкой стороне. Заметив переправляющихся вплавь красноармейцев, немцы открыли по ним огонь. Вода закипела от пуль. Одна из них попала в корягу, выбив из нее щепу, которая вонзилась в щеку.

«Только бы доплыть! – думал Николай. – Только бы доплыть!»

Возле него плыл явно уставший красноармеец. Холодная вода сковывала движения людей, и лишь желание выжить заставляло их судорожно шевелить руками и ногами.

– Давай, не отставай, – подбадривал бойца Смирнов.

Но красноармеец, похоже, не слышал его слов. Немцы, словно в тире, выбирали себе цель и стреляли до тех пор, пока она не исчезала с поверхности воды. Почувствовав ногами дно, Николай оглянулся и заметил, что из трех десятков бойцов до берега добрались лишь четверо.

– Раненые есть? – спросил он. – Кто видел капитана Архипова?

– Я, – мрачно ответил сержант Вавилов. – Убило его...

– Короткими перебежками, по одному, в лес! – приказал Смирнов бойцам.

Повинуясь приказу, все четверо исчезли за прибрежными кустами. Николай бежал последним. Когда до кустов оставалось несколько метров, пуля ужалила его в левое плечо. Удар был таким сильным, что он вскрикнул от боли и, задыхаясь, упал на песок. Когда немцы перестали стрелять, он, загребая песок одной рукой, пополз к кустам.

– Как вы? – встретил его Вавилов.

– Не знаю, – ответил Смирнов, скрипя зубами от боли. – Посмотри, что с рукой.

Сержант распорол ножом рукав гимнастерки и осмотрел рану.

– Повезло вам, товарищ лейтенант: пуля прошла на вылет, не задев кость!

– Откуда ты знаешь? Ты что, врач?

– Врач, не врач, а кое-что понимаю!

Он оторвал край у нательной рубахи Смирнова и, обмыв водой рану, стал ее перевязывать.

– Товарищ сержант, возьмите бинт, – произнес один из бойцов. – Правда, он намок.

– Давай, все равно другого нет!

Вавилов быстро и умело наложил повязку на рану лейтенанта.

– Идти сможете?

– Смогу, – произнес Николай и так поспешно поднялся,

что у него вдруг закружилась голова, и ему пришлось опереться на плечо сержанта.

– Ничего, сержант, – произнес Смирнов и сделал несколько неуверенных шагов. – Вставайте, нужно идти. Думаю, наши где-то близко.

Красноармейцы поднялись и направились вслед за ним.

По осенним, размокшим дорогам, мимо деревень, накрытых черными дымами пожарищ, Красная Армия медленно откатывалась к Москве. Солдаты отбивающихся дивизий, полков и рот, а также сотни бойцов, оставшихся без управления, отчаянно пытались прорвать окружение. Рассекаемые немецкими танковыми клиньями, они снова объединялись в роты и полки, ожидая увидеть в мутных осенних далах подразделения, прибывавшие им на смену из Сибири и с Дальнего Востока.

Смирнов второй день не поднимался. Он лежал в блиндаже на хвойной подстилке под двумя раздобытыми сержантом шинелями; у него был сильный жар. Вавилов не отходил от него: поил травяными настоями, менял компрессы. В блиндаж спустился сотрудник Особого отдела и, взглянув на сержанта, приказал тому покинуть помещение. Тот, молча, выполнил приказ сотрудника. Тот присел на ящик из-под снарядов и достал из полевой сумки лист бумаги. Николай хотел подняться, но чекист остановил его.

– Не нужно, Смирнов, можешь пока лежать. Как самочувствие?

– Уже лучше, товарищ старший лейтенант. Застудился при переправе через реку, а тут еще ранение. Думаю, дня через два смогу подняться на ноги.

– Это хорошо, лейтенант. Меня интересует один вопрос. Скажи, это ведь ты прикрывал отход полка на высоте 317?

– Да, товарищ старший лейтенант, – коротко ответил Смирнов.

– У меня есть рапорт сержанта Новикова о том, что при отходе его взвода ты лично расстрелял трех красноармейцев.

Николай задумался, стараясь вспомнить лицо сержанта.

– Извините, но я впервые слышу фамилию Новиков! Что же касается расстрела, то я вынужден был это сделать, так как бойцы полка, бросив окопы, побежали назад при виде немецких танков и отказывались вернуться обратно!

Сотрудник Особого отдела, улыбаясь, записал его показания: сотрудник Особого отдела не сомневался, что в течение часа «расколет» этого лейтенанта.

– Выходит, ты подтверждаешь факт самовольного расстрела бойцов? А кто дал тебе эти права? Тебе не кажется, что ты взял на себя слишком большие полномочия? Новиков пишет в своем рапорте, что его подразделение было вынуждено отходить под натиском немецких танков, а ты, вместо того, чтобы выполнять поставленную перед тобой задачу, начал расстреливать выходящих из боя красноармейцев!

Смирнов побледнел. Обида за себя перехватила дыхание. Перед ним сидел такой же человек, который своими вопросами пытался загнать его в угол, чтобы потом расстрелять у высоких елей, растущих неподалеку от блиндажа.

– Они не отходили, а бежали, товарищ старший сержант! Я пытался их остановить, но они не подчинялись моим командам. Двое даже пытались меня застрелить! – прохрипел Николай.

Но тот уже не слушал, а дописал протокол и протянул Смирнову.

– Распишись здесь, – предложил он, подавая карандаш.

Николай прочитал текст допроса и покачал головой.

– Я не стану подписывать то, что вы написали, – тихо произнес Смирнов. – Я стрелял не потому, что мне так хотелось, а потому, что другого выхода просто не было! В результате этих действий мне удалось вернуть бойцов на позиции.

– Знаешь, лейтенант, я предвидел твой отказ. Впрочем, мне твоя роспись не нужна. Черепанов! – громко крикнул он и, когда в блиндаж вошел боец, приказал отвести Николая в землянку, где содержались дезертиры.

Николай вышел из блиндажа и зажмурился от яркого солнца, бившего ему прямо в глаза. Он сделал несколько неуверенных шагов; но тут что-то сильно толкнуло его в спину, он потерял равновесие и упал на землю. Когда он открыл глаза, то увидел над собой немецкий бомбардировщик. Неподалеку разорвалась бомба, и комья горячей земли,

словно дождь, посыпались ему на лицо. Рядом лежал сопровождавший его красноармеец, спина которого была темна от крови. На месте блиндажа зияла громадная воронка.

– Товарищ лейтенант, – услышал он голос Вавилова, который тряс его за плечо. – Вы живы?

– Да, – с трудом ответил Смирнов.

– А где старший сержант? Ну, тот, что из Особого отдела! – Когда мы выходили, он еще оставался в блиндаже...

Окопы были вырыты в полный профиль. Смирнов, в накиннутой на плечи шинели, делал отметки на карте. Затем отложил в сторону полевую сумку и начал всматриваться в немецкие позиции. Каска была великовата и то и дело налезала на глаза, мешая рассматривать оборону врага. Николай снял каску и положил ее на бруствер. Вдруг что-то звякнуло, и каска отлетела в сторону. Николай вжал голову в плечи и медленно опустился на дно окопа. Он поднял каску и увидел в ней аккуратную дырку.

– Немцы! Немцы! – пронеслось по окопам и траншеям.

Смирнов приподнялся и приложил к глазам бинокль. Гитлеровцы шли во весь рост. Некоторые были без касок, с зачесанными назад светлыми волосами, на других темнели пилотки.

«Прямо как в фильме про Чапаева!» – подумал Смирнов, удивляясь, что не испытывает ни страха, ни желания ку-

да-нибудь спрятаться.

– Огонь! – зычно закричал он и нажал на спуск автомата.

Приклад привычно стукнул его в плечо, вызвав боль в левом предплечье. Первая цепь немцев была скошена, как кошой. Вторая приостановила шаг, затем дрогнула и стала медленно отходить назад, оставляя среди нескошенной ржи убитых и раненых.

– В атаку! Вперед! – закричал Николай, выскочив из окопа.

Бежал он недолго. Его левую руку обожгло и он даже не почувствовал, как уронил автомат. Перед глазами Николая поплыли яркие радужные круги, ноги стали ватными. Он сел на землю и только тогда почувствовал, как сыро стало в рукаве гимнастерки. Вокруг него лежали бойцы, а он сидел посреди поля, готовый заплакать от внезапно охватившей его боли.

– Ложись, убьют! – закричал ему красноармеец.

Николай улыбнулся сквозь слезы: от крика подчиненного ему почему-то стало спокойнее. Солнце вышло из-за туч и ласково пригревало щеку. Справа короткими частыми очередями бил пулемет. Наверное, стреляли и немцы, но он почему-то слышал лишь голос «Максима».

«Меня уже ранили сегодня, – подумал Николай, – значит, не убьют!»

В этот момент сильная рука ухватила его за ворот гимнастерки и повалила на спину. Падая, Смирнов услышал свист

пуль – по ним стреляли.

– Давай за мной, лейтенант, – крикнул ему боец и пополз назад к окопам.

Они доползли до траншеи и мешками свалились на дно. К Николаю подбежала молоденькая санитарка и, пригнувшись, вспорола ножом мокрый от крови рукав гимнастерки. Перебинтовав руку, она улыбнулась и скрылась за поворотом траншеи.

– Смирнов, ранен? Двигай в медсанбат! – приказал командир батальона. – Мне здесь раненые герои не нужны!

– Меня уже перевязали, товарищ комбат, – словно оправдываясь за ранение, произнес Николай.

– Выполняйте приказ! – услышал он в ответ.

В медсанбате Николаю стало не по себе. Серые лица измотанных медиков напоминали маски мертвецов. Эти живые покойники были забрызганы чужой кровью. Они резали раненых, сшивали, пилили им кости, закрывая обрубки лохмотьями истерзанной осколками и пулями плоти. Всюду витал дух смерти.

– Подвинься, браток, – попросил его санитар, пронося мимо солдатскую ногу в ботинке.

Верхняя часть обмотки размоталась и волочилась по земле, пачкая жухлую желтую траву красным.

– Кто следующий? Заходи! – услышал он грубоватый мужской голос.

Смирнов вошел в палатку и увидел врача, белый халат ко-

торого был запачкан пятнами крови.

– Снимай-ка гимнастерку, – произнес врач. – Нина, помоги лейтенанту...

– Корнилова! Что с вами? – удивился врач, заметив побледневшее лицо медсестры. – Вам плохо?

– Нет, мне неплохо, – тихо ответила Нина, поднимая с пола выпавшие из рук бинты. – Я сейчас все приведу в порядок.

Она смущенно посмотрела на растерянное лицо Смирнова и вышла из палатки.

– Черт знает, что! – проворчал врач и сам помог Николаю стянуть с плеч гимнастерку.

Нина стояла у палатки, стараясь взять себя в руки. Она так долго мечтала встретить Смирнова, мысленно рисуя эту встречу, что те слова, которые она берегла для него, вдруг позабылись.

«Как быть дальше? – размышляла она. – Ведь он понял, что я его узнала».

– Нина, где ты? Сколько можно тебя ждать?! – услышала она сердитый голос хирурга.

Она вернулась в палатку и встала за спиной Николая.

– Сними с него повязку, – приказал врач, – она вся в крови.

Нина взяла ножницы и разрешила узел. Николай смотрел ей в глаза, чувствуя, как нежно и осторожно она разматывает

пропитанный кровью бинт.

– Не больно? – тихо спросила она и тоже посмотрела ему в глаза.

Он хотел ответить, но подошел врач и начал мять ему руку. Перед глазами Смирнова снова поплыли разноцветные круги. Ему было очень больно, но он сдержался и даже не застонал.

– Я смотрю, лейтенант, у тебя два ранения, – словно разговаривая сам с собой, произнес врач. – Одно – свежее, а вот второе?

Он не договорил и, переведя взгляд на Нину, приказал ей подготовить инструменты.

– Как же вы, лейтенант, довели рану до такого состояния? Вы что хотите, чтобы она загноилась?! Так и руку недолго потерять!

Смирнов промолчал. Он все время наблюдал за Ниной. От прошлой молоденькой девочки не осталось и следа. Это заметил хирург. Когда Нина обработала рану и наложила бинт, врач неожиданно произнес:

– Вот что, лейтенант, идите, поговорите. Думаю, полчаса вам хватит. Больше дать не могу: сами видите, сколько раненых. Рана довольно серьезная, и я направляю вас в госпиталь.

– Как в госпиталь? – испугался Николай. – А, как же фронт?!

– Не переживайте, еще успеете навоеваться...

Николай вышел из палатки. Вслед за ним вышла и Нина. Ему захотелось обнять девушку, но всюду лежали раненые, и он поборол внезапно возникшее чувство. Они медленно побрели по дорожке.

– Знаешь, Коля, я почему-то была уверена, что обязательно встречу тебя. – прошептала Нина. – А ты думал обо мне, ведь мы с тобой были знакомы всего лишь час?

Смирнов, заметив смущение девушки, взял ее тонкую теплую ладошку в свою руку

– Знаешь, Нина, сейчас идет смертельная война. Я несколько раз бывал в таких переделках, что до сих пор удивляюсь, что жив! Но я всегда помнил о нашей встрече, о твоих красивых глазах и жалел, что не решился написать тебе до востребования, как обещал тогда.

Они остановились в небольшом березняке. Где-то била артиллерия, то ли наша, то ли немецкая, но они словно не слышали этих отчаянных звуков. Русые волосы Нины, мягкие и податливые, пахли лекарствами. Николай почувствовал дрожь в теле девушки, и тут же ее возбужденные соски, как два металлических наперстка, уперлись ему в грудь. В какой-то момент Смирнову показалось, что еще мгновение, и они повалятся в эту высокую траву с редкими ромашками...

– Сестренка! – услышали они чей-то голос. – Тебя доктор зовет!

Нина обернулась и увидела санитаря. Она покраснела от

неожиданности: Ей было неприятно, что тот чужой человек явился невольным свидетелем этой счастливой минуты. Они, взялись за руки и направились обратно.

– Сейчас должны подойти машины, и мы начнем отправку раненых на станцию. Так что не исключено, что ты поедешь вместе с нами.

Когда они подошли к палатке, погрузка раненных красноармейцев уже заканчивалась.

– Извините, лейтенант, но места в машинах нет. Станция недалеко, и вы сможете дойти до нее за час. Так что принимайте команду легкораненых и вперед за нами!

– Коля! Я буду ждать тебя! – произнесла Нина и, поцеловав его в губы, побежала к доктору, который махал ей рукой.

Машины тронулись и медленно скрылись за поворотом дороги.

– Стройся! – скомандовал Смирнов раненым бойцам.

Их было девять. Он привычно обошел строй и лишь, затем дал команду на движение. Красноармейцы медленно двинулись по обочине пыльной дороги. Неожиданно налетел сильный ветер. Небо заволокло темно-свинцовой тучей, и начал накрапывать дождь.

– Не растягиваться! – громко скомандовал Николай, заметив, что бойцы стали отставать.

Красноармейцы подтянулись. Кто-то закурил, и запах ма-

хорки поплыл над группой.

– Покурите, товарищ лейтенант, – предложил идущий рядом боец.

Смирнов сделал глубокую затяжку. Табак был таким крепким, что у него перехватило дыхание.

– Идите, я нагоню, – сказал он бойцам и скрылся в кустах, чтобы справить нужду.

Впереди раздались выстрелы. Похоже, стреляли из березняка. Смирнов моментально сообразил, что красноармейцы напоролись на засаду. Он ринулся вперед, но увидел лишь то, что осталось от отряда. Николай, потрясенно вглядывался в лица убитых, узнавая и не узнавая этих людей. Они так разительно отличались они от тех, что буквально минуту назад шли с ним рядом. Он механически принялся считать трупы; их оказалось девять.

– Девять, – повторил он как бы про себя.

И вдруг подумал: «А ведь я мог стать десятым!»

И вслед за этой простой мыслью пришел внезапный страх смерти.

«Только не сейчас, когда я встретил Нину! – думал Смирнов. – Не хочу умирать».

Он осмотрелся, кругом было тихо. Николай сделал несколько шагов, ожидая выстрела, но лес молчал. Нащупав рукой кобуру, он достал пистолет и взвел курок.

«Где же вы? Где?!» – стучало в голове.

Пятеро диверсантов, одетых в форму бойцов Красной Ар-

мии, уверенно шли по дороге в сторону станции. Николай осторожно двигался следом, вдруг осознав, что страх его бесследно исчез и сейчас он снова готов, как тогда на высоте, встретить огнем неприятеля.

Диверсант, замыкавший цепочку, внезапно остановился и сделал знак остальным. Все моментально повалились в траву и замерли, прислушиваясь к шороху леса. Смирнов вжался в березу, стараясь слиться с ней в одно целое. Диверсанты, похоже, почувствовали нависшую над ними опасность, но пока не понимали, откуда она исходит. Успокоившись, диверсанты двинулись дальше, туда, где находилась станция; туда, где ожидала Нина!

Идущие впереди диверсанты залегли за кустами. По проселочной дороге, пыля и петляя, пронеслась грузовая машина, полная красноармейцев. Выждав немного, один диверсант вытащил из полевой сумки топографическую карту и начал делать на ней какие-то отметки. Второй достал из мешка радиостанцию и, забросив на дерево антенну, принялся что-то передавать. Двое других сели неподалеку от него и тихо о чем-то совещались. Пятый – лежал в стороне и в бинокль наблюдал за дорогой.

От напряжения у Смирнова заныла левая рука. Он присел за кустами и прикрыл глаза.

«Что делать? – думал Николай. – Они явно что-то замыш-

ляют! Если бы им был нужен язык, они не стали бы убивать девять человек...».

Диверсанты снова насторожились. Через минуту-другую на дороге показалась маршевая рота, направлявшаяся на передовую. Красноармейцы шли ровными рядами, таща на плечах ящики с боеприпасами, станки и стволы пулеметов. Некоторые несли противотанковые ружья.

«Другого более удачного случая может и не представиться», – подумал Николай и поднял пистолет.

Выстрел прозвучал как-то глухо. Радист-диверсант, повалился на бок. Диверсанты не сразу заметили Смирнова, и ему удалось пристрелить еще двоих.

– Руки вверх! – раздалось у него за спиной.

Николай бросил пистолет и поднял здоровую руку. Через мгновение он был окружен группой бойцов. К нему подошел офицер и поднял с земли брошенный им пистолет.

– Кто вы такой? – спросил он Смирнова, снимая с него полевую сумку, – Что делаете в лесу?

– Товарищ майор, там немецкие диверсанты. Они в нашей форме.

– Вперед! – скомандовал майор и, оставив около Смирнова двух бойцов, устремился в лес.

Вскоре в лесу вспыхнул скоротечный бой, закончившийся взрывом двух гранат. Смирнов, сидел на земле, когда к нему подошел майор.

– Хотели взять живыми – не получилось. Они подорвали

себя гранатами!

– Их бы все равно расстреляли, товарищ майор!

Майор внимательно посмотрел на Николая, затем приказал сержанту:

– Передайте лейтенанта в Особый отдел. Пусть там разбираются, кто он и куда следовал. На станции не задерживаться: одна нога здесь, другая, там...

Николай взглянул на майора и молча, двинулся в сторону станции.

Смирнов сидел на табурете перед наспех сколоченным столом. В дверях стоял боец и внимательно смотрел на расположившегося за столом офицера.

– Все подтвердилось, Смирнов, – говорил тот. – Нами получен ответ из батальона о вашем ранении, а также о том, что вы должны были прибыть на станцию для эвакуации в тыл с целью прохождения лечения.

– Единственная неточность в вашем рассказе, – с усмешкой продолжил чекист, – это то, что нам не удалось обнаружить те самые девять трупов, о которых вы говорили. Скажите, Смирнов, трупы могут сами ходить? Вот и я так думаю! Не могли же они исчезнуть бесследно?!

– Зачем мне врать? Я не знаю, куда девались тела девяти бойцов. Я уже докладывал вам, что сразу бросился в лес преследовать диверсантов.

– Преследовать, говоришь? А может, ты сам их того? Может, ты вовсе и не Смирнов, а немецкий агент, который завладел документами погибшего лейтенанта Николая Смирнова?!

Николая бросило в жар:

– Может, скажете, что я сам прострелил себе руку?

– Вопросы здесь задаю я! Если ты еще не понял, я напомню, где ты находишься!

Сотрудник Особого отдела замолчал, достал папиросу и, закурив, бросил пачку на стол.

– С какой целью ты был заброшен в распоряжение наших частей?

Николай молчал. Он демонстративно смотрел в окно и вдруг спросил:

– Скажите, это старший лейтенант Говоров?

Чекист поперхнулся дымом и громко закашлялся.

– Откуда ты знаешь Говорова?

– Мне приходилось с ним работать. Последний раз я видел его, когда он собирался в Москву, видимо, не уехал.

Сотрудник Особого отдела торопливо поднялся из-за стола.

– Посмотри за ним, я сейчас вернусь! – приказал он часовому.

В комнату вошел Геннадий Степанович Говоров и, прямо

с порога, направился к Смирнову. Он обнял его, затем отодвинул от себя и посмотрел в глаза.

– Мне сказали, что ты погиб на высоте, прикрывая отход полка. А ты, оказывается, жив!

Заметив на лице Николая гримасу боли, он ослабил объятия.

– Что с тобой?

– Я ранен, – ответил Смирнов. – Вместо того, чтобы отправить меня в госпиталь, ваши сотрудники пытались обвинить меня в шпионаже!

Говоров улыбнулся и посмотрел на входящих в комнату сотрудников.

– Да какой он агент немецкой разведки?! Я его хорошо знаю. Это герой!

Сотрудники переглянулись и покраснели.

– Принесите его документы, – распорядился Говоров. – И еще. Определите товарища в госпиталь. Вы что, не видите, что он нуждается в лечении?

Рыжий оперативник выскочил из комнаты. Второй, допрашивавший Смирнова, остался в кабинете и, пододвинув поближе табурет, сел на него. У него было смуглое лицо с множеством морщинок, и, когда он улыбался, они сеточкой собирались вокруг глаз, превращая лицо в морду какого-то опасного и хищного зверя.

– Беляков, у тебя выпить есть? – спросил Говоров. – Нужно обмыть эту встречу! Увидимся ли еще? Война...

– Найдем, Геннадий Степанович, – прокряхтел тот и вышел из комнаты...

– Я смотрю, ты обижен, Смирнов. Пойми правильно, идет война, кругом: дезертиры, паникеры, агенты немецкой разведки... и во всем этом нужно разбираться! А людей не хватает! Ты знаешь, что может сделать один не выявленный нами диверсант? Молчишь? Вот и приходится пропускать людей сквозь это сито. Лес рубят, щепки летят!

– Выходит, я такая же щепка, как те, что лежат в овраге! А я не хочу быть щепкой, Геннадий Степанович!

– Может, ты в чем-то и прав; но лучше поставить к стенке с десяток невинных людей, чем дать одному диверсанту отправить на тот свет тысячу бойцов!

Он замолчал и достал из кармана пачку папирос.

Они закурили. В комнате повисла тягучая тишина.

– Извините, Геннадий Степанович, а вы никогда не думали о том, что и вы можете оказаться среди тех безвинно расстрелянных людей?!

Говоров вздрогнул и посмотрел на дверь. Он явно боялся, что там кто-то подслушивает. Убедившись, что за дверью никого нет, он вернулся на место.

– Я лично присутствовал на допросе генерала армии Павлова. Сразу после ареста, он наотрез отказался давать какие-либо показания. Он заявил, что допрос возможен только в присутствии наркома обороны или начальника Генерального штаба Жукова. Об этом доложили Мехлису, и Лев За-

харович пришел на допрос.

– Ну, что вы здесь комедию ломаете? – были его первые слова.

– Я буду отвечать на вопросы только в присутствии наркома обороны или начальника Генерального штаба Жукова! – упорствовал Павлов.

К вечеру к нам присоединился батальонный комиссар:

– Меня прислал к вам лично нарком обороны. Пусть мое воинское звание не смущает вас.

– О чем мне с вами беседовать, если вы мне шьете измену?! – произнес Павлов, и глаза его сверкнули злостью.

– Нет, – спокойно ответил комиссар, – никто вам измену не шьет. Я вам зачитаю формулировку обвинения, которое вам предъявят при официальном начале следствия. В нем будет идти речь не только о вас!

– Выходит, вы меня «паровозом» определили! Я, действительно, получил устную директиву о приведении войск в боевую готовность. Письменного приказа, не было! Теперь подумайте сами: ну, привел бы я войска в полную боевую готовность, а немцы не напали бы! Что тогда?! Тогда меня обвинили бы в организации провокации, со всеми вытекающими последствиями... Я ждал письменного приказа, которым можно было бы прикрыться; но его так и не последовало...»

– Вы хотите сказать, что при наличии приказа...»

– Вот именно. Был бы приказ, я бы сейчас не сидел здесь перед вами!

Говоров замолчал и глубоко затянулся дымом. Выпустив голубоватое облачко, он посмотрел на Смирнова.

– Надеюсь, ты меня понял, Николай. На войне пощады нет никому, ни генералу, ни красноармейцу! И не важно, сколько их лежит в овраге, если среди них есть хоть один диверсант, значит, мы выполнили поставленную перед нами задачу...

В комнату вошел рыжий лейтенант и поставил на стол бутылку самогона.

– Где взял? – спросил Говоров.

– Где взял, там уж нет, – ответил тот и громко рассмеялся, обнажив мелкие желтые зубы.

Он достал из вещмешка буханку хлеба, три луковицы и стал резать хлеб.

Паровоз пронзительно засвистел и, дернувшись, остановился на узловой станции.

– Разгружайте раненых! – послышалась команда начальника госпиталя. – Быстрее, быстрее...

Нина поправила на голове медицинскую шапочку и, подхватив тяжелые носилки с раненым, двинулась вдоль вагона.

– Не торопись, дочка, здесь спешка не нужна, – посоветовал ей пожилой, бывалый санитар.

Часа через полтора разгрузка закончилась. Нина устало опустилась на поломанный ящик и закурила. Надежда вновь

увидеть Николая улетучилась, как утренний туман.

«Что же с ним произошло? – гадала она. – Почему они так и не дошли до станции?»

– Корнилова! Бросай курить! Давай в машину! – крикнул ей хирург.

Бросив недокуренную папиросу, она кинулась к машине. Утро нового дня выдалось хмурым, неприветливым. Тяжелые свинцовые тучи нависли над леском, возле которого размещался госпиталь.

Двое сотрудников Особого отдела уверенно шли по коридору госпиталя. Один из них был совсем молод. Второго Нина хорошо знала, он частенько приезжал в госпиталь по сообщениям об обнаруженных среди раненых бойцов так называемых «самострелов». Он был небольшого роста, широк в плечах. Его круглая бритая голова покоилась прямо на плечах, придавая фигуре какую-то незаконченную конструкцию. Было ему лет сорок, однако восемнадцатилетней Нине он казался почти стариком.

– Мне нужна пятая палата, – остановил Нину сотрудник Особого отдела. – Проводите нас...

В сопровождении Корниловой, они вошли в палату и остановились возле койки, на которой лежал артиллерист, с простреленной рукой.

– Встать! – грозно приказал ему молоденький сотрудник. – Встать, сука!

Красноармеец с нескрываемым испугом посмотрел на

этих двоих, затем перевел взгляд на Нину, словно ища у нее защиты.

– Я сказал, встать! – повторил лейтенант и сорвал с него байковое одеяло. – Выходи из палаты, сволочь!

Красноармеец был рослым красавцем, такие мужчины обычно нравятся женщинам. Теперь же его лицо почти сливалось с нательным бельем. Левая рука красноармейца была аккуратно перевязана. Бинт на руке был в пятнах от запекшейся крови. Остальные раненые с осуждением смотрели на сотрудников Особого отдела.

– Куда вы его забираете? – закричала Нина. – Вы что, не видите, что он ранен?!

– Заткнись! – грубо оборвал ее лейтенант. – Может, хочешь выйти вместе с ним?!

Парень вздрогнул, тяжело поднялся с койки и снова взглянул на Нину, словно надеясь, что она отстоит его у этих людей.

– Не нужно устраивать концерт, Левко! – угрюмо произнес пожилой капитан и сжал ему раненую руку.

Красноармеец вскрикнул от боли и, шатаясь, двинулся из палаты.

– Передайте начальнику госпиталя, пусть соберет людей на поляне всех, кто может двигаться, и медперсонал! – приказал сотрудник Особого отдела. – Времени у нас в обрез...

На поляне, возле лесочка, собралось более шестидесяти человек. Осенний ветер срывал пожелтевшую листву, кото-

рая мягко падала под ноги Нины. Она не хотела идти туда, где должна была свершиться казнь, но приказ, есть приказ! Сотрудник Особого отдела вывел несчастного Левко и поставил перед толпой. Другой вышел вперед и, расправив гимнастерку.

– Товарищи красноармейцы! Доблестные бойцы! Перед вами стоит человек, не достойный более носить это высокое звание! Когда вы честно проливали кровь в боях с немецкими оккупантами, эта сволочь стреляла в себя! Он сам прострелил себе руку, чтобы спасти свою подлую шкуру! Он хуже любого фашиста!

Лейтенант толкнул обреченного в спину. Лицо парня искажилось. Он громко всхлипнул, и, словно эхо, в толпе громко ойкнула одна из медсестер.

– Этот «самострел» изувечил себя, чтобы избежать смерти в бою! Но чем он лучше вас? Каждому хочется жить! Но лучше смерть в священном бою, чем то, что ожидает этого подонка! Собаке собачья смерть!!

Последние слова капитан произнес с особой силой, срываясь на крик. Выдержав минуту, капитан начал читать приговор:

– На основании статей... подвергнуть рядового Левко высшей мере наказания! Приговор окончательный и обжалованию не подлежит! Исполнение произвести на месте...

Стало тихо. Где-то по-прежнему гремела канонада. Легкий ветерок качал верхушки деревьев. Было отчетливо

слышно, как кто-то заплакал в толпе.

– Кто желает привести приговор в исполнение? – громко произнес сотрудник Особого отдела, обращаясь к раненым и медперсоналу. – Есть желающие?

Желающих привести приговор в исполнение не находилось. Раненые хмуро смотрели на поникшего красавца, но стрелять в него никто не решался.

Приговоренный к смерти красноармеец стоял, молча, слезы текли по его лицу. В его сознании вдруг затеплилась крохотная надежда, а что если его просто пугают?! Ведь не боится же он смерти! Просто его спутали с кем-то другим.

Через минуту капитан понял, что добровольцев не будет и эту процедуру придется заканчивать ему самому. Он достал из кобуры наган и, посмотрев на бойца, медленно взвел курок.

– Товарищи, помилуйте! – простонал красноармеец. – У меня жена, двое детей...

Сотрудник Особого отдела медленно поднял наган и выстрелил ему в затылок, потом сделал еще два выстрела для верности.

– Расходитесь! – громко закричал военврач

Чекист убрал наган в кобуру; затем подошел к начальнику госпиталя:

– Прикажите санитарам зарыть труп! Думаю, данная акция послужит хорошим уроком всем остальным! Лучше бы, конечно, ее осуществил кто-нибудь из раненых бойцов.

Впрочем, и так хорошо!

Рано утром на станции взорвался вагон с боеприпасами. Взрыв был такой силы, что снес полуразрушенную крышу здания станции. Началась паника. Беженцы и военнослужащие метались по путям, не сознавая, откуда ожидать нападения.

– Немцы! Немцы! – разносилось вокруг.

Говоров выскочил из здания в одном нижнем белье. Он размахивал наганом, стрелял в воздух, стараясь привлечь к себе внимание обезумевших от страха людей. Кругом все трещало и полыхало. Даже не искушенному в таких делах Смирнову было понятно, что вагон подорвали диверсанты...

В небе появились немецкие самолеты, которые буквально смели то, что еще оставалось на подъездных путях. Смирнов лежал в яме, которая, по всей вероятности, и спасла ему жизнь. Когда «Юнкерсы» улетели, он принялся искать Говорова, у которого оставались его документы. От здания станции, в котором располагался кабинет начальника Особого отдела, остались одни развалины. Железнодорожные пути были разворочены. Всюду валялись людские тела. Геннадий Степанович сидел на вывернутой из земли шпале, сжимая голову руками. Он медленно покачивался из стороны в сторону и тихо выл. Некогда белая рубашка была заляпана грязью и брызгами крови.

– Вы не ранены, Геннадий Степанович? – спросил его Смирнов.

Но тот продолжал выть, не обращая внимания на стоявшего перед ним лейтенанта. Похоже, он находился в шоке и не понимал, что происходит. Николай дотронулся до его плеча. Говоров оглянулся и вдруг запричитал, как женщина.

– Старшего лейтенанта Яшина разорвало прямо на моих глазах. Вон, видишь, лежит его нога...

Смирнов посмотрел и увидел оторванную ногу, одетую в сапог.

– Сидите здесь, я позову санитаров, – отозвался он.

Но Говоров встал и, шатаясь, направился к развалинам здания, где уже копошились красноармейцы. Погода явно испортилась: зловеще дул ледяной ветер, затем стал накрапывать дождик, вскоре переросший в ливень. Смирнов сидел в кабине грузовика и с радостью наблюдал за дождем, который был их союзником, сковавшим немецкую авиацию. По лобовому стеклу крупными слезами стекали серые струйки дождя. Унылое небо, будто солдатское одеяло, накрыло разбитую авиацией станцию.

– Можно ехать, – произнес военный со «шпалой» в петлице.

Водитель кивнул и завел двигатель полуторки.

Грязные полуторки месили грязь, стараясь выбраться из глубокой колеи на твердый грунт. Смирнов еще не знал, что танки Гейнца Гудериана прорвали линию фронта и, сметая

все на своем пути, устремились к Москве, оставив в глубоком тылу три стрелковые дивизии Красной Армии...

Новый 1942 год Смирнов встречал в госпитале. Ему опять повезло, он случайно встретился с Ниной. Но на этот раз они обратились с рапортом к начальнику госпиталя, который официально зарегистрировал их брак.

В первых числах января Николая выписали из госпиталя и направили в Малую Вишеру в штаб Волховского фронта, которым командовал генерал Мерецков. На сборном пункте собралось около сотни выписавшихся из госпиталей командиров. Компания была разношерстной: тут были и носившие в петлицах сиротливый «кубарь» младшие лейтенанты, и командиры, с солидной капитанской «шпалой».

Смирнов был зачислен во 2-ую ударную армию. Утром следующего дня он прибыл в бригаду подполковника Жильцова. Стрелковая бригада готовилась к броску через Волхов на левом фланге армии. Построив роту, Николай обошел строй. Ребята в роте были один к одному; но, что сразу бросилось в глаза Смирнову, некоторые из них впервые держали винтовку в руках, поэтому он счел своим долгом обратиться к необстрелянным бойцам:

– Красноармейцы! Командование бригады возложило на нас почетную миссию, мы должны форсировать реку Волхов,

выбить немцев из укреплений и закрепиться на правом берегу. Я хорошо понимаю, что вы не имеете боевого опыта, и многие из вас погибнут; но приказ есть приказ и мы должны его выполнить! А, сейчас, разойдись, комсоргам взводов провести собрания.

Рано утром, когда на востоке заалела заря, рота стала выходить на рубеж атаки. Было тихо; но немцы явно не спали, с интересом наблюдая за русской пехотой. Где-то слева от Николая вверх взмыла ракета, которая рассыпалась в воздухе сотнями мелких зеленых искр.

– Рота, в атаку! – закричал Николай, доставая из кобуры пистолет.

Командиры взводов принялись поднимать людей в атаку, когда с того берега по ним ударили немецкие пулеметы. Красноармейцы поднимались с земли неохотно, страх сковал бойцов. Смирнов, заметил, что второй взвод, не сделав ни шагу, вновь повалился в снег.

– Чего лежите?! Вперед!! – закричал Николай, размахивая пистолетом.

Он бежал впереди цепи, не оглядываясь назад, так как не допускал даже мысли о том, что бойцы не пойдут вслед за командиром. Двести метров рота преодолела почти без потерь. Немецкие пулеметчики почему-то перестали стрелять; но от этого стало еще страшней! Цепь атакующих красноармейцев сломалась, и бойцы начали сбиваться в небольшие группки. Очевидно, немцы ждали, когда русские выйдут на

лед и превратятся в отличные мишени для стрельбы.

Вступив на лед, Смирнов обернулся. Вслед за ним, ломаной цепью двигалась рота. Красноармейцы бежали молча. Николай встретился взглядом со своим ординарцем. Лицо ординарца было сосредоточенным.

– Вперед, орлы! – закричал Смирнов и побежал в сторону правого берега.

Но рота залегла посреди реки. Сильный пулеметный огонь прижал бойцов ко льду. Соседняя рота, двигавшаяся слева от них, залегла, не добравшись до реки. С левого берега мощно ударила артиллерия, и через мгновение немецкие пулеметы замолчали. Николай подумал, что сейчас артиллерия перенесет огонь вглубь обороны гитлеровцев, но этого почему-то не случилось.

Смирнов вскочил на ноги и бросился вперед, туда, где была мертвая зона, где их уже не могли достать немецкие пулеметчики. За ним устремились и все его бойцы. До мертвого пространства оставалось совсем немного, когда по ним вновь ударили немецкие пулеметы. Красноармейцы повалились в снег, окропив его алой кровью. Николай сильно ударился об лед левым плечом. Рядом с ним повалился ординарец Сибгатуллин.

– Вас ранили, товарищ лейтенант? – спросил он. – Лицо у вас почему-то побледнело.

– Нет, это старое ранение напомнило о себе, – ответил Смирнов.

Он оглянулся назад. Его заметно поредевшая рота лежала неподалеку. Утопая по грудь в снегу, Смирнов полез наверх по крутому обледенелому склону. Немцы, очевидно, предвидели атаку русских и залили склон водой, образовав сплошную ледяную корку. Полосуя ее ножом, Николай медленно продвигался вперед. Когда до пулемета осталось метров двадцать, он швырнул гранату, которая скатилась к ногам немецкого расчета. Смирнов, закрыл глаза, ожидая взрыва; но его почему-то не последовало. Он увидел немецкого солдата с поднятой вверх рукой. Вторая рука гитлеровца была прикована к пулемету. Солдат был явно не немец. Он что-то лопотал на своем языке и постоянно произносил какое-то непонятное ему слово. Это был солдат испанской «Голубой дивизии», которая сражалась на стороне гитлеровской Германии.

К Смирнову подполз командир первого взвода.

– Товарищ лейтенант, первая линия наша! А это что за невидаль?

– Говорит, что испанец. Отправь его в тыл. Пусть радуется, что для него война закончилась.

Едва прогремели первые выстрелы наступления, начался нескончаемый поток раненых. Их везли на машинах, повозках, собачьих упряжках, несли на руках. Медсанбат был завален страдающими людьми. Они стонали, кричали, плака-

ли, бессильно матерились, бредили, звали маму. Тех, кто побывал в руках хирургов и остался жив, брала под опеку эвакуационная рота, которая, по возможности, отправляла их в тыл. Санитарных машин не хватало, и поэтому сотни бойцов скапливались в медсанбате, превращая его в истинный ад. Нина была подавлена таким количеством раненных и искалеченных людей...

Двое солдат принесли на самодельных носилках командира роты. Не опуская носилок, они остановились и угрюмо посмотрели на Нину.

– Помоги, сестренка, – произнес один из бойцов. – Куда его?

Нина откинула шинель и отпрянула от носилок. У командира был вырван живот, внутренности исчезли, а из грудной клетки через пробитую диафрагму выполз край розоватого легкого.

– Как же ему поможешь? Он же выпотрошенный весь... – простонала она. – Вы что, сами не понимаете, что он умер?

– Как же так, сестричка? – растеряно произнес боец. – Живой ведь был... Стонал даже...

– У меня в боку дырка, – сказал боец, что был моложе. – А у него, осколок в плече. Иначе бы с передовой не ушли...

– Несите туда, хирург посмотрит.

Принесли обгоревшего танкиста, но Нина напрасно пыталась снять с него комбинезон: вместе с обуглившейся тканью сходила кожа. Подошедший хирург посмотрел сначала

на нее, потом на раненого.

– Снимайте со стола, – коротко скомандовал он. – На нем живого места нет! Не будем понапрасну тратить время.

В соседнем помещении послышался дикий крик. Один из хирургов искал пулю в раскрытой грудной клетке солдата.

– Нина, сестренка! Мне больно! Где ты? – звал ее из угла чей-то голос.

– Сестренка, посмотри нашего командира, – произнес боец с раскосыми татарскими глазами. – У него что-то с плечом...

– Где он?

– Вон стоит у двери. Говорит, рука онемела!

Нина направилась к офицеру и осторожно тронула его за локоть. Тот обернулся, и она вдруг узнала своего мужа.

– Коля, Коля! – закричала она и бросилась ему на грудь.

Он удивленно смотрел на нее. Это было очередным чудом. Они снова встретились и снова в госпитале!

– Снимай шинель, Коленька. Я посмотрю, что у тебя с рукой!

Она помогла снять шинель, гимнастерку. Рукав нательной рубахи был в крови: у него открылась старая рана.

Подошедший хирург, взглянул на рану и произнес:

– Ничего страшного. Ты молодой, зарастет быстро. В тыл не отправлю!

– А я и не собираюсь!

– Вот и хорошо. Нина, обработай рану лейтенанту.

Нина продезинфицировала рану раствором марганцовки и, наложив по краям мазь, стала бинтовать руку. Она плакала от счастья.

К исходу третьего дня боев, снег на льду Волхова потемнел от трупов. Комбат Капустин решил воспользоваться этим обстоятельством, чтобы внезапным броском достичь противоположного берега, где закрепилась рота лейтенанта Смирнова. Немецкие пулеметы расстреливали всех, кто не успевал вовремя повалиться на лед, однако, подступающие сумерки облегчали скрытое передвижение между окоченевшими телами.

Через час батальону удалось скрытно достичь другого берега Волхова, и он вступил в бой, изрядно потеснив немцев. Еще через час на льду показались санитары, которые стали подбирать раненых. Те, кому помощь была уже не нужна, ждали своей очереди. Мороз сковал их, оставив такими, какими они были в последние мгновения жизни.

– Почему не собирают трупы? – спросил комбат у водителя полуторки.

– Они не убегут! – коротко ответил тот.

Собирать трупы начала наспех сколоченная похоронная команда из «обозников» хозяйственного взвода, возраст которых перевалил за пятьдесят. Они неторопливо грузили тела в розвальни и везли их в тыл. Собирали сначала, есте-

ственно, своих; однако трупов было слишком много.

Похоронная команда быстро нашла выход: основную массу тел начали укладывать в воронку от двухтонной бомбы, предварительно расширив ее. Когда был уложен первый ряд покойников, к воронке подъехала выкрашенная белой краской «Эмка». Из нее выбрался подполковник, одетый в полушубок с нездоровым, осунувшимся лицом.

– Что вы делаете, суки? – закричал он на «обозников». – Народное добро не бережете! Да, я вас всех под трибунал отдам! Куда вы их таскаете одетых? Инструкцию забыли? Так я вам ее быстро напомню! Вы их еще с оружием похороните! Немедленно все снять! Нательное белье оставить! Понятно?

К нему подскочил молоденький офицер, на петлицах которого сиротливо поблескивал один кубик, и вытянулся по стойке «смирно».

– Товарищ подполковник! Как же с них стягивать обмундирование, ведь трупы заоченели?!

– А мне плевать, как вы будете это делать! Выполняйте приказ, младший лейтенант, если сами не хотите оказаться в этой яме! Надеюсь, вы поняли меня?

– Сука! – тихо произнес младший лейтенант, провожая взглядом «Эмку».

«Обозники» стали раздевать убитых. Мат, словно дополнение к морозу, повис в воздухе. Окоченевшие тела, словно не желая расставаться с одеждой, не поддавались. Приходилось ломать мертвым руки и ноги, чтобы снять с них обмун-

дирование. Вскоре возле ямы выросла целая гора из шинелей, валенок, полушубков, ботинок, гимнастерок, брюк. У раздетых трупов вид оказался и вовсе жалкий. Красноармейцы-нестроевики буквально озверели от такой работы, они мечтали лишь об одном, как можно быстрее завершить ее и укрыться от мороза.

– А немцев хоронить будем? – обратился к командиру красноармеец преклонного возраста.

– Немцев – под лед. Возьми с собой человек пять и организуйте прорубь!

– Не по-христиански это, – тихо произнес боец. – Все же, люди...

– Враги это, а не люди!

Стало темнеть. Похоронная команда начала забрасывать яму землей.

– Воздух! – закричал кто-то из «обозников». – Воздух!

Двухтонная бомба угодила прямо в яму, разметав останки убитых. На деревьях повисли оторванные конечности; всюду валялись изуродованные взрывом туловища, облепленные обрывками серого солдатского белья.

И снова, в бессильной злобе, матерясь, на чем свет стоит, «обозники» принялись собирать останки тел. К ночи братская могила дважды убитых выросла на прежнем месте. Собранные трупы немецких солдат сваливали у проруби. Кто-то снимал с них сапоги, кто-то часы, затем тела опускали в черную холодную воду или заталкивали под лед баграми. К

утру лед Волхова снова стал чистым, и только пятна крови напоминали о разыгравшейся здесь трагедии.

– Товарищ генерал, сейчас я доложу о вашем прибытии командующему фронтом, – произнес темноволосый молодой человек с капитанской шпалой в петлице. – У него заседание. Генерал Мерецков не любит прерываться...

– Ты ничего не путаешь, капитан?! Я – представитель Ставки Верховного Главнокомандования!

Лицо генерала стало багровым от охватившего его негодования. Капитан вскочил с места и вытянулся в струнку. Его левый глаз начал подергиваться.

– Простите, товарищ генерал! Я сейчас, я мигом.

Капитан приоткрыл дверь и исчез за ней. За дверью отчетливо слышался голос армейского комиссара Мехлиса, который давным-давно не признавал ни полутонов, ни полумер.

Дверь кабинета командующего фронтом была обита черной клеенкой, что невольно наводило на мрачные мысли. Входя в кабинет, генерал Воронов невольно тряхнул головой, как бы отгоняя недоброе предчувствие. Генерал армии Мерецков сидел во главе большого стола, вокруг которого разместились командиры трех армий и дивизий. Судя по растерянному лицу командующего фронтом, Воронов понял, что Ставка не известила Мерецкова о его приезде. Он хотел подняться из-за стола, чтобы поздороваться с началь-

ником артиллерии Красной Армии, но его опередил Мехлис, сразу же обрушившийся на Воронова.

– А вот и главный виновник всех наших неудач, мать его! – громко произнес он, не обращая внимания на реакцию офицеров. – Прислал, понимаете ли, нам орудия без оптических прицелов. Как прикажете из них стрелять?! Не знаете? Вот и мы тоже не знаем! Форменное вредительство, больше ничего!! Да вас заодно это нужно поставить к стенке!! Была б моя воля! Я сегодня же, свяжусь со Ставкой, пусть товарищ Сталин решает, что с вами делать!

– Лев Захарович, прекратите паясничать! – словно извиняясь за Мехлиса, произнес Мерецков и посмотрел на Воронова. – Мы здесь не одни... Стыдно!

– А мне вот не стыдно! Почему я не могу сказать в лицо члену партии то, что я о нем думаю? Молчите?! Вот и молчите дальше!..

Не обращая внимания на армейского комиссара, Кирилл Афанасьевич пожал руку Воронову и показал на стул справа от себя. Генерал сел. Он, молча, окинул взглядом собравшихся офицеров.

– Отчасти, Лев Захарович прав, – тихо произнес Воронов. – Как-то не совсем понятно, товарищи. 59-ю армию бросаем в наступление, а в некоторых батареях отсутствуют снаряды... Об оптических приборах я уже не говорю!

– Вот-вот, – опять закричал Мехлис, указывая на него своим крючковатым пальцем. – Сам явился! Сразу видно, испу-

гался Сталина!

Воронов встал с места и в упор посмотрел в глаза армейскому комиссару, хорошо зная, что это единственный способ заставить того остановиться и прийти в себя. Затем слегка откашлялся и продолжил:

– Я приехал сюда по личному указанию товарища Сталина! Ставка обеспокоена вашими тревожными сигналами. Меня прислали сюда разобраться со всем этим бардаком. Для начала, введите меня в курс последних событий. Меня интересует буквально все. Вы наверняка знаете, какое значение Ставка придает вашей операции! Так что мне передать товарищу Сталину? Может, ваши претензии, товарищ Мехлис, о которых он в курсе?

Воронов уже знал, что 59-ю армию, находившуюся в резерве Ставки, перебросили на вновь образованный Волховский фронт. Ставка торопила командующего армией Галанина с наступлением и потому лишь частично укомплектовала его армию техникой и людьми, заверив, что все недостающее вооружение он получит по прибытии на фронт. Вот и получилось, что эшелоны с людьми двинулись на запад, а техника и оружие продолжали идти, по старым адресам, на восток. Нужно было срочно отыскивать грузы на промежуточных станциях и разворачивать их на запад, а времени уже не было! В итоге, армия прибыла на боевые позиции без артиллерийского обеспечения, боеприпасов и прямо с марша была введена в бой. То же произошло и со 2-ой ударной ар-

мией, артиллерия которой была укомплектована оптически-ми приборами; но практически отсутствовали боеприпасы, а танки стояли из-за нехватки горючего. Подобное положение сложилось, и с продовольствием, которого катастрофически не хватало.

– Товарищ командующий, приборы и средства связи уже доставлены на станцию Будогошь, – сообщил Воронов. – Завтра можете их получить.

– Врешь, Воронов! Я сам вчера проверял, ничего там нет! – закричал, брызгая слюной, Мехлис. – Это может подтвердить начальник тыла фронта!

– А вы еще раз съездите, Лев Захарович, – усмехнулся генерал. – Я – представитель Ставки, и мне не к лицу подобные шутки, тем более с вами!

– Поезжайте на станцию! – приказал Мерецков своему заместителю по тылу. – Все свободны...

Командиры дивизий стали, молча, покидать заседание. Остались только члены Военного совета. Мехлис сидел, нахохлившись, словно старый ворон. Он считал, что чувство симпатии и уважения притупляет борьбу и всякий раз давил его в себе усилием воли. Именно за отсутствие этого чувства его и ценил Сталин! Однако, вождь не обходил вниманием и генерала Воронова, поэтому Мехлис жалел, что сразу набросился на того с криком и бранью. Они оба являлись предста-

вителями Ставки, но, на данный момент, именно Воронов представлял Сталина, так как прибыл сюда по его прямому распоряжению.

– У меня для вас письмо, – сказал генерал, улыбнувшись армейскому комиссару, – от Верховного Главнокомандующего, лично.

Мехлис вскочил из-за стола и подбежал к Воронову. Он схватил пакет и исчез в соседней комнате. Мерецков и Воронов переглянулись, так как ни тот, ни другой не знали, что находится в пакете. Через минуту из комнаты вышел Лев Захарович, растерянный, недоумевающий.

– Извините, товарищи, – виновато произнес Мехлис. – В пакете оказался конверт, который предназначался вам.

Он протянул его Мерецкову. Присутствующие невольно отметили, что Мехлис впервые обратился к Мерецкову на «вы»!

– Мне? – удивленно произнес Мерецков. – Ну что ж, давайте.

Воронов подбодрил взглядом командующего фронтом, так как у того, неожиданно для всех, задрожали руки: Кирилл Афанасьевич боялся, что в пакете может оказаться приказ о его новом аресте. Он осторожно вытащил сложенный листок и быстро пробежал его глазами.

– Письмо касается всех нас! – произнес он внезапно окрепшим голосом и стал читать:

«Уважаемый Кирилл Афанасьевич! Дело, которое пору-

чено вам, является историческим делом. Освобождение Ленинграда необходимо нам, как воздух! Ставка хотела бы, чтобы предстоящее наступление Волховского фронта не разменивалось бы на мелкие стычки, а вылилось в единый мощный удар по врагу. Не сомневаюсь, что Вы постараетесь превратить это наступление именно в такой удар, опрокидывающий все расчеты немецких захватчиков! От души желаю Вам успехов. Сталин».

В кабинете вдруг стало непривычно тихо. Все смотрели на Мерецкова, ожидая, что он скажет; но тот молчал, так как отлично понимал, какую ответственность принимает на себя в эту минуту.

Гитлер нервно расхаживал по кабинету, бросая испепеляющие взгляды на генералов, собравшихся на совещании.

– Не думайте, что вам тяжелее, чем другим! – закричал он, глядя на командующего группой армий «Север» фон Лееба, прибывшего утром в ставку для доклада. – Я сам за жесткую оборону, если временные обстоятельства не позволяют наступать! Любой ценой сковать наступательные действия русских на всех направлениях! Вы поняли меня?

Генералы молчали, многие из них просто не знали, к кому обращены эти слова.

– Обстановка сложная, – продолжил Гитлер. – Конечно же, войска русских агонируют! Сегодня утром мне трижды

звонил фон Клюге. Он в отчаянии. Оказывается, наша 4-я армия уже не в состоянии сдерживать натиск русских. Они наносят удар на Медынь, и Клюге просит разрешения сдать этот населенный пункт.

Гитлер замолчал, плюхнулся в кресло и почти минуту ничего не выражающим взглядом рассматривал пространство перед собой. Шел двести шестой день войны, не сулившей скорой безоговорочной победы. Он, снова вскочил на ноги и стремительно зашагал по кабинету.

– Я не думаю, что Сталин еще способен сопротивляться! – прокричал фюрер. – Русские не готовы к серьезному наступлению!

Он моментально почувствовал прилив бешеной ярости. Ему захотелось ударить кулаком по массивному столу, за которым сидели генералы. Но, он сдержался и, тяжело дыша, снова повалился в кресло.

«Почему молчит эта старая лиса фон Лееб? – думал он. – Ему, видите ли, тяжелее, чем другим. Нет и еще раз нет! Всех тяжелее мне!»

Он исподлобья посмотрел на командующего группой армий «Север», затем перевел взгляд на генерала Гальдера.

– Доложите, что у них там творится?

Начальник генерального штаба встал из-за стола и, одернув китель, направился к карте, висевшей на стене.

– Мой фюрер, боевые действия группы войск «Север» временно приостановлены в связи с низкой температурой

воздуха – минус 43 градуса по Цельсию!

– Выходит, славные и непобедимые дивизии вермахта капитулируют перед «генералом Морозом»? – произнес Гитлер. – Наши войска мерзнут, а русские нет?

– Русские тоже мерзнут, мой фюрер, – ответил Гальдер. – Правда, пассивность их мы объясняем тем, что они готовят крупное наступление силами четырех армий, осуществить которое должен генерал Мерецков!

– Тот самый, из ГУЛАГа? – быстро спросил Гитлер.

Гальдер сделал неопределенный жест рукой, потом кивнул. В кабинете повисло тягостное молчание. Никто не решился нарушить его. В декабре, после того, как Гитлер снял с должности командующего сухопутными войсками Вальтера фон Браухича, он возложил на себя командование войсками. Браухич был объявлен главным виновником провала «блицкрига», но все понимали, что это произошло оттого, что он часто спорил с Гитлером...

«Чего он ждет от меня? – думал Гальдер. – Я – солдат, и моя судьба в его руках!»

Гитлер поднялся из кресла.

– Фон Лееб! Вы готовы говорить со мной?

– Да, мой фюрер, – тихо проронил фельдмаршал. – Солдаты группы армий «Север» готовы выполнить любой ваш приказ! Я отказался от главной цели – Петербурга, так как наши надежды на падение города слишком не состоятельны! Мы вынуждены остановить наступление. В войсках нет зимне-

го обмундирования! Участились случаи нарушения графика подвоза боеприпасов! Много хлопот доставляет нам, мой фюрер, и четвертый фронт – русская зима.

– Что вы сказали? – закричал вдруг Гитлер. – Что вы сказали, фон Лееб? От вас, именно от вас, офицера старой германской школы, я слышу это! Мне больно и горько! Вы...

Голос Гитлера сорвался. Он заложил руки за спину и, наклонив голову вперед, начал расхаживать по кабинету.

– Не думайте, что вам тяжелее остальных! Сейчас трудно всем! Не мне объяснять вам, старому солдату, что такое война. Но, нам осталось сделать всего один шаг к победе. А, вы, фельдмаршал, похоже, устали больше других! И просите освободить вас от занимаемой должности, не так ли?

Фон Лееб хотел, было, что-то возразить, но Гитлер махнул рукой:

– Можете не отвечать. Я приму вашу отставку!

Ворошилов прибыл на Волховский фронт 17 февраля 1942 года. Его самолет совершил относительно мягкую посадку и, покачиваясь из стороны в сторону, пробежал по взлетной полосе. Маршал встал с неудобного сиденья и, взглянув на вышедшего из кабины пилота, улыбнулся ему:

– Молодец! Так мягко посадил машину, что я ничего не почувствовал.

Пилот, молча, проследовал мимо маршала и открыл дверь

самолета. На взлетной полосе дожидалась черная «Эмка», из которой молодцевато выскочил встречающий майор.

Ворошилов осторожно спустился на землю и, махнув рукой летчику, направился к машине. Сильный холодный ветер заставил его поднять большой воротник полушубка. Удобно разместившись на заднем сиденье автомобиля, он приказал водителю отвезти его в штаб фронта.

Маршал прибыл на фронт в качестве представителя Ставки Верховного Главнокомандования, сменив на время Мехлиса, которому Сталин поручил проконтролировать подготовку войск к весеннему наступлению в Крыму. Еще в Москве, перед вылетом, начальник Генерального штаба доложил Клименту Ефремовичу о положении на Волховском фронте, основной целью которого был прорыв немецкой обороны с последующим соединением с Ленинградским фронтом, дабы снять блокаду с города великого Ленина.

Слушая доклад начальника Генерального штаба, народный маршал делал пометки в своем блокноте. Из доклада следовало, что запланированный Ставкой одновременный удар трех армий не получился. 2-я ударная армия сумела глубоко вклиниться в боевые порядки немцев и вела ожесточенные бои с противником. На правом фланге сражалась 59-я армия, на левом – 52-я. Слушая доклад, Ворошилов понял, что генштаб приступил к разработке нового плана.

Машина с маршалом двигалась довольно медленно. На белом снегу, словно оспины на лице, чернели воронки от

ежедневных немецких налетов. По бокам дороги торчала разбитая и сожженная техника, во множестве валялись трупы красноармейцев, которых, похоже, никто не собирался убирать...

– Почему их никто не хоронит? – удивился Климент Ефремович.

– Людей не хватает, – ответил майор. – Да и техники тоже.

– Что значит, не хватает техники? Вывозите на гужевом транспорте, ведь это, все-таки, люди, пусть и мертвые! Вы хоть документы у них собираете?!

– Не знаю, товарищ маршал. Я этими вопросами не занимаюсь.

– Непременно дам указание Мерецкову, чтобы он организовал уборку с дороги трупов. Пусть складировуют их в штабеля, а весной, когда земля оттает, похоронят! Подобная картина отрицательно сказывается на боевом духе армии.

Больше Ворошилов ничего не говорил. Они без приключений доехали до штаба командующего фронтом. Мерецков сам встретил Ворошилова и повел его к себе, пообещав напоить горячим чаем.

– Товарищ Сталин передает вам большой боевой привет, – приветливо произнес Ворошилов. – Все остальное – после чая.

Ворошилов сделал несколько глотков и поставил стакан

на место. Глянув на Мерецкова, изучавшего документы, он встал из-за стола, подошел к карте и стал прикидывать расстояние от населенного пункта Мясной Бор до станции Еглино при помощи пальцев. Иногда он прикрывал глаза, что-то подсчитывая, затем снова прикладывал пальцы к карте. Закончив подсчеты, он посмотрел в сторону Мерецкова и громко хмыкнул. Теперь маршал хорошо понимал, что задуманный Ставкой план был далек от действительности. Внешне все выглядело правильно; однако атаковать немецкие танки кавалерией было не только не эффективно, но даже губительно! Сейчас Ворошилов, как никогда, понимал, что фронту необходимы танки и, в первую очередь, артиллерия; но один вопрос тянул за собой массу других и самый главный, где их взять?

– О чем задумались, товарищ маршал? – спросил Кирилл Афанасьевич.

– Да, есть над чем подумать, – словно рассуждая вслух, откликнулся Ворошилов. – Планировали одну войну, а выходит по-другому! Что это за война, если комбатам угрожают трибуналом за расход боеприпасов? Не палками же драться с немцами?

Мерецков отодвинул бумаги и посмотрел на Ворошилова, ожидая, что тот продолжит свою мысль. Но маршал будто испугался собственных мыслей!

«Он наверняка знает, почему Ставка жметя с боеприпасами и техникой! – подумал генерал. – Наверное, опять за-

думали наступление от моря до моря?!»

Мерецков улыбнулся, вспомнив, как на фронт прибыли два лыжных батальона, не имеющих на вооружении ни единого автомата. Узнав об этом, маршал обратился к начальнику артиллерии, генералу Воронову.

– Товарищ Ворошилов, – ответил Воронов. – Где я возьму автоматы? Вы же хорошо знаете, что в резерве фронта их всего 250 штук!

Ворошилов тяжело вздохнул, вспомнив о Ленинграде. В сентябре прошлого года его, командующего Ленинградским фронтом, заменил Жуков. Это произошло по приказу вождя. Обида на Сталина с тех пор сидела занозой в сердце. И сейчас, стоя у карты, он снова и снова думал об этом:

«А ведь мог он тогда меня и по телефону отстранить, а не по записке, которую передал через Жукова. Ведь он отлично знал, отправляя меня туда, что я никогда не учился воинскому искусству. Да, я занимал должности политкомиссаров на фронтах гражданской войны, а в тридцатые, он даже возвысил меня до комиссара обороны. Но, все это – благодаря личному расположению, а не моим воинским заслугам!»

Ворошилов взглянул на командующего фронтом, который стоял у стола и ждал указаний; но его вновь посетили воспоминания.

«Дело было под Царицыном. Тогда, по личному указанию Сталина арестовали многих военных специалистов из числа бывших офицеров царской армии. Их погрузили на баржи,

которые вывели на Волгу и затопили, не потратив ни одного патрона на «врагов» революции».

Сам не зная, почему, он улыбнулся этим воспоминаниям.

«Хорошее было время, боевое, не то, что сейчас, когда нельзя принимать самостоятельных решений!» – подумал маршал и в очередной раз посмотрел на командующего фронтом, который по-прежнему дожидался его указаний.

– Ты, верно, думаешь, Кирилл Афанасьевич, что народный маршал глуп, коли измеряет расстояние пальцами? Ты знаешь, я это делал и в Гражданскую войну, однако, это не мешало мне бить белых! – вдруг вырвалось у Ворошилова. – Ты извини, но Ставка тобой не довольна! Я хотел тебе сразу об этом сказать. Это не мои слова, а его...

Командующий фронтом вздрогнул, как от удара хлыстом. Лицо его покраснело. Он не знал, куда девать руки, которые повисли, словно чужие. Ворошилов усмехнулся, заметив, что его слова пригвоздили Мерецкова к полу.

– Чем же не доволен товарищ Сталин? – еле слышно пробормотал Кирилл Афанасьевич. – Может быть, я что-то делаю не так, тогда подскажите...

Маршал понял, что страх перед Сталиным до сих пор сидит внутри этого человека, отдаваясь болью в сердце. Он немного смягчился.

– Верховный Главнокомандующий просил передать тебе лично, Кирилл Афанасьевич, чтобы ты действовал агрессивнее. А то, говорит, топчется Мерецков на месте, не прояв-

ляет нужной активности. Надеюсь, ты меня хорошо понимаешь?! Не доволен он, а это – плохо... Так что делай выводы!

– Все понял, товарищ представитель Ставки, – с трудом выдавил из себя командующий фронтом. – Мне бы чуть-чуть артиллерии и самолетов...

Ворошилов засмеялся и посмотрел на Мерецкова хитрым взглядом.

– Ничего не будет, генерал. Обходись тем, что имеешь! Фронтов много, разве на всех вас напасешься?

Он снова засмеялся и, взяв стакан с остывшим чаем, допил его.

– Все понял, товарищ маршал, – ответил Мерецков. – На нет и суда нет! Будем воевать тем, что имеем...

– Правильно! – произнес Ворошилов.

Ворошилов толкнул дверь в кабинет Мерецкова. Прошла неделя после прибытия маршала в ставку командующего Волховским фронтом.

– Ну и мороз! – произнес раскрасневшийся от холода представитель Ставки. – В такой мороз хороший хозяин собаку на двор не выпустит!

– Вы правы, Климент Ефремович, холодно. С одной стороны это даже хорошо, активность немецких войск заметно снизилась. Попрятались...

– Мороз не щадит никого, ни русских, ни немцев! Им хо-

рошо, они успели зарыться еще до холодов; а что делать нашим – у них блиндажей нет!

Ворошилов снял полушубок и, потирая ладони, направился к столу.

– Налей-ка мне горячего чая, – попросил он Мерецкова.

Было около десяти вечера. Маршал и генерал сидели за столом в кабинете, и пили водку, обмениваясь мнениями о прошедшем дне.

– Немцы оказывают ожесточенное сопротивление. Отдельные населенные пункты по три раза на дню, переходят из рук в руки. Армиям требуются боеприпасы и пропитание.

Маршал слушал генерала. Он хорошо понимал его, но не знал, как на это отреагировать.

– Что ты передо мной стелешься, как баба? – произнес он, наконец. – Ты, верно, думаешь, что Ворошилов ничего не понимает? Нет, брат, я – не дурнее тебя! Может, хочешь, чтобы я позвонил в Ставку и передал им, что ты мне сейчас здесь говорил?! Чего молчишь? Скажу сразу и честно, я этого делать не буду! Если я доложу об этом Сталину, ты снова уедешь на Север: собирать шишки и валить деревья.

Мерецков побелел. На какой-то момент ему стало не хватать воздуха, и он рванул на себе ворот гимнастерки. Он посмотрел на маршала, стараясь угадать, говорит ли тот правду или просто пугает его именем Сталина. Но лицо маршала было спокойным, словно он вообще ничего не говорил!

– Что ты сверлишь меня глазами, Кирилл Афанасьевич?

Не надо. Я – человек прямой и потому говорю все как есть! Да ты особо не переживай, – улыбнувшись, произнес Ворошилов. – Как сейчас говорят, меньше роты не дадут, дальше фронта не пошлют!

Он рассмеялся и по-приятельски хлопнул Мерецкова по плечу. Генерал, переселив себя, улыбнулся шутке маршала, хотя в душе ему было отнюдь не до веселья. С другой стороны, Сталин был так далеко, что злиться на него совсем не полагалось. Климент Ефремович, маленький, с большими залысинами и одутловатым лицом, мало похожий на маршала, сидел рядом с ним и закусывал выпитую водку хрустящим огурцом.

– В ближайшее время, Кирилл Афанасьевич, – продолжил маршал, – ты должен перейти к самым активным наступательным действиям, я тебе об этом уже говорил. Тебе, во что бы то ни стало, нужно взять Любань. Это не моя просьба, это приказ, генерал! От выполнения этого приказа зависит судьба страны и твоя лично.

Кирилл Афанасьевич моментально встрепенулся.

– Да-да, вы правы, товарищ представитель Ставки. Конечно, сейчас это самое главное. Думаю, мы обязательно возьмем Любань! Мне совсем недавно прислал доклад командарм 2-ой ударной; пишет, что на его участке в воздухе полностью господствуют немецкие самолеты и тем самым сковывают действия его армии. Дорожная сеть едва пригодна, так как содержать ее в проезжем состоянии просто неко-

му. Отсутствует транспорт, что не позволяет обеспечить подвоз фуража, продовольствия, горючего. Катастрофически не хватает боеприпасов, нечем воевать.

Голос его с каждой фразой становился все глуше и глуше. Он смотрел на Ворошилова, ожидая его реакции, но маршал молчал, словно обдумывая, что на это ответить. Это затянувшееся молчание пугало генерала.

«Зачем я ему все это говорю? – подумал генерал. – Ведь он и сам об этом знает, а значит, знает и Ставка!»

Пауза стала затягиваться.

– Помоги себе сам! – в конце концов, отрубил Ворошилов. – Помоги из собственных резервов. Ставка сейчас тебе ничего не даст! Учти это и больше ничего не требуй! Ты понял?!

– Понял! – произнес Мерецков и разлил водку по рюмкам. – Вы же сами знаете, что я укрепляю 2-ую ударную за счет других армий. Но ее командарм почему-то считает, что, для развития наступления, ему необходимы свежие дивизии, как минимум, дивизион реактивных установок, не менее двух автомобильных батальонов, а также – инженерные части, тягачи, бензовозы.

Этот перечень вызвал на лице Ворошилова недобрую усмешку.

– Больше ему ничего не надо?! Ишь, как размахнулся! Наступать надо, а не считать! Считать мы все научились, а вот воевать. Впрочем, что я тебе, как школьнику, ты и сам все

хорошо понимаешь. Будут победы – просить не нужно будет, так дадут!

Маршал замолчал и посмотрел на командующего фронтом, который, словно не слыша его, продолжал:

– Просит прислать сено, чтобы пополнить конский состав, и прикрыть армию с воздуха. Интересно, чем я ее прикрою, если у меня на весь фронт всего двадцать истребителей И-16, а у немцев их более пятисот?

Ворошилов сидел, молча, он явно чувствовал себя не в своей тарелке. Титул вроде бы громкий: представитель Ставки, а за ним – полная пустота.

– Перебрось во 2-ую ударную кавалерийскую дивизию из 52-ой армии, – посоветовал он. – Ты знаешь, Жданов постоянно докладывает Сталину – плохо ленинградцам, мрут от голода, словно мухи! Понимаешь, что это значит. Умирают люди от голода в городе Ленина...

– Понимаю, – ответил Мерецков, – только вот помочь ему никак не могу. Нечем! Кто только против меня сейчас не воюет. «Голубая дивизия» – это испанцы, «Нидерланды» – бельгийцы, «Фландрия» – норвежцы, итальянцы... Словом, каждой твари по паре.

– Интернационал! – произнес Ворошилов и снова усмехнулся. – Мерзнут, наверное, макаронники.

– Много их, а у меня каждый снаряд на счету! Сейчас главная опасность – это их авиация. Она буквально терроризирует стрелковые части и, особенно, кавалерию. Их летчи-

ки, словно охотники, гоняются за каждой подводой, а то и за отдельными бойцами.

Ворошилов отодвинул от себя рюмку с водкой, резко поднялся из-за стола и направился к выходу. Остановившись у двери, он обернулся:

– Не гневи Сталина, Мерецков! Второго шанса у тебя просто не будет!

Немцы откатывались назад под натиском 2-ой ударной армии. Отходя, гитлеровцы взрывали блиндажи, рушили дома, жгли избы, оставляя после себя мертвую территорию. Рота Смирнова, продвинувшаяся на семь километров вглубь обороны немцев, вскоре наткнулась на сгоревшую дотла небольшую деревушку. Вокруг все было серым: земля, перемешанная со снегом, едкий дым над пепелищем, безучастные лица трупов и низкое, уставшее смотреть на результаты человеческого безумия небо.

Первые бойцы роты натолкнулись на труп женщины, прижимавшей к груди трехлетнюю девочку. Голова девочки была приподнята, будто она силилась заглянуть в глаза матери. На ресницах застыли ледяные слезы.

– Кто их? За что? – прошептал Сибгатуллин, глядя на Николая.

Ему никто не ответил. Ординарец трясущейся рукой полез в карман за кисетом. В этот момент сзади раздалось:

– Почему встали? Продолжать движение!

Голос принадлежал комбату Капустину, который, утопая в снегу, хотел обогнать идущую впереди роту. Запыхавшись и выбившись из сил, комбат наконец-то объявил привал. Строй рассыпался на мелкие группки, каждая из которых искала, где приткнуться. Страшно хотелось есть, но кухни остались на том берегу Волхова. Всех поваров, по приказу командира полка, на время включили в похоронную команду, в итоге забыв про живых! Кто-то достал из мешка концентрат и попытался развести небольшой костер.

– Никакого огня! – крикнул неведь откуда взявшийся сотрудник Особого отдела. – Кто разведет костер, тот предатель! Буду считать, что он подает сигнал немцам; а это значит, расстрел на месте!

К месту привала подъехали розвальни и старшина начал выдавать хлеб: полбуханки на брата.

– Старшина! Разве, это хлеб? Это же камень!

Кто-то из красноармейцев попытался разрубить буханку саперной лопаткой, но та отскакивала, оставляя на замерзшей буханке едва заметные царапины.

Смирнов сидел на снегу, отмечая что-то на карте.

– Эй, полководец, – услышал он за спиной голос комбата, как плечо?

– Терпимо, товарищ капитан, – ответил Николай. – Вот смотрю на карту: получается, что мы вклинились в немецкую оборону километров на восемь!

– Так потихоньку и к Ленинграду выйдем! – обрадовался Капустин, присаживаясь с ним рядом. – По моим подсчетам до него осталось чуть менее пятнадцати километров.

– Не думаю! – возразил Смирнов. – Завтра бой, а у нас, ни патронов, ни гранат. С чем воевать, комбат?

– Ты мне прекрати подобные разговоры! Услышит сотрудник Особого отдела – здесь и останешься.

Из-за кустов послышался громкий смех. Николай поднялся и, вместе с Капустиным, направился туда, где раздавались взрывы смеха.

Двое солдат держали буханку; двое пилили ее, как бревно. Получилось! Бойцы схватили половинки и сунули под шинели, чтобы те оттаяли. Теперь возникла новая проблема, как переночевать?

– Братишки! Мы тут все к утру замерзнем, огонь не разводи, жрать нечего!

– Прекратить разговоры! – коротко бросил Смирнов. – Ты же – боец, а не баба! Двигайся больше, тогда не замерзнешь...

Мороз нажимал. Вскоре бойцы промерзли до костей и чертовски устали. Хруст снега под обледеневшими валенками раздражающе царапал душу. То один, то другой боец засыпал на ходу и падал в снег. Эти падения отрезвляли, но ненадолго, сон снова и снова валил красноармейцев в снег. Время словно остановилось...

В ту февральскую ночь 1942 года Сталину не спалось. За окном бушевала метель, ветер неистово завывал в печной трубе. (Вождь, вообще, плохо спал ночами и, в будущем, сместил собственный отдых на утренние часы.) Он лежал на узкой железной кровати и, опустив на глаза, набрякшие за день веки, тщетно пытался задремать. Сталин никогда не пользовался снотворным, он просто не верил в силу подобных средств.

Вождь повернулся лицом к стене и попытался представить, в веренице событий последних дней, попытку соединения войск Волховского фронта с войсками Ленинградского фронта. Он еще не решался поверить в то, что зимнее наступление Красной Армии против немцев начинает выдыхаться, а шансов на активизацию наступления с каждым днем становится все меньше и меньше. Теперь он возлагал большие надежды на будущий удар, который нанесет Тимошенко в направлении Харькова.

Сталин вздохнул и открыл глаза, поняв одно, уж если начал разбирать в уме положение дел на фронте, значит, уснуть больше не удастся! Он встал и прошел в библиотеку, где на столике лежало, роскошное, с золотым обрезом, немецкое издание книги Гитлера «Майн Кампф». Подержав ее в ладонях, он поставил книгу на полку и взял невзрачную на вид брошюру «Моя борьба» – сокращенный русский перевод книги Гитлера.

Подумав, Сталин раскрыл книгу наугад. В глаза ему бросилась фраза – «Молодой человек должен научиться молчать и, если нужно, молча терпеть несправедливость. Если бы немецкому юношеству в народных школах меньше вдалбливали знаний и внушали больше самообладания, то это было бы щедро вознаграждено в годы 1915-1918».

Сталин усмехнулся. Фраза заинтересовала его.

«Теперь у его солдат самообладания даже излишек! – подумал вождь. – Только основываться это чувство должно на осознании справедливости того дела, за которое ты воюешь. Нет, он уже проиграл эту войну, как проиграл ту, другую, Наполеон. Нынешняя война – это схватка идеологий! У него плохие аналитики по России».

Листая брошюру, Сталин наткнулся на отмеченную им фразу. «Народное государство, – утверждал Гитлер, – видит идеал человека в непреодолимом воплощении мужской силы и в бабах, вновь производящих на свет мужчин».

«Пошляк, – раздраженно подумал вождь и захлопнул книгу. – Жалкий пошляк... И такой человек стоит во главе государства!»

Пройдя в кабинет, он сел за рабочий стол и достал дневник. Он листал его, останавливаясь на тех событиях, которые были наиболее памятными. Над одной из страниц вождь помрачнел и заскрипел зубами: на ней описывалось то, чем занимался Генштаб перед самой войной.

«Учения, одни учения! Учения в Закавказском военном

округе; учения в Среднеазиатском военном округе...», – читал вождь.

Сталин напряг память и вспомнил, что бригада Генштаба вернулась в Москву лишь за сутки до войны! Он снова закрипел зубами. Конечно, все это не являлось ошибкой в чистом виде; но вот такие малосущественные ошибки позволили Гитлеру сделать верные ходы, лишившие его всех преимуществ!

После успешного контрнаступления под Москвой, Шапошников вновь предложил ему план перехода Красной Армии к стратегической обороне. Это было вызвано тем, что переброшенная на восток страны промышленность еще не развернулась в полную силу. Но Сталин, в очередной раз, отверг эту разумную программу.

– Ты, как Илья Муромец, – недовольно сказал он маршалу, – хочешь тридцать три года сиднем сидеть! Неужели не понимаешь, что Гитлер уже выдохся. Мы должны, общим ударом по всему фронту, опрокинуть его армии и погнать их прочь. Думаю, советские люди не поймут нас, Борис Михайлович, если мы, вместо этого, будем призывать их к пассивной обороне! Впрочем, не ты один так мыслишь, есть еще человек – Мерецков. Он тоже предлагает тотальную оборону: разбирать рельсы, демонтировать шпалы, сжигать села!

Вождь захлопнул дневник и снял телефонную трубку.

– Волховский фронт? Разбудите Ворошилова.

Соединили сразу:

– У аппарата член Военного совета фронта Запорожец.

«Главный разувальщик РККА! – усмехнулся, про себя,

Сталин. – Он что, так и спит у аппарата?»

Сталин был наслышан о причудах высших генералов и комиссаров. Ему, из докладов службы безопасности, были известны их пристрастия и привычки, склонности натуры и чудачества. Вождю нравилось проявлять в разговоре свою осведомленность, повергая собеседника в панику.

Слабостью Запорожца была постоянная проверка здоровья бойцов. До войны он не мог спокойно пройти мимо марширующих красноармейцев, не остановив их зычным командным голосом. Затем приказывал разуться, чтобы проверить чистоту портянок и ног, уверяя, что здоровые ноги бойца являются его главным оружием!

– Где Ворошилов? – спросил Сталин. – Спит?

– Нет, товарищ Сталин: вместе с Мерецковым, он, еще вчера, выехал во 2-ую ударную армию! Необходимо что-то передать?

– Хорошо, – произнес вождь, будто не услышав предложение Запорожца.

Дверь кабинета приоткрылась, и в проеме показался По-скребышев.

– Поздравляю с днем Красной Армии, товарищ Сталин!

– Спасибо. Пригласи ко мне Власова...

Генерал-лейтенант Андрей Андреевич Власов направлялся к новому месту службы. Еще недавно он командовал 20-ой армией, которая, в декабре 1941 года, освободила Волоколамск и Солнечногорск, отбросив немцев от Москвы более, чем на сто километров.

После завершения операции, командарм Власов получил очередное генеральское звание, был награжден орденом Ленина, а его портрет вместе с фотографиями командующего фронтом Жукова и других командармов был опубликован в газете «Правда». В большой статье «Правды» Илья Эренбург, называя Власова не иначе, как «соколом Сталина» и «новым Багратионом», описывал его предыдущие подвиги, особенно то, как ему удалось вывести из-под Киева окруженную немцами армию.

Власов был одет в длинную кавалерийскую шинель, сшитую на заказ из желто-зеленого английского сукна. Португепю генерал не носил, поэтому вид у него, несмотря на три звездочки в петлицах, был, скорее, штатский. Андрей Андреевич походил на школьного учителя, чему весьма способствовали роговые очки с толстыми линзами, скрывающими сильную близорукость. Эти стекла не позволяли рассмотреть его тусклые, но цепкие глаза, внимательно следящие за окружающими.

Родился Власов в Нижегородской губернии, в семье священника, поэтому, несмотря на свой воинский чин и высокую должность, с уважением относился к верующим и не об-

ращал внимания на солдат, которые молились перед наступлением.

На аэродроме Власов увидел члена Государственного Комитета обороны, секретаря ЦК ВКП (б) Маленкова, представителя Ставки Ворошилова и командующего ВВС РККА Новикова. Увидев Власова, все трое радостно заулыбались и направились в его сторону.

– Ну что, полетели? – произнес Ворошилов и почему-то посмотрел на Власова, словно от его решения зависел вылет на фронт.

Ворошилов хорошо знал об отношении Сталина к Власову, стремительно взлетевшему на вершину военного руководства. Но Климента Ефремовича раздражала его подчеркнутая скромность и умение сохранять достоинство в присутствии вышестоящих начальников.

«Дуглас» взревел моторами и уверенно побежал по взлетной полосе. В воздухе к ним присоединилось звено истребителей сопровождения. Новиков сидел рядом с Власовым. Он сам недавно воевал в воздухе Ленинграда и сейчас направлялся на Волховский фронт, чтобы разобраться в действиях фронтовой авиации. Находясь рядом с Андреем Андреевичем, он смотрел на него с долей любопытства. В последнее время Новиков интересовался психологией людей, побывавших в окружении. Он помнил, что после сентябрьской катастрофы под Киевом Власов, после месяца боев в окружении, смог выйти к своим частям, сохранив при этом партийный

билет! Это обстоятельство сыграло большую роль в его дальнейшей судьбе.

Наслышан был Новиков и про боевые действия 20-ой армии, которой командовал Власов в битве под Москвой. Ему хотелось расспросить того о характере взаимодействия армии с авиацией в декабре 1941 года, но сделать это он как-то не решался.

Власов сидел у окна и бесстрастно смотрел, как снуют вокруг «Дугласа» самолеты сопровождения. Заметив это, Ворошилов по-стариковски проворчал Новикову:

– Хулиганят твои летуны, генерал. Чего доброго, вмажут по крылу, и полетим мы к чертовой матери! Чего улыбаешься?

Все четверо вспомнили трагедию тридцатых годов, когда в похожей ситуации погиб самолет «Максим Горький». В этот момент «Дуглас» начал снижаться. Маршал посмотрел на Маленкова. Именно этот человек, а не он, должен будет докладывать вождю о положении дел на Волховском фронте и о необходимости помочь армии резервом. Ворошилов в тот момент даже не мог предположить, что Маленков лишь ограничится общением с Мерецковым и наотрез откажется ехать во 2-ую ударную армию. Тот, словно угадав мысли Ворошилова, обернулся и посмотрел на Власова. Перед вылетом на фронт он тщательно изучил личное дело этого генерала. Его заинтересовал момент прохождения его службы в качестве советника в Китае.

«Надо же, какой взлет от комдива до заместителя командующего фронтом, – подумал он и невольно усмехнулся. – Впрочем, война всегда вносит изменения в человеческие судьбы. Они могут быть со знаком «минус» или со знаком «плюс». Судьба человека на войне – уравнение со многими неизвестными».

Эта мысль показалась ему толковой и интересной.

«Ее можно использовать при докладе вождю!» – подумал он.

Он хотел достать блокнот; но самолет коснулся колесами земли и, дрожа всем корпусом, побежал по полосе.

Немецкие танки появились из-за кромки леса. Выкрашенные в белый цвет, они, словно большие, неуклюжие корабли, медленно плыли в глубоком снегу, иногда останавливаясь для выстрела из орудия. Позади них тяжело двигалась пехота, напоминая капли мутной воды на белоснежной равнине поля.

Рота Смирнова лежала, зарывшись в снег. Копать окопы было совершенно бессмысленно: ломы и лопаты со звоном отскакивали от земли, не поддаваясь ни металлу, ни человеческой силе. Когда немцы подошли на расстояние прицельного выстрела, он дал команду открыть огонь по пехоте.

Николай поймал на мушку гитлеровца и нажал на курок. Немец уткнулся лицом в снег. Из-за леса ударили немец-

кие минометы. Воздух моментально наполнился скрежетом, на поле появились яркие черные пятна. Первые мины легли в стороне от их позиций, но, с каждым залпом, взрывы приближались все ближе к позициям роты, пока не накрыли красноармейцев.

Танки, убедившись, что артиллерии перед ними нет, устремились вперед. Не сбавляя скорости, они начали утюжить все на своем пути. Рота дрогнула и стала медленно отходить, к занесенным снегом оврагам. Немецкие танкисты не сразу поняли, что произошло. Два танка просто свались в заснеженный овраг и остались там, подожженные бутылками с горючей смесью. Третий танк был подорван гранатой. Его гусеница слетела с катка и растянулась на снегу. Лязгнул открывающийся люк, и голова немецкого танкиста появилась над башней машины. Смирнов нажал на курок, он просто не мог промахнуться!

Прошло около часа, и немецкие цепи вновь появились на поле. Они осторожно обходили трупы, лежавшие особенно часто. Николай укрылся за поваленным деревом и набивал патронами пулеметный диск. Закончив дело, он отшвырнул пустой цинк и положил подле себя две противотанковые гранаты и бутылку с зажигательной смесью.

Танки внезапно появились снова: на этот раз, они зашли во фланг роте. Красноармейцы, не выдержав атаки, сначала попятились, затем побежали по рыхлому снегу.

– Куда? Назад! – закричал Николай, вскочив на ноги.

Но бойцы уже не слышали команд своего командира. Пули ударили в ствол дерева, заставив его прижаться к земле. Немецкая пехота была уже рядом, и ему ничего не оставалось, как открыть огонь. Танк надвигался слева, и Николай швырнул в него гранату. Гусеница танка, вышвырнула из-под себя столб снега и, слетев с катков, словно змея, устремилась в его сторону. Танк завертелся на месте, и он легко добил его второй гранатой. Плохо веря в случившееся, Николай вытер вспотевший лоб и только потом заметил на руках кровь.

«Неужели зацепило?» – подумал Смирнов.

Ноги его мелко дрожали, и он невольно привалился к стволу дерева.

– Товарищ лейтенант, ползите сюда, – послышался голос Сибгатуллина. – Вот уж не думал, что мы с вами опять встретимся!

– Рано ты меня хоронишь! Где остальные? Неужели все погибли?!

– Почти все остались там! – произнес Сибгатуллин, указывая рукой на дымящийся от взрывов лесок.

Смирнов отвернулся, с трудом верилось, что он остался в живых, не пропустив при этом немцев...

– Товарищ лейтенант, давайте, я перевяжу вас, – предложил ординарец

– Что там? – поинтересовался Смирнов.

– Повезло вам: щепка. Как говорится, до свадьбы заживет.

Николай посмотрел на часы, стрелки остановились на десяти сорока.

Ворошилов вошел в приемную Сталина и посмотрел на Поскребышева, который что-то писал на листке бумаги.

– Свободен?

– Занят. Говорит с товарищем Молотовым, но вам разрешено войти в любое время.

Ворошилов отчего-то недолюбливал Молотова, но хорошо знал, как ему доверяет Сталин. Молотов, улыбнулся Ворошилову и даже привстал из-за стола навстречу. Зато Сталин, нарочито грубо, произнес:

– Совсем ты отбился от рук, товарищ Ворошилов, а еще – народный маршал, прославленный полководец! Жалуются на тебя генералы, лезешь на фронте под пули! Легкомысленно поступаешь, нехорошо!

Сталин усмехнулся, заметив смущение Ворошилова. Народный комиссар иностранных дел угодливо улыбался, поблескивая стекляшками пенсне.

– Нельзя ему без фронта! – заключил Молотов и посмотрел на Сталина. – Человек он сугубо военный...

Реплика дипломата разозлила Ворошилова: он отлично знал, что тот никогда не считал его военным! Маршал мгновенно вспомнил, как в 1935 году, при оценке Сталиным деятельности Гитлера в Германии, не кто-нибудь, а Молотов на

политбюро убеждал, что именно фюрер должен стать броненосцем мировой революции, которая вспорет брюхо старой Европе. Ворошилову очень захотелось напомнить Молотову о броненосце, но он подавил в себе это желание.

– Простите, товарищ Сталин. Обещаю, что впредь буду осторожнее.

– Потерпи, мы сейчас закончим, – сказал вождь и повернулся к Молотову.

– Международный Красный Крест, товарищ Сталин, – произнес дипломат и замялся, заметив на его лице гримасу раздражения.

– Опять эти благотворители! – буркнул вождь. – Чего они хотят на этот раз? Все учат, советуют. А, мне наплевать на их советы!

– Хотят облегчить участь советских военнопленных, – ответил Молотов. – Обещают потребовать от Гитлера соблюдения Женевских конвенций, а также организовать доставку писем командиров и красноармейцев их родным.

Молотов сделал паузу и тихо закончил:

– Конечно, за их счет!

В глазах Сталина сверкнул огонь злости.

– Какой еще счет?! – неожиданно вспылил он. – Эти трусы, позволившие пленить себя фашистам, не заслуживают нашего внимания. Никакой Красный Крест нам не указ! То же мне нашлись благотворители.

– Немцы нарушают так же и Гаагскую конвенцию, това-

рищ Сталин. Согласно ей, пленных офицеров нельзя привлекать к физическому труду, – тихо добавил Молотов и опять посмотрел на вождя, ожидая его реакции.

– А мы-то ее соблюдаем, эту самую конвенцию?! – проворчал вождь и повернулся к Ворошилову. – Что скажешь, маршал?

Ворошилов молчал. Он, вообще, старался не вникать в международные дела и плохо понимал, о чем идет речь.

– Вот видишь, Ворошилов считает, что мы ее соблюдаем! Соблюдают ли немцы, для нас не столь важно. А, добрым дядям из Красного Креста нужно объяснить, чтобы они больше не совали нос в наши дела! Пусть истратят свои деньги на людей, пострадавших от стихийных бедствий. А, с нашими людьми, которые нарушили присягу и сдались на милость врагу, мы еще обязательно разберемся, если не сейчас, то после победы!

Когда дверь за Молотовым закрылась, Сталин обратился к Ворошилову:

– Клим! Ты понял, о чем он говорил? Ты согласен со мной?!

Маршал согласно кивнул, он просто боялся возразить этому человеку.

– Снова поедешь к Мерецкову, – продолжил Сталин, убедившись, что за время недолгого отсутствия этот человек не отбил от рук и не позволил себе на фронте ничего лишнего. – Слишком долго топчется на месте этот хваленый стра-

тег! Видимо, его недостаточно воспитали у Лаврентия. А, там хорошая школа! Как ты считаешь?

Ворошилов невольно поежился. Он хорошо знал, за что и при каких обстоятельствах Мерецков оказался в ГУЛАГе. Неожиданно для самого себя, он улыбнулся вождю и произнес:

– Надо бы мне самому пройти эту школу. Как можно судить о том, чего не знаешь?!

Вождь засмеялся: ему явно понравился ответ Ворошилова. Он набил трубку и прищурил глаза.

– А не боишься, Клим? – спросил он, выпуская клуб сизого дыма.

– А у меня грехов перед партией нет, товарищ Сталин! – отважно продолжал вести удачно выбранную линию маршал. – Готов хоть сейчас, если прикажет партия.

Сталин снова засмеялся и погрозил ему пальцем:

– Не надо, Клим. Не шути так... В механизме Лаврентия отсутствует ограничитель скорости! Если залетишь в шестеренки, тогда даже я помочь тебе не смогу. Поговори еще раз с Мерецковым, намекни ему, что ворота в лагерь для него всегда открыты. Ты понял меня?

Ворошилов, молча, кивнул головой.

Взвод немецкой пехоты, не встречая никакого сопротивления, глубоко вклинился встык двух русских дивизий.

Сплошной линии обороны здесь не было, и бои, в основном, происходили лишь за населенные пункты и дороги, по которым шло снабжение воюющих армий. Отряд капитана вермахта Вальтера Хольца рассчитывал выйти на рокадную дорогу, по которой шло снабжение 2-ой ударной армии, и, по возможности, перерезать ее. Параллельно их отряду, двигался еще один отряд, выполнявший особое задание Абвера. Все люди этого отряда были одеты в форму бойцов Красной Армии. Отряд был сформирован из полицаев и перебежчиков. По замыслу немецкой разведки, оба отряда должны были действовать совместно.

Первым заметил русских ефрейтор Зампер. Красноармейцы сидели возле дерева и о чем-то разговаривали. Хольц махнул рукой, и пятеро солдат, одетых в белые маскировочные халаты, поползли в сторону русского охранения.

Красноармейцы погибли без шума. Вальтер подошел к трупам и оглядел их. В этот момент он не испытывал никаких эмоций.

– Засыпьте их снегом, – приказал он солдатам. – Звери все сделают за нас.

Через минуту приказ был выполнен. Судя по шуму, который доносился до них, до дороги оставалось не более километра. Стояла тихая морозная ночь. Яркая луна, словно раскаленная до красноты сковородка, висела над лесом.

Офицер махнул рукой, и взвод двинулся в сторону дороги. В связи с тем, что немецкие самолеты контролировали до-

роги, по которым осуществлялось снабжение войск, все поставки боеприпасов, продовольствия и техники, как правило, совершались в ночное время. Вальтер, посмотрел на часы, взвод двигался точно по графику. До рассвета оставалось чуть больше часа.

По дороге, мимо затаившихся в засаде фрицев, прошла маршевая рота. Вступать в бой с превосходящими силами противника немцы не стали и пропустили их. Вслед за ротой на дороге показалась колонна автомашин. Боясь обнаружения, машины шли с затемненными фарами; узкая щель фар, позволяла видеть лишь борт идущей впереди машины. Офицер, нажал на спуск. Красная ракета, рассыпая искры, осветила колонну. В ту же минуту по машинам ударили немецкие пулеметы. Передние машины остановились в то время, как задние продолжали движение. На дороге образовалась пробка, в которую полетели гранаты. Началась паника. Красноармейцы метались по дороге, не зная, куда бежать. В горящих машинах начали рваться снаряды. Огромной силы взрывы рвали ночной воздух...

Через час, когда на место прибыло начальство, немцы были уже далеко. Развернув рацию, они сообщили, что первая часть операции «Дорога смерти» прошла успешно. Вальтер Хольц, сидел под елью и запивал галеты горячим чаем, когда радист протянул ему полученную радиограмму.

«Поздравляю с успешным началом операции. Приступайте к выполнению второго этапа...» – прочел он.

Дочитав текст, он достал из кармана зажигалку и сжег листочек.

– Всем отдыхать! – приказал офицер и лег на лапник.

Солдаты, загасив костры, повалились в снег. К вечеру взвод снова направился к дороге.

Часовня, в которой размещался штаб батальона, горела. Она занялась сразу, едва подкравшийся немец выпустил из огнемета свистящую оранжевую струю огня. Одновременно с этим, немцы начали атаку с противоположной стороны. Это были солдаты капитана Вальтера Хольца, которые, по ошибке, приняли штаб батальона за штаб бригады.

Смирнов, прибывший на командный пункт батальона еще утром, ожидал прибытия командира бригады подполковника Жильцова. Услыхав выстрелы, он выскочил на крыльцо и увидел вдалеке выкрашенную в белый цвет «Эмку», которая медленно двигалась по дороге, объезжая воронки от снарядов.

«Почему Жильцов решил ехать днем?! – подумал Николай. – Рискует командир; ох, как рискует!»

До машины оставалось метров пятьдесят, когда по ней ударили немецкие пулеметы. Пули буквально изрешетили «Эмку». Атака немцев была настолько внезапной, что не позволила красноармейцам организовать достойной отпор. Многие погибли впервые секунды атаки, так и не поняв, что

произошло.

Николай тщательно прицелился и мягко нажал на курок. Привычный толчок в плечо вселил в него уверенность в то, что они смогут отбить эту атаку. Пули угодили в баллон, который находился за спиной немецкого огнеметчика. Горючая жидкость в баллоне взорвалась и разом окутала тело гитлеровца. Он вскочил на ноги и, словно пылающий факел, бросился бежать по рыхлому снегу. Его дикий вопль на какое-то время заглушил шум боя.

Из-за полуразрушенного сарая показался немецкий автоматчик, который, не целясь, выпустил половину автоматного рожка в сторону Николая. Пули ударили в иконостас, пробив грудь Николая Чудотворца. Горящее бревно, упавшее откуда-то сверху, едва не угодило в Смирнова и, отскочив от пола, свалило бойца, стрелявшего из проема окна неподалеку от Николая.

– В Бога, в душу, в мать! – грязно выругался тот. – Надо же, умереть по-человечески не могу! Другим, небось, любимые да дети видятся напоследок, а мне – одни поганые немецкие хари.

Он не договорил. Пуля ударила ему в лицо. Каска слетела с его головы и, звеня, покатилась в угол. До слуха Смирнова доносились победные выкрики атакующих немцев. Не слыша ответных выстрелов, они осмелели и начали уверенно приближаться к часовне. Николай хорошо видел их сквозь дымную пелену и мелькавшее перед глазами пламя. Смир-

нов с сожалением подумал о пустых автоматных дисках, что лежали около него, и вдруг вспомнил о ноже. Он достал его из ножен и положил рядом с собой.

Огонь, тем временем, уже охватил громоздкий оклад иконы Иоанна Крестителя. Он глодал деревянный киот, скрывавший доску с ликом святого, и медленно подбирался к золоченому нимбу, жарко дыша Предтече в лицо.

Неожиданно немцы прекратили атаку и стали спешно отходить в сторону леса. Смирнов собрал последние силы и, цепляясь за стену, направился к выходу. Выйдя из часовни и сделав несколько неуверенных шагов, он упал в снег. За его спиной с грохотом обвалилась крыша часовни, погребая под пылающими бревнами раненых и убитых. По дороге, в его сторону, бежали несколько бойцов, одетых в белые полушубки.

– Жив, лейтенант? – спросил один из них.

– Да вроде, жив, – едва шевеля языком, прошептал Смирнов.

– Санитаров! Санитаров! – закричал кто-то рядом с ним.

Николай хотел повернуть голову в его сторону; но что-то тяжелое и темное накрыло его тело и с силой прижало к земле.

Выполняя приказ Сталина, Волховский фронт начал наступление, целью которого было овладение крупным насе-

ленным пунктом Любань. Этот город должен был стать местом соединения двух фронтов: Волховского, которым руководил Мерецков, и Ленинградского, которым командовал выдвиженец Жукова – генерал Хозин. Немецкая разведка, еще в середине февраля, получила сведения о предстоящем русском наступлении, и гитлеровцы начали усиленно укреплять подступы к городу.

До Любани 59-ая стрелковая бригада 2-ой ударной армии не дошла километров пятнадцать. Примерно столько же оставалось пройти частям 54-ой армии Ленинградского фронта. 2-ая ударная армия, уже к 9 марта 1942 года, прекратила свое наступление и вступила в затяжные оборонительные бои. Почему же не было организовано взаимодействие между армиями? Дело в том, что, выполняя одну и ту же стратегическую задачу, они подчинялись разным фронтам. Другой, не менее важной, причиной являлся бюрократизм, который сковал мышцы гигантского организма, именуемого действующей армией, и затруднял руководство ею.

Штабы действующих армий погрязли в бумаготворчестве. Командиры и комиссары строчили сотни всевозможных справок и докладных. При этом учет убитых, раненых и пропавших без вести был поставлен из рук вон плохо. Вместо того, чтобы разыскивать пропавших, их просто переводили в разряд погибших. В итоге, бойцы и командиры, возвращающиеся после ранений из госпиталей, по чьему-то злому умыслу, направлялись не в свои подразделения, где их

хорошо знали и ждали, а в совершенно другие части...

Представители Ставки Верховного Главнокомандования, находящиеся в составе воюющих фронтов, равнодушно взирали на это сверху, не принимая никаких мер. Встречные удары 2-ой ударной армии Волховского фронта и 54-ой армии Ленинградского фронта должен был координировать один человек, генерал армии Мерецков. Однако, он был для командующего 54-ой армией, генерал-майора Федюнинского, абсолютно посторонним человеком, поскольку тот подчинялся командующему Ленинградским фронтом – генералу Хозину, который очень болезненно относился даже к малейшему посягательству на его власть. Командарм Федюнинский лишь проинформировал Хозина о том, что 2-ая армия наносит главный удар на Любань, в двух километрах западнее населенного пункта Шалы. Оставаясь в стороне, Хозин и Федюнинский только наблюдали за попытками 2-ой ударной армии прорваться к ним, не более! Каких-либо попыток ударить навстречу Волховскому фронту, с их стороны, принято не было.

Вождь сидел за столом и внимательно изучал взглядом командующего Ленинградским фронтом генерала Хозина. Сталин молчал, и это необъяснимое молчание заставляло генерала поеживаться.

«О чем он сейчас думает? – пытался отгадать командую-

ций. – Стоит ли так волноваться, ведь если бы он решил меня прикончить, то не стал бы вызывать в Кремль?»

– Вы смотрели фильм «Александр Невский»? – неожиданно спросил его Сталин.

Хозин вздрогнул. Его глаза растерянно пробежали по кабинету. Глядеть в зрачки вождю он просто боялся. Конечно, он знал, что в марте 1941 года авторы этого фильма были удостоены Сталинской премии и многие расценили это как предостережение. Хотя, внешне, с тех пор ничего не изменилось, высших командиров РККА, по-прежнему, обвиняли в том, что они до сих пор боятся немцев!

– Не успел, товарищ Сталин, – поколебавшись, ответил Хозин.

В какую-то секунду он почувствовал, что во рту у него стало сухо, и язык прилип к гортани.

– Напрасно, – произнес Сталин и, сунув в рот трубку, затянулся дымом. – Это произведение большой художественной и нравственной силы. Мне кажется странным, что именно вы – командующий Ленинградским фронтом, который призван очистить берега Невы от фашистов, не нашли времени его посмотреть!

Желтые глаза вождя снова в упор взглянули на генерала. В них не было злости, и это успокоило Хозина.

– Обязательно посмотрю, товарищ Сталин, – забормотал генерал. – Вы же знаете, сейчас не до кино...

– Это будет правильно, иначе вас не поймут подчиненные.

Я, давно заметил, что кадровые командиры недооценивают роль политической работы в войсках, и это меня тревожит и настораживает. Некоторые командиры ратуют за ограничение прав военных комиссаров. Похоже, они стремятся вывести Красную Армию из-под контроля партии! Сейчас подобные желания сродни предательству и их необходимо пресекать на корню.

Эти слова снова заставили Хозина вздрогнуть. Сталин явно намекал на Тухачевского и тех, из его окружения, кто еще оставался в строю. Именно Тухачевский выступал за единоначалие в армии.

– Правильно, товарищ Сталин, – поспешил согласиться командующий фронтом. – Подобного просто нельзя допустить!

Это прозвучало так забавно, что вождь насмешливо поморщился.

– А, фильм вы все-таки посмотрите. Я думаю, вы, товарищ Хозин, тоже могли бы стать народным героем, если бы освободили город от блокады. Но пока я не вижу у вас этого стремления...

Генерал побледнел.

«Какое обвинение за этим последует?!» – в ужасе подумал он.

Однако Сталин молчал.

– Недавно я был у командарма Федюнинского, – с трудом выдавил из себя Хозин. – Он получил мою директиву об из-

менении боевых действий. Теперь он двинется навстречу 2-ой ударной армии...

– Поздно спохватились, вояки! – резко оборвал Сталин. – Что вам мешало сделать это раньше? Два месяца боев и никакой согласованности! Что вы там с Мерецковым не поделили? 2-ая ударная атакует, а вы с Федюнинским спите, как медведи в берлоге. Собираетесь наступать, когда Клыков уже выдохся!

Сталин сделал паузу и посмотрел на побелевшее лицо Хозина.

– Болтаетесь там, как дерьмо в проруби! – подытожил он. – Командовал 54-ой маршал Кулик – без толку. Пришлось его разжаловать в генерал-майоры! Потом командовал ты – безрезультатно! Тебя сменил этот герой халхинголовец Федюнинский – едва не сдал немцам Волхов, растерялся, запаниковал. Не сумеет он исправить положение, я б его в лейтенанты разжаловал! Может быть, прав был Мерецков, когда просил подчинить ему эту армию?. Что скажешь?

Хозин ухватился за идею, как за соломинку.

– Совершенно верно, товарищ Сталин! Войска обоих фронтов решают одну и ту же задачу – освобождение от блокады Ленинграда. Было бы хорошо объединить два этих фронта и передать командование в одни руки!

– В чьи руки? – прищурился Сталин. – Впрочем, это неплохая мысль! А почему Федюнинский просил освободить его от командования фронтом? Меня до сих пор интересует

этот вопрос...

Хозин покраснел.

– Он объяснял это тем, что я старше его по званию, – тихо ответил генерал.

– Я думаю, он просто боится ответственности.

Сталин замолчал, продолжая пристально глядеть на Хозина. Пауза, затянулась. Внезапно на столе Сталина зазвонил телефон. Вождь снял трубку.

– Сталин слушает, – сказал он. – Хорошо... Можешь возвращаться... Доложишь по возвращении.

Он положил трубку и, встав из-за стола, попрощался с Хозиным.

– Вы свободны, генерал. Считайте, что вторая ударная поступает в ваше распоряжение! Приказ будет подписан завтра. Передавайте привет Жданову...

На тот момент никто не мог и предположить, что это решение будет одной из самых больших ошибок Верховного главнокомандующего!

– Смирнов! Почему сдал позиции? Не нужно мне ничего объяснять! – кричал в трубку командир полка. – Вы что там с Капустиным с ума сошли?! Для вас приказ – пустое место?! Да где я тебе возьму боеприпасы, рожу, что ли?! Короче, бери их обратно, иначе пойдешь под трибунал. На все тебе – час! Всего один час!

Николай положил трубку и взглянул на ординарца Сибгатуллина.

– Разрешите мне уничтожить этот пулемет! – неожиданно предложил тот.

Смирнов выглянул из-за сугроба. Немецкий пулемет, установленный на бронетранспортере, бил безостановочно, не давая возможности поднять голову.

«Нельзя: его тут же убьют!» – подумал Смирнов, видя, как засуетился Сибгатуллин.

Николай не раз отмечал такое состояние у людей, которые мысленно подходили к последней черте. Смирнов пытался понять, откуда приходит это предчувствие неминуемой кончины. Он отбрасывал версии о неведомом голосе, как о некоем сигнале свыше, объясняя подобное состояние человека общим срывом психики. Именно в такой момент, боец теряет самообладание, а, вместе с ним, и способность воевать. Он начинает суетиться и делать ошибки.

И теперь Смирнов, глядя на ординарца, понимал, что посылать того на задание нельзя, ибо для него наступил тот самый кризис! Он, конечно, его преодолеет и останется одним из лучших бойцов роты; но это произойдет лишь в том случае, если он останется живым! А сейчас Сибгатуллин явно не вояка, в таком состоянии его срежут сразу после выхода из «мертвой» зоны...

«Что делать? – лихорадочно думал Смирнов. – И ординарца потеряю, и приказ командира полка не выполню...».

– Отставить, Сибгатуллин, – сказал он, наконец, берясь за гранаты. – Останешься за меня! Как только он заткнется, поднимешь роту в атаку.

Неожиданно Смирнов ощутил какую-то веселую отчаянность. Теперь он верил, что непременно справится с бронетранспортером и рота снова займет утерянные позиции.

– Выдвинься вправо, – приказал он Сибгатуллину, – и брось несколько гранат, чтобы отвлечь немцев.

Ординарец, молча, кивнул. Смирнов стремительным броском пересек заросший кустами склон и укрылся за кряжистой сосной. Его перемещение осталось незамеченным для немецкого пулеметчика.

«Еще пара-тройка таких перебежек, и я найду им в тыл!» – размышлял Смирнов, стремительно пересекая небольшую поляну.

– Раз, два, три, – сосчитал он и упал в снег, чувствуя, как по его спине потек пот. Справа раздалось несколько взрывов. Пулеметчик моментально отреагировал на них. Он дал несколько длинных очередей и снова замолчал. Неожиданно из-за откоса, где укрывалась рота, донеслось громкое «ура!», а потом в воздух полетели шапки. Для немца-пулеметчика это было нечто новое; он дал в ту сторону длинную очередь. Пули срезали кусты на откосе, но русских не задели. А те все кричали и кричали, подбрасывая ушанки. Удивленный немец перестал стрелять.

В оставленных траншеях роты обедало подразделение

СС, прибывшее для усиления любаньско-чудовской группировки вермахта.

– Курт! Что там происходит? – спросил один из обедавших пулеметчика.

– Не могу понять, господин фельдфебель. Похоже, русские сошли с ума или просят к нам в плен.

– Держи их на прицеле, скоро прибудет подкрепление!

Смирнов прицелился и швырнул, одну за другой, две гранаты-лимонки, которые рванули в траншеях, поразив осколками десяток эсэсовцев. Третья, противотанковая, полетела под колеса транспортера, мгновенно запыхавшего жарким пламенем. Услышав взрывы, рота устремила вперёд.

Смирнов спрыгнул в траншею. Вокруг лежали трупы, пахло сгоревшей взрывчаткой и порохом. У входа в блиндаж лежал немецкий офицер; рядом с ним валялся именной «Парабеллум». Николай нагнулся, поднял пистолет и, повертев его в руке, сунул в карман. Через двадцать минут командиру полка было доложено о том, что рота вернула оставленные ранее позиции.

Мерецков долго мерил шагами кабинет, затем поднял трубку.

– Перетрясите все свои тылы! – приказал он командующему 59-ой армией, генералу Галанину. – Соберите всех, кто способен держать оружие! Нужно помочь Сорокину, иначе

последствия окажутся непредсказуемыми.

Через полчаса Кирилл Афанасьевич уже трясся в машине, направляясь на командный пункт 59-ой армии. Он решил лично свериться с обстановкой.

«Что делать, где взять резервы?» – размышлял он, всматриваясь в темные дебри леса, стеной стоящего с обеих сторон машины. – Если немцы сомнут дивизию Сорокина, то они окажутся в тылу 2-ой ударной армии и отсекут ее от основных сил Волховского фронта. В одном месте отрежешь, другое подлатаешь, вот к чему сводятся усилия командующего фронтом! Придется, видно, срочно перебросить дивизию из 4-ой армии, получившей пополнение. На это уйдет, как минимум, трое суток! Но может ли он решить этот вопрос лично или нужно посоветоваться со Ставкой?! Наверное, надо.... Иначе его обвинят в самовольстве, а это – тяжкий грех в глазах Сталина! Верховный не любит, когда проявляют собственную инициативу – это прерогатива вождя. Остальные обязаны просто исполнять его волю...».

Неожиданно машина резко затормозила.

– Немецкие самолеты! – доложил ординарец. – Нужно выйти из машины и укрыться под деревьями...

Пятнадцать «Юнкерсов – 87» шли плотным строем, не обращая внимания на две одиноко стоящие на рокадной дороге машины. Никто из летчиков даже не предполагал, кому они принадлежат.

– Товарищ командующий, улетели! – выкрикнул води-

тель, бросаясь к «Эмке».

Мерецков сел в автомобиль и, откинувшись на сиденье, снова задумался.

«Нужно сначала самому убедиться, что 59-ая полностью исчерпала свои возможности, а уж потом звонить Василевскому», – решил он.

В штабе 52-ой армии, куда по дороге заехал Мерецков, генерал Яковлев встревожено сообщил, что немецкое наступление, со стороны Новгорода, усиливается с каждой минутой. Гитлеровцы сосредоточили свои атаки против позиций 65-ой дивизии, но та кое-как держится, рассчитывая на резервы армии. Хорошо, что в дивизии пока еще есть боеприпасы.

– Товарищ Яковлев, передайте в дивизию – держаться до последнего! – произнес Мерецков и направился к выходу.

– Товарищ командующий..., – попытался протестовать Яковлев.

– Что?! – отрезал Мерецков. – У меня резервов нет!

В дороге он подремал немного. По прибытии, ему доложили, что в 59-ой армии ничего существенного не произошло. Командарм Галанин божился, что наскрести чего-либо путного в тылах его армии практически не возможно! Нестроевики там, в основном, женщины да интенданты, не умеющие зарядить даже винтовку.

«Его необходимо срочно менять!» – подумал Кирилл Афанасьевич.

– Как дела у Сорокина? – спросил Мерецков.

– Туго у него на левом фланге, немцы обходят; остановить их не могут!

– Вам всем придется туго, если не сладите с противником! – зловещим голосом произнес Мерецков.

Оказывается, он умел быть жестоким, чего раньше за собой не замечал...

Смирнов положил автомат на бруствер окопа.

– Удержим позиции, товарищ лейтенант? – спросил его Сибгатуллин.

Николай глянул на ординарца и промолчал, врать ему не хотелось, но и говорить правду было бесполезно. Вся правда была на том поле, где они, уже третий день, сдерживали немецкую пехоту, поле, усеянном трупами.

– Товарищ лейтенант, первый на проводе, – доложил связист и протянул трубку.

– Товарищ первый, шестой на связи.

– Слушай, шестой! Нужно атаковать противника, а не отсиживаться в окопах! – произнес подполковник Ржавин.

– Товарищ первый, у меня осталось два неполных взвода; не хватает боеприпасов, люди забыли, когда последний раз ели...

– Отставить, шестой! Сейчас всем трудно! Немцы отрезали нашу армию от фронта; но задачу, поставленную перед

нами, никто не отменял! Нужно непрерывно атаковать противника, стягивать на себя его силы, тогда появится возможность прорвать окружение. Как прорвемся, так и отдохнем!

– Понял, товарищ первый; но боеприпасов, все равно, не хватает...

– Где ж я тебе их возьму? Если бы у меня были запасы, неужели, я бы с тобой не поделился?!

В трубке раздались сигналы отбоя. Смирнов посмотрел на ординарца.

– Сибгатуллин, собери мне командиров взводов!

В воздух поднялась красная ракета. Красноармейцы с неохотой начали вылезать из окопов. Немцы успели хорошо укрепиться, и выбить их с позиций было практически невозможно – это понимал каждый боец, идущий в атаку. Гитлеровцы молчали; и было непонятно, с чем это связано? Молчание пугало бойцов. Они стали чаще останавливаться и падать в снег, с каждой секундой ожидая шквального пулеметного огня. Напряжение нарастало.

Смирнов бежал в первых рядах, размахивая автоматом. Рыхлый снег не давал возможности ускорить движение. До немецких траншей оставалось более шестидесяти метров, когда ударили станковые пулеметы гитлеровцев. Пуля сбила с головы Николая шапку и заставила его повалиться в снег. Он оглянулся назад. Поле было покрыто темными пятнами. Некоторые из них двигались, другие лежали без движения. Раздался скрежет летящих мин, и на поле стали подниматься

серые фонтаны земли вперемешку со снегом.

«Нужно отходить!» – решил Николай; но сделать это под шквальным минометным огнем было самоубийственно.

Смирнов лежал в снегу. Сколько прошло времени с начала атаки, он не знал. Он, было, пытался ползти обратно, но пуля немецкого снайпера попала в приклад автомата и разнесла его в щепки.

«Скорей бы стемнело!», – подумал он и посмотрел на солнце, которое никак не хотело закатываться за горизонт.

Он снова сделал несколько движений; снайпер молчал, и трудно было понять, снялся ли он с позиции или просто наблюдает за тем, как борется за жизнь Николай. Стало тихо; даже предсмертные крики раненых умолкли. Неожиданно слух Смирнова уловил скрип снега. Он посмотрел в сторону звука и увидел немецких солдат, которые ползли в его сторону, надеясь захватить его в качестве языка. Николай, начал шарить рукой по поясу, стараясь нащупать кобуру пистолета. Наконец ему удалось достать оружие и передернуть затвор.

Из-за сугроба показалась голова первого немца. Под широким носом, словно клякса, чернели усики «а ля Гитлер». Заметив Смирнова, он заулыбался ему, словно старому знакомому. Недолго думая, Николай выстрелил в лицо немцу и, вскочив, бросился бежать, насколько позволял ему это делать снег. Сзади раздались автоматные очереди. Пуля обожгла Смирнову правое ухо. Он повалился в снег, и прижал-

ся к нему раной. Сердце, стучало где-то у горла. Снег возле уха окрасился в красный цвет. За ворот гимнастерки что-то потекло: то ли растаявший снег, то ли кровь. Николай отчаянно полз обратно. До позиций роты оставалось метров пятнадцать, когда пуля немецкого снайпера пробила голенище его валенка. Он вскочил, бросился к траншее и упал в нее прежде, чем снайпер снова нажал на курок.

За окном шел снег. Его крупные хлопья, медленно кружась в воздухе, падали на землю. Фюрер стоял у окна, заморожено наблюдая за снегопадом. Он любил снег, его белизну и чистоту. В душе художника, каковым он считал себя, родился прекрасный пейзаж. Задернув штору, фюрер отошел от окна и направился к рабочему столу, на котором лежала карта. Гитлер любил это скромное строение в лесу, скрывавшем подземные бункеры «Вольфшанце». В Зеленем домике ему было, как нигде, хорошо и уютно. У фюрера было несколько комфортных мест, но это оставалось у него самым любимым.

Почувствовав некоторую усталость, Гитлер решил отвлечься от работы над оперативными документами. Сегодня утром он получил известие об окружении 2-ой ударной армии русских, и настроение у него заметно улучшилось. Обойдя стол, он открыл сейф и достал альбом, хранящий его старые акварели. Он написал их в молодости. Последняя по-

пытка поступить в Академию художеств состоялась осенью 1908 года. Он хорошо помнил тот серый печальный день, когда его не допустили до экзаменов из-за отсутствия среднего образования.

«Сколько еще можно пресмыкаться перед вонючими снобами? – решил тогда Гитлер. – Нет! и еще раз нет! Он должен познать глубину унижения, чтобы затем возвыситься над ничтожествами и отомстить, отомстить им всем!»

Гитлер глубоко задыхался, вспоминая прошлое. Ему вдруг стало жалко себя; однако, усилием воли, он заставил себя успокоиться. Фюрер медленно раскрыл альбом и улыбнулся: первая акварель изображала здание венской оперы. Все эти картины кормили его в то трудное время.

«Я сам сделал себя! – с гордостью подумал он. – Самообразованием! Обошелся без жидов, пытавшихся лишить немцев индивидуальности. Да, мне пришлось нелегко; но я много читал и притом основательно. Я достиг того, чего не достигли они – стал фюрером Германии!».

Он взял в руки еще одну акварель. На помятой бумаге, краски которой давно выцвели, был изображен королевский дворец. Гитлер вспомнил, как его дважды прогоняли с площади жандармы, пока он рисовал замок. Хотелось ли ему тогда жить в том дворце, он не помнил. Наверное, нет: ведь он – не толстяк Геринг, столь падкий на роскошь и внешнюю мишуру...

Фюрер отложил альбом и встал с дивана. На столе лежал

отпечатанный текст. Буквы были крупными. Он взял в руки листок и быстро пробежал его глазами. Это был текст последнего выступления Геббельса, которое прозвучало на закрытом совещании:

«Чувства оставим поэтам и девицам, за церковь сохраним загробный мир; слабоумные пусть предаются мечтам о героизме и сгорают от любви к родине. Самое главное – все они должны выполнять наши приказы! Мы полагаемся на идеализм немецкого народа...».

Доктор Йозеф Геббельс был единственным человеком с высшим образованием в окружении Гитлера.

«Интеллигент!» – усмехнулся фюрер, хотя слова Геббельса импонировали ему.

Гитлер положил лист на стол, затем подошел к дивану и, захлопнув альбом, убрал его в сейф. Накинув на плечи шинель, он вышел во двор. Небо было серым, снег прекратился.

– Эта проклятая погода посадила все мои самолеты! – проворчал он. – Повезло Мерецкову...

Именно на погоду ссылался Геринг в утреннем докладе, оправдывая снижение активности авиации в районе деревушки Мясной Бор.

Командующий фронтом Мерецков мотался между штабами 52-ой и 59-ой армий, пытаясь организовать коридор, к западу от Мясного Бора, для выхода из окружения 2-ой удар-

ной армии, в то время как немецкие дивизии, заполнившие горловину прорыва, пытались оттеснить армии Волховского фронта, как можно дальше к востоку. Оставшись у немцев в тылу, 2-ая ударная армия продолжала атаковать врага, хотя снабжение ее давно прервалось, и она остро нуждалась в боеприпасах, горючем и продовольствии. Бойцы стали голодать. За две недели армия съела всех лошадей, но и это не остановило надвигающийся на армию голод. К концу третьей недели, многие красноармейцы не могли двигаться от истощения, началась цинга...

Нина сидела у палатки, сворачивая выстиранные бинты. Эвакуировать раненых не представлялось возможным, лечить было нечем. Страшно было видеть, как умирают молодые бойцы, которые могли бы еще жить да жить...

– Корнилова! – окликнул ее санитар (Нина оставила при регистрации брака девичью фамилию). – Доктор велел тебе подготовиться к операции.

Нина встала и направилась к зеленой палатке на опушке леса. В палатке было темно и сыро. Она запалила керосиновую лампу и, развернув некогда белую простынь, начала выкладывать на нее хирургические инструменты. В палатку вошел хирург и направился к умывальнику.

– Готова? – спросил он и улыбнулся ей какой-то вымученной улыбкой.

Нина посмотрела на его руки и отметила, что они мелко дрожат.

– Готова, – тихо ответила она. – Как вы себя чувствуете, доктор?

Хирург не успел ответить. Полог палатки отогнулся, и санитары занесли молодого красноармейца. Осколок оторвал ему кисть. Нина быстро размотала пропитанные кровью тряпки и бросила их в ведро. Врач мельком взглянул на бойца и произнес:

– Придется ампутировать руку до локтя. Будет очень больно; но другого выхода нет, сынок!

– Доктор, а как же баян? – испугано спросил тот. – Я же баянист!

– Забудь про баян. Теперь тебе придется слушать, а не играть...

К вечеру среди врачей и раненых прошел слух, что ожидается прибытие самолетов для эвакуации. Откуда появился этот слух, никто, толком не знал.

Судя по басовитым звукам в ночном небе, к ним летели «Дугласы».

– Костры! Разжигай костры!

В небе появились четыре самолета, но, ни один из них не приземлился: то ли, не было приказа, то ли летчики просто боялись садиться на небольшую, окруженную лесом поляну. Они покружились и улетели, сбросив два десятка грузовых мешков. Их быстро собрали и доставили на территорию приемного пункта.

– Давай раскрывай, – приказал капитан ездовому. – На-

верное, прислали продукты и медикаменты.

Ездовой вспорол мешок и удивленно посмотрел на капитана. В мешках было сено, предназначенное для лошадей, которых уже неделю, как съели...

– Как же так? – прошептал капитан. – Люди не лошади, им сена не нужно!

– А может, они ошиблись? – хмыкнул ездовой. – Ночью не разглядели да и сбросили нам, а не кавалеристам.

– И – го – го! – дурашливо заржал один из раненых. – Выходит, они нас за лошадей приняли.

Начальник госпиталя зло посмотрел на шутника. Тот обрвал смех и, хромя, заковылял в темноту.

Мерецков связался со Ставкой и получил разрешение на переброску к Мясному Бору свежей дивизии из состава 4-ой армии.

– Знаешь, что твою армию окружили немцы? – спросил он по телефону командующего 2-ой ударной армией Клыкова.

– Как не знать! Немцы уже, который день кричат об этом из своих громкоговорителей. Предлагают сложить оружие и сдаться, – ответил Клыков и, помолчав, добавил. – Уже давно прекратился подвоз продовольствия и боеприпасов. Люди голодают, да и стрелять во врага нечем!

В трубке повисла тишина, и было слышно, как тяжело дышит Мерецков.

– Я распорядился активизировать полеты авиации. Многого обещать не могу, но кое-чем они вам помогут.

– Товарищ командующий! У вас одна армия, которая по-прежнему рвется к Ленинграду, а у соседей – две, но они не проявляют никакой активности. Странное дело получается, бойцы не понимают этого! Почему они стоят и не помогают нам? Может, вы мне объясните?!

Мерецков не ответил, так как сам не понимал, что происходит.

– Как тут без меня? – спросил он по приезде на командный пункт своего заместителя, генерал-лейтенанта Власова.

Тот, молча, пожал плечами, находя вопрос некорректным. Андрей Андреевич Власов не был лично знаком с Мерецковым, хотя прежде слышал о нем, как о бывшем начальнике Генерального штаба. Зная о его манере общения с подчиненными, Власов поспешил доложить, что дивизия полковника Угорича начала движение в сторону Мясного Бора.

– Думаю, что раньше, чем через двое суток, дивизия вступить в бой не сможет, – добавил Власов.

– Как обстановка в четвертой армии? – поинтересовался Мерецков.

– Пока сносная; противник проявляет активность между Лезно и Волосье, но это, скорее, отвлекающий маневр. Четвертая держится крепко, товарищ командующий!

В кабинете стало тихо. Мерецков сел за стол и снял с головы папаху.

– Зовите меня по имени-отчеству, Андрей Андреевич: ведь мы с вами одни в кабинете...

– Слушаюсь, – склонил голову Власов.

«Солдафон, – неприязненно подумал Мерецков. – А ведь Академию имени Фрунзе окончил!».

Подавив неприязненное чувство, Мерецков глубоко вздохнул.

– С участием четвертой армии мы освободили Тихвин! – с гордостью сказал он. – Первый город, откуда окончательно выбили немцев.

– А, Малая Вишера? – неожиданно уточнил Власов.

«Смотри-ка, – удивился Мерецков, – умеет поправить начальство!»

– Верно, Малую Вишеру освободил Клыкков; но какой это город? Большая деревня...

– Когда я командовал двенадцатой армией, у меня был начальник штаба из четвертой, – добавил Власов. – Сандалов его фамилия. Толковый штабист; до войны бархатный воротничок и штаны с лампасами носил. Под Москвой проявил себя с лучшей стороны: когда я оказался в госпитале, он взял на себя командование армией.

– Славу тоже поделили? – улыбаясь, спросил Мерецков.

– Слава – вещь ненадежная, Кирилл Афанасьевич. Сегодня она есть, а завтра... Мой корпус осенью сорок первого окружили под Киевом. Целый месяц мы бродили по немецким тылам, пытаюсь выйти к своим. Отчаяние, страх, чего

только не было! Проще было застрелиться, как это сделал генерал Кирпонос. На одного генерала в Красной Армии стало бы меньше. А, я вышел! Взял и вышел, назло всем! Да еще сохранил партийный билет, когда многие сжигали. Поэтому товарищ Сталин мне поверил. А выйди я без билета, где бы я был сейчас?

– Да уж не в Малой Вишере: Сибирь большая... Это в лучшем случае! В худшем – поставили бы к стенке без суда и следствия, как Павлова, Коробкова, Климовских, Григорьева...

– Почему не в Малой Вишере, Кирилл Афанасьевич? – возразил Власов. – Может быть, даже во второй ударной! Только в штрафной роте...

Власов замолчал и в упор посмотрел на Мерецкова. Тот, молча, встал из-за стола, так как понял, что разговор может стать более доверительным, к чему пока он не был готов.

Мерецков и Власов шли по улице Малой Вишеры. Было около десяти вечера. Где-то далеко хлопали зенитки и по небу шарили лучи прожекторов.

– Вы ужинали? – неожиданно для Власова, спросил Мерецков.

– Нет. Как-то не до того было, – ответил Андрей Андреевич.

– Может, зайдём ко мне? У меня Евдокия Петровна ма-

стерица готовить!

Решение пригласить Власова к себе возникло у Мерецкова спонтанно. В войсках ходили слухи, что Сталин прочит Власова на его место, и он хотел услышать об этом от самого Андрея Андреевича.

Они вошли в дом, поднялись на второй этаж и, раздевшись в прихожей, прошли в зал. Стол был накрыт. Они выпили и стали ужинать. Добавив еще, Мерецков вернулся к прерванному разговору. Но разгадать Власова оказалось не так-то просто. Он постоянно переводил разговор на Сталина, который, удостоив Власова личной беседой, доверил бывшему командиру корпуса двенадцатую армию, принявшую участие в великом сражении.

– И доверие товарища Сталина мы оправдали! – гордо закончил Власов. – Отняли у фашистов Шаховскую, Солнечногорск, Волоколамск, отбросили врага от столицы!

– Вам, наверное, скучно в новой должности? – запустил пробный шар Мерецков. – Вы же – известный народу полководец, не то, что я, бывший заключенный.

Но, Власов, словно не заметил подвоха.

– Эта должность, конечно, не по мне, – улыбнулся он. – Я сам больше командиром был. Как призвали в девятнадцатом году в Красную Армию из Нижегородского университета, так и команду до сих пор! Поначалу, конечно, был рядовым на белогвардейских фронтах, прошел курсы красных командиров. А потом пошло... Командир взвода, роты, бата-

льона, полка, дивизии. Как говорится, прошел все ступени!

– Я помню, как впервые дни войны ваша дивизия отличилась под Перемышлем, – сказал Мерецков. – Не отступила ни на шаг, пока немцы не начали обходить ее.

– Это была уже не моя дивизия, – скромно возразил Власов. – За два месяца до войны, я сдал ее и получил механизированный корпус! Правда, механизированным он был лишь на бумаге.

– Говорят, вы и в Китае были? – вступила в разговор жена Мерецкова, которая, до этого момента, молча, слушала мужчин. – Орден там получили?

– Было такое дело, – тихо произнес Власов, – получил; но его и золотые часы у меня отобрали сотрудники НКВД.

Андрей Андреевич начал рассказывать о семье, и Мерецков узнал от него, что Власов женат в третий раз.

– На детишек мне не везло! – словно подводя итог, произнес Власов. – Был ребенок от Агнессы, но погиб под бомбежкой...

В комнате стало тихо.

«На карьериста или выскочку из выдвиженцев предвоенных лет, вроде бы, не похож! – размышлял Кирилл Афанасьевич. – И в Китай уехал задолго до того! А после такой должности за кордоном вполне мог оказаться в застенках НКВД с обвинением в работе на японскую разведку. Но, Власов, вернулся и позже стал комдивом! И это при нем девяносто девятая стрелковая дивизия заняла первое место в

РККА! Должность заместителя его явно тяготит, так как он, похоже, любит держать вожжи в своих руках. Перевести его в штаб? А, если он глаза и уши самого Сталина?! Пожалуй, стоит проверить его «на вшивость»...».

– Андрей Андреевич, – обратился он к Власову, – есть у меня для вас одно предложение. Не знаю, может ли оно вас как-то заинтересовать, но, все же...

Власов повернулся и в упор глянул на Мерецкова. Глаза их встретились. Они долго всматривались друг в друга. Наконец Мерецков продолжил:

– Сложная обстановка у командарма второй ударной, Клыкова. А ведь мы, я имею в виду себя и Ставку, возлагали на него большие надежды. Мне одному не разобраться в этом вопросе. Надо кому-то на фронтовом хозяйстве сидеть, ведь у нас, помимо второй, еще три армии... Хочу направить вас к Клыкову с полномочиями от фронта. Я – здесь, а вы – там. Надеюсь, в четыре руки управимся, если не будем мешать друг другу!

Мерецков затаил дыхание, ожидая ответа Власова; но тот молчал, так как хорошо понимал, что Мерецков хочет хоть на время от него избавиться.

«Почему он предложил мне именно 2-ую ударную армию? – думал Власов. – Разве, он не знает, в каком положении она находится?! Похоже, он боится последствий!»

– Но армия в окружении... – тихо произнес Андрей Андреевич. – Там нет боеприпасов, продуктов питания...

– Вам ли этого бояться?! Вот освободим проход и вперед! Сталин обещал еще одну армию...

«Похоже, он не верит в эту мифическую армию, – размышлял Мерецков, поедая глазами Власова. – Ну, соглашайся, соглашайся же!»

– Хорошо, Кирилл Афанасьевич, я приму армию, – все так же тихо произнес Андрей Андреевич, – только согласуйте свое решение со Ставкой. Я бы не хотел садиться на занятую должность, это не в моих правилах.

– Вот и договорились, – радостно заключил Мерецков.

«Как быстро мне удалось решить этот вопрос! – думал он. – Неужели, Власов не догадался о моем плане? Зачем мне этот любимец Сталина? Работать под его присмотром я не собираюсь, два медведя редко уживаются в одной берлоге! Нужно срочно переговорить со Сталиным! Скажу, что Власов сам напросился. Главное, чтобы Ставка согласилась на замену Клыкова! А, если откажут?! Нужно убедить их, что Власов необходим именно там, а не здесь...».

Тем временем Власов встал и направился в прихожую. Накинув шинель, он покинул квартиру Мерецкова.

2-ая ударная армия продолжала сражаться, атакуя превосходящие силы противника. За последние недели, пока шли бои за восстановление коридора, ни одна машина с продовольствием не пробилась в этот «мешок». По ночам летали

«кукурузники» и сбрасывали сухари и тушенку. Но, разве накормишь десятком сухарей целую армию?! Особенно тяжело было госпиталям.

Появились первые проталины, и армия стала переходить на «подножный корм». Красноармейцы вооружались ножами и ножницами и стригли с еловых лап зеленые иголки. Все это настаивалось на кипятке, и этим раствором поили каждого раненого бойца. Многие бойцы отказывались принимать этот горький напиток, и тогда в дело вступал представитель Особого отдела, который, под страхом расстрела, заставлял пить раствор, объясняя это тем, что тот спасает от цинги. Это было правдой: у людей, из-за отсутствия питания, начали выпадать зубы, обессилевших бойцов приходилось отправлять в госпиталь, словно пострадавших от вражеской пули, а это было сродни дезертирству и членовредительству, за которое ставили к стенке.

Нина написала письмишко Смирнову и, сложив треугольником, сунула его в карман халата. Выйдя из палатки, она столкнулась с военврачом, который сопровождал незнакомую ей женщину.

– Собирайся, Корнилова: поедешь с Измайловой, – приказал он.

Нина критически осмотрела женщину: невысокая, в замурзанной шинели, подпоясанной брезентовым ремнем, в ботинках с обмотками. Все это жалкое одеяние сидело на ней относительно ловко, а шапка-ушанка, сбитая на затылок,

придавала Измайловой какой-то задорный вид.

– Возьмете полуторку и попытаетесь провезти сквозь коридор раненых.

Заметив недоуменный взгляд Нины, врач быстро затараторил:

– Я понимаю, что днем прорываться сложно; но другого пути у нас нет.

– Но нам сказали, что госпиталь раненых не принимает, – возразила Нина.

– Знаю, Нина, знаю. А, ты исхитрись и сдай их! Главное, добудь хоть несколько флаконов эфира! Объясни, что у нас много тяжелораненых! Чем мне их усыплять? Ну, как: рискнешь?!

– Попробую, – ответила Нина. – Все мы тут рискуем.

Госпиталь был удален от медсанбата на тридцать километров. Дорога в него шла через густой лес, который буквально кишел дезертирами, немецкими диверсантами и снайперами. Последние ежедневно охотились за смельчаками, пытавшимися проехать этой дорогой.

В кузов положили раненых, которых могли спасти лишь в госпитале. Побитая, изношенная полуторка запрыгала на лежневке, как горная коза. Через двадцать километров автомобиль попал под обстрел. Осколки мин расщепляли борта машины; но Измайлова, будто не замечала этого, вцепившись в баранку, она гнала машину вперед, словно не было этого крошечного ада, словно не пробивали лобовое стекло

пули немецких снайперов.

«Лишь бы не было прямого попадания!» – шептала, как заклинание, Нина, наблюдая за взрывами, встающими то слева, то справа от машины.

Наконец минометный обстрел прекратился; но тут при-спела новая беда: зашипел радиатор и из-под капота грузови-ка повалил пар. Нина выбралась из кабины и отошла от ма-шины метров на пять. Где-то недалеко от нее хлопнул вин-товочный выстрел. Пуля сорвала шапку. Нина подняла ее и увидела в ней дырку. Следующая пуля ударила в березу, за которой она успела укрыться.

– Веселится, сволочь! – усмехнулась Измайлова.

Она залила из ведра в радиатор растопленный на горячем моторе снег, и они поехали дальше.

– Прочитайте это, – распорядился Сталин, будто брезгуя взять листок в руки, хотя текст был переведен с немецкого и перепечатан на машинке.

Василевский мельком взглянул на Верховного Главного-мандующего и стал читать, поначалу бесстрастно, потом с некоторым выражением:

– Война скоро закончится! Для победы необходимо на-прячь все силы, забыть о нервах, о жалости. Убивай, убивай, убивай! Нежность понадобится лишь после войны. Обо всем и ибо всех думает фюрер! Каждый немец должен убить сот-

ню русских – это норма! Сейчас мы на мировом стадионе играем русскими головами; потом будем играть головами англичан; а там покажем и старому еврею Рузвельту, этому паралитику, чего мы стоим...

Василевский замолчал и посмотрел на Сталина. Пауза явно затягивалась.

– Что скажете, товарищ Василевский? – спросил, наконец, вождь.

– Какой-то курьез, товарищ Сталин. Бред ненормального человека.

– Это не курьез. Вы прочитали документ большой политической силы! Однако мы отвлеклись... Что там у вас?

До этого момента, Василевский докладывал Сталину о положении дел на Волховском фронте. Теперь вождь снова пристально глядел на него.

– Что думает о сложившемся положении Мерецков? – внезапно спросил Василевского Сталин. – Вам не кажется, что он сгущает краски?

Василевский поежился от холода глаз Верховного. Лицо его побледнело, он думал, как лучше ответить на этот вопрос Сталина.

– На Волховском фронте – довольно сложная обстановка. Две армии удерживают проход у Мясного Бора; но противник усиливает нажим, чтобы лишить 2-ую ударную армию возможности маневрирования. Много сил ушло на восстановление коридора. 2-ая ударная армия продолжает атако-

вать, но ей не хватает сил, боеприпасов, а главное, продуктов питания – люди пухнут от голода!

Василевский подошел к карте, но Сталин досадливо махнул рукой.

– Не сейчас! – сказал он. – Вызовите на связь Мерецкова. Мы будем говорить с ним через два часа. Можете идти, товарищ Василевский.

Когда Сталин остался один, он вновь оглядел карту, но взор его был равнодушен. Потеряв надежду разгромить группу армий «Север» единым ударом трех фронтов: Ленинградского, Волховского и Северо-Западного, вождь уже не испытывал к операции острого интереса. Его охватило смутное беспокойство при мысли о положении в Крыму, однако, там сидел Мехлис, ежедневно твердивший, что не подведет, а ему он верил всегда. Сталин отошел от стола и глянул во двор. За окном господствовал март!

«Вот и весна на пороге, – подумал он, щурясь от яркого солнца. – Что она нам принесет, кто выиграет от ее прихода? Генерал Распутица непременно скует механизированные части вермахта, а значит, весна – наша союзница».

Сталин сел за стол и придвинул к себе календарь: среди прочих записей значилась фамилия Хозина. Командующий Ленинградским фронтом просил о личной встрече, и Сталин начертил рядом крестик синим карандашом. Это означало, что генерал-лейтенант Хозин будет вызван в Ставку.

– Всех, кто может держать в руках оружие, в ружье! Каждый снаряд в цель! Каждому грамму продовольствия – учет и строгий контроль! – громко провозгласил командир полка. – Наша задача остается прежней – держаться и еще раз держаться!

Майор замолчал и внимательно взглянул на офицеров; но они молчали: всем было ясно, что рассчитывать на подкрепление не приходится.

– Верно, сказано! – подытожил заместитель начальника политуправления фронта Калашников – сугубо штатский человек, назначенный на генеральскую должность.

Он сел в машину и направился на встречу с Власовым. Они оба были представителями фронта; но Калашников чувствовал себя, на новой должности, не совсем уютно.

Власов сидел за столом и молча, слушал доклад командарма Клыкова. Заседание военного совета вел комиссар армии, полковник Зуев. Было видно, что командарм болен и держится из последних сил. Недалеко от него сидел начальник разведки армии, полковник Рогов.

Александр Семенович Рогов лучше всех знал о положении дел во 2-ой ударной. Имея за линией фронта агентурные источники, он еще в начале марта пришел к выводу, что гитлеровцы намного превосходят армию в живой силе и технике. Продолжать наступление в таких условиях было просто бессмысленно; но все его донесения бесследно тонули в

штабе армии. Вот и сейчас он, молча, выслушал доклад командарма и не удивился, хотя вместо того, чтобы попытаться отвести армию назад и спасти ее Ставка вновь приказала продолжать наступление.

«Этот болотный «котел» обречен на гибель! – думал Рогов. – Нужно, во что бы то ни стало, сохранить людей! Пусть либо дадут подкрепление, либо позволят отступить! Почему Клыков не может убедить в этом Мерецкова?»

– Что скажет разведка? – внезапно спросил Рогова Власов.

Полковник поднялся и начал докладывать последние разведанные.

– Пора отводить армию! – громко закончил он.

Командиры дивизий и бригад поддержали его выводы. Выслушав их, Клыков вновь поднялся из-за стола:

– Я понимаю опасения полковника Рогова и разделяю их. Положение армии – сложное! За два месяца непрерывающихся боев люди смертельно устали! Снабжение армии ненадежно; а впереди – распутица. Все это так, товарищи командиры. Но буду с вами откровенен, если я поставлю вопрос о судьбе армии так, как его сформулировал полковник Рогов, то завтра у вас будет новый командарм!

Он взглянул на потупившихся командиров и сел рядом с Власовым.

Болезнь беспощадно грызла его изнутри; и армию, скорее всего, придется сдавать новому командарму. Недавно Мерецков намекнул ему в разговоре, что это не только его мне-

ние, но и указание Верховного. Рогов, следивший за реакцией Клыкова, почему-то вспомнил недавний разговор с Мерцковым.

– Вот что, полковник, – сказал тогда Кирилл Афанасьевич, – с этого дня вы должны сообщать мне лично об оперативном положении армии.

– Наряду со штабом?

– Помимо штаба!

Рогов сразу понял, что командующий хочет иметь независимый источник информации. Только зачем все это? Для проверки сообщений оперативного отдела штаба? Может быть! Ведь сняли же в феврале с поста начальника штаба генерал-майора Визжилина, вводившего фронт в заблуждение относительно того, что на самом деле происходило в армии...

После совещания все обступили буквопечатающий аппарат, напряженно следя, как из него выползает бумажная лента. Власов хотел о чем-то спросить стоявшего по другую сторону аппарата комиссара Зуева, но тот поднял руку, призывая всех присутствующих к вниманию.

На ленте появился текст:

«Мерцков – Зуеву. Кого выдвигаете в качестве кандидата на должность командующего 2-ой ударной армией?»

– Передавайте, – сказал Зуев: – Считаю целесообразным назначить на эту должность генерал-лейтенанта Власова.

Андрей Андреевич только пожал плечами: он сразу

вспомнил последний разговор с Мерецковым. Наступила пауза. Выдержав ее, Власов шагнул вперед:

– У меня есть другое предложение. – Передавайте: – Временное исполнение должности командующего армией необходимо возложить на начальника штаба армии, полковника Виноградова. Власов.

«Хорошая идея, – подумал Зуев. – Я бы сам его предложил, если бы рядом не стоял бывший командир армии, отличившейся под Москвой».

По ленте телеграфа снова побежали слова:

– Мерецков и Запорожец – Власову. Согласны с предложением Зуева. Ваша кандидатура одобрена Ставкой! Как вы к этому отнесетесь?

– Соглашайтесь, Андрей Андреевич, – мягко произнес Зуев. – Мы к вам уже привыкли! Да и решение фронта и Ставки...

– Давайте ответ, – усмехнулся Власов. – Исходя из обстановки, вынужден согласиться. Решение Ставки выполню! Власов.

На этот раз паузы не было. Ответ командующего Волховским фронтом не заставил себя ждать:

– Мерецков – Власову. Ждите директиву Ставки.

– Прощай, Сибгатуллин, вечная тебе память! – негромко сказал Смирнов и бросил горсть земли в яму, где лежал труп

ординарца. – Славно мы с тобой повоевали.

Ординарца убил немецкий снайпер, когда тот перебежал из окопа в окоп. Сибгатуллин умер сразу. Пуля снесла ему половину черепа. На другой день бойцов Николая сменила другая рота; а их, по приказу командира полка отводили в тыл, если можно было назвать так маленький остров, окруженный со всех сторон болотами. За два месяца непрерывных упорных боев от роты осталось чуть более сорока человек.

– Смирнов, тебе за наше сидение в болоте, наверняка, «шпалу» дадут! – сказал идущий рядом младший лейтенант Дружинин, единственный командир взвода, оставшийся в живых.

Николай рассмеялся, чем привлек внимание подчиненных:

– Запомни одну армейскую мудрость, Дружинин, новое звание изменяет натуру человека, а его ум остается прежним!

Впереди показалась фигура командира полка. Заметив приближающуюся группу красноармейцев, он направился в их сторону.

– Как дела, Смирнов?

– Терпимо, товарищ подполковник. Есть только хочется...

– У нас тоже было не особо. А, как немцы заблокировали коридор, стало совсем худо! По ночам прилетают самолеты;

но что они могут довести?! Норма на сегодня такая: семьдесят пять граммов сухарей да килограмм муки для болтушки на десять человек... Люди сдают на глазах! Многие пухнут от голода, зубы шатаются...

– Мы отвар из хвои пили, – сказал Смирнов. – Вроде, помогает.

– Мы тоже пьем. Не красноармейцы уже, а настоящие хвосо-сосы!

Он засмеялся, чем вызвал невольную улыбку Николая.

– Отдыхайте, – произнес комполка и направился к группе офицеров, расположившихся неподалеку от них.

– Смирнов, ты не поверишь, но вокруг нас одна вода. Мы на острове! – сообщил Дружинин.

– Откуда ты знаешь?

– Мне об этом капитан Онищенко только что сказал. Он врать не будет!

Смирнов строго посмотрел на младшего лейтенанта:

– Найди старшину. Нужно накормить бойцов. Пусть отдохнут, обсохнут...

Мимо него прошел красноармеец, несший в руках что-то не понятное.

– Что это у тебя? – спросил Николай.

– Еж, товарищ лейтенант. Хочу сварить, пусть ребята горячего поедят. Вчера, при бомбежке, взрывом барсука из земли вывернуло, – продолжил боец. – Вот это был стол! Вся рота ела...

К Николаю подошел политрук Зырянов:

– По-моему, Смирнов, вам давно пора вступать в партию!

– Не знаю, товарищ капитан. Не думал об этом.

– Напрасно. Вы еще молоды, у вас большое будущее. Скажу по секрету, вчера я подписал представление о награждении вас медалью «За отвагу». Я лично дам вам рекомендацию, да и командир, думаю, против не будет. А где комсорг роты?

– Погиб в первом же бою на Волхове.

– Проведи собрание с личным составом. Выберите комсорга, если есть желающие – примем в комсомол.

– Слушаюсь, товарищ капитан.

– И еще. Вон тот лесок видишь? Нашел я там вчера труп красноармейца, недавно убитого снарядом. Понятное дело, одежду и белье кто-то снял. А, вот все мясо на ногах обрезано до костей!

– Не может быть, товарищ политрук! – в ужасе воскликнул Смирнов.

– Сам не хотел верить! Прямо обалдел, когда увидел. И кто мог такое сделать? В жизни не встречал подобной мерзости!

Зырянов снял шапку и вытер вспотевший лоб.

– До сих пор перед глазами стоит. Сейчас, поделился с вами – легче стало! Думаю, этот разговор останется между нами.

– Ну, я пошел, – сказал политрук. – А в отношении вступ-

ления в партию, подумайте!

Смирнов сидел на поваленном взрывом дереве. Ласковое апрельское солнце приятно согревало тело.

– Товарищ лейтенант, прочтите, – сказал Дружинин и протянул ему армейскую газету «Отвага». – Вы слышали о нашем новом командарме?

Николай развернул газету: с фотографии на Смирнова смотрел генерал-лейтенант с большими черными очками в роговой оправе. В статье говорилось:

«Вновь назначенный командующий армией генерал-лейтенант Андрей Андреевич Власов родился в 1901 году в селе Ломакино, Гагинского района Горьковской области, в семье крестьянина-кустаря. До 1920 года учился, получил высшее специальное образование. С 1920 года – в рядах Красной Армии на должностях: красноармейца, курсанта, комвзвода, комроты, комбата, комполка, комдива и командира корпуса. Участвовал в гражданской войне на Южном, Врангелевском фронтах. В период мирного строительства командовал 99-ой дивизией, занявшей первое место в РККА по боевой подготовке, ныне гвардейской. С первых дней войны, товарищ Власов – на фронте. Командовал механизированным корпусом, оборонял Киев. В дни контрнаступления под Москвой командовал армией. Под командованием генерал-майора Власова, армия совершила прорыв вражеской обороны на

реке Лама и освободила от немецких оккупантов Солнечногорск, Волоколамск, Шаховскую, Середу и другие населенные пункты Московской области. В последнее время, товарищ Власов являлся заместителем командующего фронтом. Награжден орденами Ленина и Красной Звезды, а также медалью «XX лет РККА»».

– Бывалый генерал, – произнес Смирнов, – но Клыкова, все равно, жалко. Как бойцы?

– Отсыпаются, товарищ лейтенант. Долго нам еще греться на солнышке?

– Это не ко мне, – ответил Николай. – Но, думаю, немцы не позволят!

– Вот и я так думаю.

– Боеприпасы получили?

– Получили, – саркастически улыбаясь, ответил Дружинин, – выдали по одной обойме, да по одной гранате.

– Ничего, скоро все нормализуется. Ознакомь личный состав со статьей.

Дружинин повернулся и направился к бойцам, которые, как и Смирнов, грелись на солнце. Фигура младшего лейтенанта была настолько комичной, что вызвала у Николая улыбку.

«Надо будет подсказать ему, чтобы поменял обувь, – подумал Смирнов. – А то снег уже практически сошел, а он в галошах.

– Товарищ лейтенант! Вас спешно вызывает командир

полка! – доложил ординарец подполковника.

– Зачем зовут-то? – справился у него Николай.

– Говорят, что полк направляют в «Долину смерти»!

Смирнов поднялся с дерева, еле натянув на ноги разбухшие сапоги.

28 апреля 1942 года Власов провел вечернее заседание в политотделе армии. В заключение своего выступления он предупредил присутствующих командиров, что впредь будет беседовать только индивидуально.

– Товарищ командующий, расскажите нам о встрече со Сталиным. Какой он? О чем вы с ним говорили? – обратился к нему один из комдивов. – И еще: как вы защищали Киев? У меня там остались отец и мать...

Власов улыбнулся и посмотрел на Зуева, затем начал рассказывать:

– Я хандрил и по-стариковски брюзжал, так как ничего не знал о судьбе своего корпуса. Перед падением Киева, я лично видел, как плакал Хрущев, да и сам не мог перенести горечь утраты, чувствуя, что заболел надолго. Однажды мне доложили, что утром в госпиталь позвонил Сталин и, узнав, что я сплю, не велел меня беспокоить; лишь просил передать, что хотел бы видеть меня в Москве.

Власов снова улыбнулся. Морщинки на его лице разгладились, и в глазах засветились какие-то задорные огоньки.

Он сразу помолодел лет на десять.

– На другой же день я был здоров! – продолжил Власов. – В кремле мне пришлось немного подождать. Секретарь Сталина, извинился передо мной и сообщил, что Сталин лег в семь утра и попросил разбудить его ровно в десять! Через полчаса он принял меня. Вождь был свеж, подтянут, бодр, только худоба и совершенно седые волосы свидетельствовали о том, как ему нелегко.

– Ну, докладывайте, – обратился он ко мне.

Я растерялся: докладывать было нечего. Сталин, видимо, почувствовал мое замешательство.

– Тогда я вам доложу, – произнес Иосиф Виссарионович. – А вы не стойте, присаживайтесь.

И, представьте себе, вождь подробно рассказал о положении на фронтах, о моем корпусе, о повсеместном отступлении наших войск. Меня поразила его осведомленность. Дислокация не только армий, но и дивизий была ему хорошо известна. Рассказ Сталина удручил меня. Я сидел за столом, опустив голову, а Сталин ходил по кабинету, дымил трубкой и тоже молчал. Потом посмотрел на меня и совсем по-иному, оживившись, продолжил:

– Не вешай нос, генерал. Скоро наступать будем! Да-да, наступать! Тут, под Москвой, и начнем разгром немцев, уж больно они размахнулись! Еще Наполеон говорил, что на войне бывает момент, когда врагу может не хватить духу. Надо уловить этот момент! Только вот не помогаете вы мне,

свой опыт не передаете. А, мне он сейчас так нужен, ведь я – штатский человек! Вот и приходится в бумагах рыться.

Он замолчал.

– Перед тем как приехать в вашу армию, – вдруг произнес Власов, – я совершил инспекционную поездку по другим армиям фронта. И надо сказать, что большего беспорядка, чем в вашей армии, не видел. Нет дисциплины, а ведь это – самое главное! Единственное, чем сильна немецкая армия и чем она нас бьет, это – дисциплина и организованность! Надо воевать без паники. Надо создать нормальную обстановку. Нужно учиться у Сталина спокойствию и выдержке! Чем сложнее обстановка, тем надежнее должны быть условия, способствующие спокойной работе.

Речь командарма была свободна и, похоже, рождалась экспромтом; но командиры дивизий, бригад и штаба слушали его с интересом, а сам генерал хорошо чувствовал настроенные подчиненных.

– Командир должен быть отцом каждому бойцу. Красноармейцы должны знать командира. Моему отцу под восемьдесят; но попробуйте сказать ему, что раньше в армии были муштра и мордобой! Спросите его о командире, он и сейчас готов за него жизнь отдать! Человека любить надо! – говорит мой отец и всегда приводит пример из солдатской жизни. Один солдат проворовался. За это полагались военный суд и тюрьма. Построил командир полк и обратился к солдатам:

– «Этот негодяй украл у своих же. Что будем делать? Суду

предадим или сами накажем?! – Солдаты молчат.

Командир повторил вопрос. Тогда кто-то из строя подал голос:

– Будь отцом родным!

Командир засучил рукава и со всего маху врезал провинившемуся по зубам. Два зуба вышиб, но родным отцом остался!

– Вот так-то... Любить человека надо!

Теперь уже улыбнулись командиры.

– Задача нашей армии, – снова возвратился к теме доклада Власов, – остается той же. Мы должны помочь Ленинграду! Однако, сейчас необходимо сосредоточиться на некоторых частностях. Будет ли пополнение? Будет! Дел хватит всем! Страна готовится к новым боям, она готовит могучие резервы. Немцы готовятся к наступлению, но скоро перейдем к наступлению и мы. Их силам, как бы ни были они велики, мы противопоставим собственные силы.

Речь свою Власов закончил весьма картинно:

– Я начну с восстановления дисциплины и порядка. Никто не уйдет из моей армии просто потому, что ему так захотелось. Люди из моей армии будут уходить либо с орденами на повышение, либо на гибель!

Полюбовавшись произведенным эффектом, он добавил:

– Относительно последнего, я, конечно, пошутил. Сам не люблю эту меру; но буду безжалостно пресекать любое проявление недисциплинированности!

В комнате повисла напряженная тишина. Власов резко развернулся и вышел из кабинета.

Кирилл Афанасьевич растревожился не на шутку. Вечером ему позвонили из Ставки и приказали прибыть в Москву. Он, было, попытался узнать, чем это вызвано, но ему не ответили.

Мерецков направлялся в Кремль в подавленном состоянии. То, что произошло накануне, не поддавалось разумному толкованию. Генерал полагал, что за девять месяцев войны, два из которых он провел в тюрьме, можно было бы привыкнуть к непредсказуемости сталинских поступков. Мерецков хорошо понимал, что ему не удалось выполнить последний приказ вождя – взяв Любань, соединиться с армией Федюнинского, прорвав тем самым блокаду Ленинграда. Но этому мешало множество веских причин, в том числе, отсутствие резервов, боеприпасов и продовольствия. Поэтому генерал считал наиболее логичным смещение его с поста командующего фронтом и был готов к такому повороту событий. Однако то, что произошло 23 апреля 1942 года, было за пределами здравого смысла.

За неделю до этого, Мерецков отправил генерала Клыкова в госпиталь, заверив того, что сделает все от него зависящее, чтобы облегчить положение окруженной немцами армии. 2-ую ударную принял опытный генерал Власов. Мерецков не

сомневался, что, вкупе с таким комиссаром, как Зуев, дело Власов поправит. Конечно, без новых резервов, с измученными голодом людьми многого не добьешься, но выправить положение было вполне возможно.

«Что же происходит? – горестно подумал Мерецков, сидя в «Дугласе». – Как могла Ставка пойти на подобное безумие?! Почему судьба ставит мне подножку в решающий момент? Может быть, это расплата за предыдущее везение? Ничего себе везение, одиночная камера и ночные допросы. Ладно, забудь об этом, ты просто не имеешь права все это помнить, по крайней мере, сейчас, когда идет война. Ведь это твои войска взяли Тихвин, Лодейное Поле и ты проверил на опыте свой новый маневр бить немца по трем сходящимся в одной точке направлениям. И, самое главное, получилось! А, что сейчас?»

Кирилл Афанасьевич вспомнил вчерашнее утро, когда ему доложили о прибытии командующего Ленинградским фронтом генерал-лейтенанта Хозина. Это было так неожиданно, что Мерецков сразу понял, что нужно ждать чего-то непредвиденного.

«Чего это он без предупреждения? – мелькнуло в голове Мерецкова. – Наверное, приехал для координации общего наступления на Любань. Буду просить, чтобы передал 54-ую армию Федюнинского нашему фронту».

Генерала Хозина Мерецков знал достаточно хорошо, но в приятельских отношениях они не были. Когда, после извест-

ных перемен в руководстве РККА, как грибы после дождя, стали появляться новые люди, Хозин ни в чем особенном не преуспел и, по слухам, считал себя обойденным вниманием руководства страны.

Звездный час Хозина пришел в сентябре 1941 года, когда генерал армии Жуков отправился в Ленинград с запиской Сталина, в которой тот приказал Ворошилову сдать Жукову управление фронтом. Тогда Жуков прихватил с собой Федюнинского и Хозина. И когда позднее Сталин в аварийном порядке затребовал Жукова обратно, спасти Москву, тот оставил, вместо себя, Ивана Ивановича Федюнинского, которого тянул за собой наверх еще с Халхин-Гола. Хозин тогда занял должность командующего 54-ой армией вместо Кулика, которого Сталин разжаловал из маршала в генерал-майоры за сдачу немцам Шлиссельбурга.

20 октября 1941 года немцы, опередив наступление Ленинградского фронта, рванули к Тихвину; генерал Федюнинский испугался ответственности и обратился в Ставку с просьбой поменяться местами с Хозиным, этот рапорт был удовлетворен Сталиным.

Теперь Хозин неожиданно возник в кабинете Мерецкова. Его хромовые сапоги были в идеальном порядке, несмотря на то, что на дворе стояла весна.

«Чего он сияет?» – недоуменно подумал Мерецков, и внутри у него что-то екнуло.

Хозин по-хозяйски прошелся по кабинету. От всей его

фигуры исходило чувство превосходства.

– Здравствуйте, Михаил Семенович, – радушно приветствовал его Мерецков. – Какими судьбами?

– Вот! – с торжествующей улыбкой произнес гость, забыв ответить на приветствие.

Он достал из кармана кителя и протянул Мерецкову листок бумаги.

Кирилл Афанасьевич долго вертел лист в руках, не решаясь развернуть.

«Неужели арест? – с ужасом подумал он. – Нет, здесь что-то другое...»

Он читал и не верил глазам. Согласно директиве Ставки от 21 апреля 1942 года, Волховский фронт ликвидировался, а его четыре армии передавались в подчинение генералу Хозину. Образовывался единый Ленинградский фронт на двух направлениях, в состав которого входило девять армий и две армейские группировки, находящиеся на шести изолированных территориях.

«Как же он один с этим управится?», – подумал Мерецков и посмотрел на Хозина, на лице которого блуждала ехидная улыбка.

Хозин вспомнил, как жалко выглядел Ворошилов, когда прибывший в Смольный Жуков прямо на заседании Военного совета вручил маршалу сталинскую записку. Ему сей-

час захотелось повторить ситуацию, проиграть ее сызнова, но теперь уже с собой в главной роли: ведь тогда, в сентябре, он был лишь статистом. Но, Мерецков, только улыбнулся Хозину и не спросил, как тогда Ворошилов Жукова: «Как же так?!»

– По этой директиве мне и Балтийский флот подчинен! – снова некстати улыбнулся Хозин, стараясь подчеркнуть перед Мерецковым свою значимость.

– С чем и поздравляю! – по-стариковски буркнул Мерецков. – У нас на Волховском фронте кораблей не держали. Подождите секунду, сейчас я вызову начальника штаба и члена Военного совета, надо ознакомить товарищей с приказом! Но пока имею к вам личную просьбу. 2-ая ударная армия в трудном положении. Необходимо срочно ее усилить. Фронт сформировал для этой цели стрелковый корпус. Прошу вас, сохраните его! Надеюсь, вам повезет больше, чем мне...

– Мы подумаем над вашим предложением, – усмехнулся Хозин. – Боюсь, что этот стрелковый корпус придется отдать товарищу Сталину, необходим сейчас каждый боец! Вчера я был в Ставке, затеваются серьезные дела на юге! Здесь обойдемся собственными силами, если умело их использовать...

Эти слова были явно адресованы лично Мерецкову.

– Не обойдетесь, нет! – вскинулся генерал и с силой грохнул кулаком по столу. – Пройдет время, и вы поймете, что совершили большую ошибку, передав этот корпус Сталину!

Позднее Мерецков корил себя за то, что не сдержался в

ТОТ МОМЕНТ.

Выходя из кабинета, Кирилл Афанасьевич едва не столкнулся в дверях с членом Военного совета Запорожцем.

– Иди, знакомься с новым командующим фронтом, – сказал генерал и направился звонить в Ставку.

Когда его соединили с начальником Генерального штаба, он дрогнувшим голосом спросил Василевского:

– Что произошло, Александр Михайлович? С чем связано такое странное решение?!

– А ты, что читать разучился?! Генерал армии Мерецков назначен заместителем Жукова по Западному направлению!

– Но фронт-то, зачем развалили? Какой в этом смысл, объясните?!

Василевский промолчал.

– Что будет со 2-ой ударной армией? Она в критическом положении! Прошу не трогать шестой стрелковый корпус! Говорил Хозину, но он другого мнения по этому вопросу.

– За армию не беспокойся, тут есть, кому о ней подумать! Ставка знает, что делает.

– Прошу доложить мое личное мнение товарищу Сталину! – перешел на официальный тон Мерецков. – Срочно вылетаю для доклада.

– Вылетай. Жду к обеду. Ставлю твой вопрос на доклад Верховному...

Василевский срочно готовил для Сталина доклад об обстановке на юге, поэтому не сразу обратил внимание на Мерецкова.

– Здравствуй, Кирилл Афанасьевич. Дорога не утомила?

– Все хорошо, – ответил Мерецков и подошел к развернутой карте.

Василевский взглянул на него и ткнул карандашом в карту.

– Там идет перегруппировка наших войск, – сказал он. – Ждем серьезных событий. Твое время на восемнадцать ноль-ноль.

– Ты только ответь, Александр Михайлович, как возникла эта глупость?!

– Осторожней, Кирилл Афанасьевич, с подобной терминологией. Здесь даже у стен есть уши. Я думал, что жизнь чему-то научила тебя, а ты все такой же горячий. Ты же военный человек и хорошо знаешь, что директива Ставки есть высший закон военного времени!

Мерецков криво усмехнулся:

– Тогда объясни, как появился этот умный закон? Ведь кто-то предложил подобное решение?

– Хозин был у Сталина и напомнил об обещании передать ему 2-ую ударную армию, тогда он сумел бы прорвать блокаду Ленинграда! Товарищу Сталину понравилась эта идея! А почему бы и нет? Человек, в отличие от тебя, обещает снять блокаду и, главное, не требует никаких резервов, тогда как

ты постоянно пытался выбить их у Ставки...

– Товарищ начальник Генерального штаба, но, это же самая настоящая авантюра! – вскричал ошеломленный Мерецков. – Неужели вы сами этого не понимаете?!

В кабинете стало тихо. Василевский в сердцах отшвырнул карандаш и посмотрел на Мерецкова:

– Не забывайся, Кирилл Афанасьевич! Надеюсь, ты не повторишь этих слов у Верховного; иначе я просто не пущу тебя к нему. У тебя и без того тонкая шея!

– Не повторяю, – угрюмо пообещал Мерецков, направляясь к Сталину...

– Как дела, генерал? – поинтересовался вождь.

Кирилл Афанасьевич доложил, что, согласно директиве Ставки, передал фронт генерал-лейтенанту Хозину и готов приступить к исполнению новых обязанностей.

– Беспокоит меня судьба 2-ой ударной армии, – добавил Мерецков. – Армия совершенно выдохлась. При нынешних ее возможностях, Власов не может ни наступать, ни эффективно обороняться. Коммуникации армии находятся под постоянным обстрелом немецкой артиллерии и авиации. Немецкие летчики гоняются за каждой машиной, за каждым бойцом. Вы представляете, товарищ Сталин, там всего один узкий коридор, который то, открывается, то снова закрывается. Противник неоднократно перерезал его, последний раз это произошло неделю назад. Если ничего не предпринять, разразится катастрофа, товарищ Сталин!

«Все-таки, употребил это нехорошее для вождя слово! – укоризненно подумал Василевский, едва заметно покачав головой. – Неисправимый лирик! Всегда у него особая точка зрения. Опасно живешь, Кирилл Афанасьевич!»

– Там теперь у вас 2-ой ударной Власов командует? – уточнил у него Маленков.

– Уже не у меня, товарищ Маленков, у генерал-лейтенанта Хозина.

– Тогда положение, не такое уж безрадостное, – обрадовался Маленков и посмотрел на Сталина. – Думаю, Власов сумеет наладить дело.

– Делу помогут только свежие силы и соответствующие резервы, – не согласился Мерецков. – Как бывший командующий фронтом, знающий обстановку на месте, прошу не брать оттуда шестой стрелковый корпус. Нужно укрепить им вторую ударную. Если по каким-либо причинам сделать этого нельзя, армию Власова необходимо незамедлительно отвести из этих болот на укрепленный нами плацдарм по линии шоссе Новгород – Чудово. Прошу поверить в мою искренность и военный опыт!

С тех пор, как Мерецков принялся докладывать, Сталин не произнес ни слова. Теперь он поднялся и начал ходить по залу. Все молча, ждали реакции вождя.

– Товарищ Мерецков напрасно нервничает, – тихо произнес Сталин. – Никто из нас не сомневается ни в его искренности, ни в боевом опыте, которым товарищ Мерецков,

бесспорно, обладает. Но он напрасно думает, что только ему близки интересы 2-ой ударной армии. Мы считаем, что здесь находятся люди, которым дороги интересы каждого фронта, каждой армии!

В зале повисла напряженная тишина...

– Есть предложение принять к сведению сообщение товарища Мерецкого и отпустить его к новому месту службы...

Михаил Семенович Хозин нервно ходил по кабинету, то и дело, бросая взгляд на карту, висевшую на стене. Сейчас он отчетливо понимал ситуацию, заложником которой стал по доброй воле. Ему хотелось прославиться, но до настоящей славы было не ближе, чем от земли до солнца! Где-то за окном, не переставая, ухала немецкая артиллерия. Нужно было что-то предпринимать; но что, он не знал...

Хозин остановился и отрешенно посмотрел в окно. Тяжелые мысли не давали ему покоя. Теперь оставалось только гадать, что ждет его в ближайшем будущем за столь легкомысленное обещание Сталину без дополнительных резервов снять блокаду Ленинграда. 2-ая ударная армия Власова, по-прежнему пытавшаяся взять Любань, была ударной лишь по названию! Весна все сильнее заявляла о себе. Снежные дороги окончательно разрушились; колонные пути, проложенные через болота и лесные массивы, стали непроходимыми. Все это срывало снабжение войск и исключало любой маневр

внутри «мешка»...

«Разве может армия, лишенная возможности передвигаться, оставаться боеспособной? – уже в который раз прикидывал Хозин. – Конечно, нет. А разве, ты сам этого не знал? Что теперь ты скажешь Сталину?! Глупо, все глупо! Хотел щелкнуть Мерецкова по носу; теперь жди, когда тебя самого щелкнут!»

После отъезда Мерецкова в Москву он сразу же приказал командующему 59-ой армией перейти к временной обороне.

«Необходимо расширить горловину и тем самым попытаться обезопасить армию Власова от полного окружения! – размышлял Хозин. – Почему рушатся все мои планы? Немцы, по-прежнему, накапливают резервы и усиливают свои позиции, сосредоточивая их по флангам. Только дурак не поймет, для чего это делается...»

Он снова посмотрел в окно.

«Ясно одно, требовать от 2-ой ударной армии вести наступление не только бессмысленно, но и опасно!»

Хозин поднял трубку и вызвал к себе начальника штаба.

– Отдайте приказ Власову – с тридцатого апреля перейти к обороне!

– Товарищ командующий, только что получено сообщение о том, что немцы атакуют наши войска, обороняющие станцию Еглино...

Лицо Хозина побледнело. Потеря станции могла негативно отразиться на положении армии, ведь именно через нее

шло снабжение фронта.

Силы были неравными. Станцию обороняли тридцать красноармейцев, против которых немцы бросили батальон пехоты усиленный танками. Смирнов с остатками своей роты прибыл на станцию для получения боеприпасов. Два их грузовика были разбиты первыми же выстрелами танковых пушек. Огонь немецких пулеметов не давал возможности поднять голову. Николай с трудом перекатился к стене, в которую тут же ударили пули. За ворот его гимнастерки посыпалась штукатурка, немецкая пехота уже бежала навстречу, поливая из автоматов все, что было способно двигаться. Смирнов вскинул автомат и дал очередь по гитлеровцам. Несколько человек упали, а остальные залегли и открыли шквальный огонь по зданию.

– Товарищ лейтенант, отходим! – выкрикнул связист.

Он хотел что-то добавить, но пуля немецкого автоматчика сразила его наповал. Николай, окинул взглядом станцию. Она горела, ярко пылали вагоны, чадили машины, густой черный дым плыл над самой землей.

– Приготовить гранаты! К бою! – скомандовал он и ринулся вперед.

Им повезло. Шестеро, в том числе Николай, вырвались из окружения.

Корнилова Нина подошла к начальнику госпиталя.

– Что случилось? – спросил он, глядя на ее округлившийся живот.

– Товарищ подполковник, разрешите сходить в деревню, – попросила она. – Может быть, что-нибудь съестное раздобуду, а то на раненых смотреть страшно – оголодали все, да и санитары кое-как двигаются.

– Брось выдумывать, Нина! Ты на себя посмотри, на кого похожа стала, кроме глаз да живота ничего не осталось!

– Ничего, товарищ военврач! Нам, женщинам, голодуху легче переносить, чем мужикам. Я больше на огороды надеюсь, может, что и взошло с весной.

– Здесь же новгородчина – почти что север. Что тут может вырасти в мае?

– Я на щавель надеюсь, он раньше других прорастает. Если повезет, заячьей капустой разживусь.

– Тогда иди, – разрешил начальник госпиталя, – может, и впрямь повезет.

Деревня, куда направлялась Корнилова, была неподалеку. Раньше Нина добралась бы до нее за полчаса. Сейчас же она шла медленно, ощущая слабость в ногах, усиливающуюся с каждым шагом.

Поселение было маленькое, всего одна улица вдоль дороги. Кругом виднелись заполненные грязной водой воронки, в которых плавали разбухшие трупы людей и животных. По

трупам ползали, переливаясь на солнце зелеными изумрудами, сотни толстых мух. На местах, где суше темнели братские могилы.

На небольшой полянке стелилась зеленым ковром заячья капуста. Мелкие трилистники густо заплотили землю между могилами. У Нины мелькнула, было, мысль поскорее набить ею вещмешок, но она побоялась осквернить еще свежие могилы.

Обойдя полянку стороной, она вышла к огородам. Грядки были пусты; лишь на одной виднелись бледные листки щавеля. Ощипав побеги, Нина спустилась к реке, где нарвала рюкзак одуванчиков. Затем, пошатываясь от слабости, медленно побрела в сторону госпиталя.

Генерал Афанасьев брел по темному бору. Он то и дело останавливался, с опаской оглядываясь по сторонам, словно был чем-то встревожен. В темноте он споткнулся и упал бы в яму, если бы не молоденькая березка, за которую он успел ухватиться рукой. Впереди показалась землянка, возле которой стоял часовой. Заметив генерала, красноармеец вытянулся в струнку и отдал честь.

– На месте? – коротко спросил бойца Афанасьев. – Один?
– Так точно, товарищ генерал-майор.

Вид у Афанасьева был явно подавленный. Напряжение последних дней отразилось на его внешности – лицо стало

серым, под глазами набрякли мешки. Ему почти не удавалось поспать в эти последние дни. Он был старым кадровым военным: сначала служил начальником связи в дивизии Чапаева, затем был начальником военного училища и вот сейчас – командовал связью в армии Власова. Он как-то неуверенно спустился в землянку начальника Особого отдела армии Шашкова.

– Что с тобой, Алексей Васильевич? – забеспокоился тот. – Вроде, как с повинной ко мне явился?!

– Не шутите так, Александр Георгиевич. Не люблю подобных шуток, тем более, в такое неподходящее время! – буркнул Афанасьев.

– Тогда выкладывай. Знаешь ведь, повинную голову меч не сечет!

– Это верно, – согласился начальник связи. – Но я надеюсь, что разговор этот останется между нами! Пришел вот посоветоваться с тобой, оказался я в пиковом положении.

Афанасьев достал папиросу и закурил.

– Короче, служил я с нашим командармом Власовым в одной дивизии. Был тогда Андрей Андреевич комполка – это еще до тридцать седьмого года. Ну, ты понимаешь, к чему я все это говорю!

Шашков лихорадочно соображал, с чем к нему пришел этот человек с двумя звездами в петлицах, почему он старался скрыть приход от сослуживцев. Афанасьев, почувствовав неладное, заерзал на стуле, словно сидел на горячей сковороде.

родке.

– Вся закавыка в том, – продолжил начальник связи, – что я тогда был в составе тройки, которая занималась чисткой армейских партийцев. А Власов, стало быть, того – подлежал нашему рассмотрению.

В землянке стало тихо; только в углу отчетливо звенела капель.

– И как вы порешили? – осторожно поинтересовался Шашков.

Афанасьев снова заерзал на стуле:

– Оставили его тогда в партии, несмотря на происхождение.

Теперь пришлось поежиться Шашкову:

– А что у него с этим вопросом?! Заметку в газете «Отвага» читал? Там четко указано, что он из семьи крестьянина-кустаря! Разве, не так?!

Афанасьев откашлялся:

– По нашим данным тогда выходило, что кулак у него отец-то. Корову имел и в колхоз сдавать не хотел, противился очень.

– А как объяснял все это Андрей Андреевич?

– Говорил, что, когда приезжал с женой в отпуск, купил на ярмарке отцу в подарок корову. Это еще до коллективизации было. Вот ее-то и не хотел отдавать отец!

– Мало! Может, он работников держал, эксплуатировал их, наживался?

– Нет, работников не было. Но раскулачили отца, хотя высылке он не подлежал. Потому и числился наш Андрей Андреевич, как сын кулака!

Разговор начал принимать неприятный характер и понемногу раздражать Шашкова. Он смотрел на Афанасьева, стараясь понять, зачем тот пришел.

– Имелось еще кое-что, – понизив голос до шепота, продолжал говорить генерал. – До революции старший Власов был церковным старостой.

«Значит, уважали его люди, – невольно подумал чекист, – если выбрали на такую должность».

– Родной брат его Иван, еще в гражданскую войну, был приговорен к высшей мере. А сам Андрей Андреевич закончил духовную семинарию.

– Сталин тоже учился в духовной семинарии! – усмехнулся Шашков.

– Да-да, – испуганно закивал Афанасьев, сообразив, что ляпнул лишнее. – Это, конечно, не факт, я понимаю. Но, то ж Сталин, а это – Власов!

– Так о чем ты печешься, Алексей Васильевич? Вычистили вы его тогда из партии или нет?

Генерал вытер вспотевший лоб, уже жалея, что пришел к Шашкову.

– Оставили, – уныло произнес он. – Двое были за то, чтобы оставить; а третий – голосовал против них! Соображаешь?!

– Да, – протянул Шашков. – А командующий об этом знает?

Начальник связи кивнул.

– Что же мне теперь делать? – с тоской спросил он чекиста.

Шашков пожал плечами.

– Я к тебе, как партиец к партийцу, пришел, – не унимался Афанасьев. – Посоветуй. Может, объясниться с Власовым?

– Он тебе хоть чем-то давал понять, что все помнит? Или намекал на это?

– Нет, будто и не было ничего! Вот это меня и пугает.

– Ну, и ты сделай вид, что ничего не помнишь. Служи и ни о чем не думай! Мало ли что было. Воевать надо, а не прошлые ошибки вспоминать! Бывай, Алексей Васильевич, будь спокоен. Считаю, сигнал я от тебя получил.

Сталин стоял у окна и с интересом наблюдал за голубями. Ласковое весеннее солнце полностью растопило снег. Он любил это время года и всегда радовался его приходу; но сейчас эта радость была омрачена. Несколько дней назад Василевский доложил, что состояние 2-ой ударной армии практически безнадежно и необходимо, как можно быстрее, отвести ее на отвоеванный еще зимой волховский плацдарм.

В ответ на это, Сталин, молча, посмотрел на начальника Генерального штаба и, размяв папиросу, набил табаком

трубку. Он будто не слышал его слов, так как уже давно потерял интерес к Любаньской операции. Вождь прошелся вдоль стола и снова взглянул на Василевского, который не отрывал от него глаз.

– Отводите, я согласен, – равнодушно произнес он. – А что по этому поводу думает Хозин? Он же обещал мне прорвать блокаду, используя лишь свои возможности?!

В кабинете повисла тягучая тишина. Василевский не знал, что ответить вождю на его непростой вопрос.

Вождь быстро подписал директиву, которую положил на стол начальник Генерального штаба, чем формально развязав руки Хозину. Это выглядело немного странным, так именно сегодня, 29-го апреля, Сталин уже знал, что битва за Крым проиграна окончательно и бесповоротно.

Но угрызения совести не мучили вождя. Он уже сделал для себя главный вывод: во всем виноват Мехлис. Это он не оказал должного давления на командующего фронтом Козлова! Да-да, именно Мехлис, действующий от его имени, наделал много грубых ошибок! Зачем он, изображая спасителя страны, отменял приказы Козлова, ведь в его задачу входил лишь контроль, не более. За подобное самовольство Мехлис будет жестоко наказан! Он, кстати, уже послал утреннюю депешу, в которой требует для себя немедленного расстрела.

Вождь медленно выбил из трубки пепел и усмехнулся.

«Даже здесь этот Мехлис берет на себя слишком много! – подумал он. – Только я решаю, кто достоин расстрела, а кто

нет, но, все равно, забавно...».

Когда Василевский покинул кабинет, Сталин снял трубку:
– Мехлис здесь? Пусть зайдет.

Немецкий истребитель вывалился из серого облака и короткой очередью срезал ползущий над лесом «кукурузник». Убитый летчик уткнулся головой в приборный щиток. Падающий самолетик несколько раз дернулся в воздухе и рухнул в болото, даже не загоревшись.

«Вот и сухари пропали, – невольно подумал Николай. – Да, бог с ними – летчика жалко! Почему его никто не прикрывал?»

Минуты через три раздался приглушенный зуммер телефона. Николай снял трубку и услышал знакомый голос комбата:

– Как дела, Смирнов? Держитесь?

– Держимся, товарищ подполковник! Патронов бы нам да еды чуть-чуть.

– Хорошо бы... Мы тоже уже всю траву сожрали; скоро ржать будем, как лошади! Наши пытаются гатить болото, чтоб протянуть узкоколейку, не знаю, получится ли. Кругом топь да и немцы постоянно обстреливают из минометов! Ты майора Прохоренко помнишь? Так его на куски разорвало миной, хоронить было нечего...

Поговорив еще с минуту, Смирнов положил трубку. В

этот момент где-то вдалеке раздались автоматные и винтовочные выстрелы; затем прогремели взрывы, и стало тихо.

– Приготовиться к бою! – приказал Николай красноармейцам. – Где-то рядом – немцы!

Сплошной линии обороны в этих местах не было. И немцы и русские, завладев небольшими участками суши, сидели на них, стараясь не атаковать, друг друга. Да и о каких атаках могла идти речь, у русских катастрофически не хватало боеприпасов, а немцы не хотели напрасно терять солдат в этих гиблых болотах.

Генерал Хозин не спал. Он, молча, сидел за столом и размышлял над сложившейся ситуацией: очередная операция по спасению 2-ой ударной армии с треском провалилась.

«Теперь придется, на время, забыть о наступлении, – подумал Хозин. – Власов не взял Любань и не пробился к Ленинграду, как я обещал Сталину. Немцы – не дураки, они умеют хорошо воевать. За это меня могут лишить фронта, но расстреливать, наверняка, не станут!»

Где-то совсем рядом заухали зенитки, к которым вскоре присоединились минометы. Весеннее небо озарилось вспышками разрываемых снарядов.

«Но ведь я, фактически, обманул Сталина! – вдруг с ужасом сообразил Хозин. – А товарища Сталина нельзя обманывать! Может, быть, прямо сейчас позвонить и покаяться

– мол, ввел в заблуждение, переоценил себя?!»

Хозин невольно посмотрел на часы. Шел второй час ночи.

«Нет, не сейчас. Я и так стою на табурете с петлей на шее!

Ночной звонок Сталину... Глупо!»

Хозин снял трубку и попросил связиста связаться с генералом Власовым.

– Андрей Андреевич, почему вы так долго тянете с дорогой? – довольно резким тоном спросил он. – Когда закончите работы?

– Нам приходится делать дорогу из сплошного настила бревен, – ответил Власов. – Ведут строительство два дорожных батальона неполного состава. Не справляемся...

– Почему вы надеетесь только на эти батальоны? – возвысил голос Хозин. – У вас много тыловых подразделений! Я приказываю немедленно мобилизовать их! Дорога должна быть готова к 20-му мая! Это приказ!

– У меня уже нет резервов, все они брошены на дорогу. Немцы давят со всех сторон. Люди умирают от голода. Вы, обещали помощь, но ее нет!

– Резервы изыскивайте сами, на то вы и командарм, а не комроты!

Хозин раздраженно швырнул трубку на рычаг телефона. Ему почему-то казалось, что положение 2-ой ударной армии не столь безнадежно, как сообщал Власов. За все время своего командования фронтом, он так и не побывал в ней. И вот сейчас, думая об окруженной немцами армии, Хозин совер-

шенно забыл, что на ее шее висело огромное количество раненых, которые, больше месяца, ждали эвакуации на «большую землю» и надеялись именно на него и не на кого более. Но, он не хотел вспоминать о тысячах раненных и умирающих бойцов. В эти непростые минуты он думал только о том, как избежать гнева вождя!

Хозин снова снял трубку, попросил Василевского и, вкратце, пересказал ему доклад Власова.

– Отсутствие дорог – вот, что держит нас на месте! – подчеркнул он. – Без путей отвода, мы не сможем благополучно вывести армию, то есть, выполнить директиву Ставки. Как только будет готова дорога, я мигом проведу операцию!

– Какими силами и средствами вы собираетесь это сделать? – спросил Василевский.

– Сначала мы выведем материальную часть и тылы армии Коровникова, а затем – тылы 2-ой ударной. После чего развернем оставшуюся артиллерию и начнем отвод основных сил армии Власова.

– План толковый; только вот позволят ли немцы тянуть это дело дальше? Сталин требует немедленного решения, а вам потребуется чуть ли не месяц!

Василевский положил трубку. Хозин встал и подошел к окну. За окном стояли белые ночи, которые на сто процентов использовала немецкая авиация. Немцы бомбили тылы 2-ой ударной армии днем и ночью, не позволяя им проложить узкоколейку.

«Что будет, если 2-ая ударная не сможет выйти из окружения?!» – подумал Хозин, и страх пробежал у него между лопаток, оставив после себя неприятный холодок.

Рано утром, когда еще не рассеялся густой белесый туман, словно одеяло, накрывший низину, немцы открыли ураганный огонь по позициям полка. Каждый взрыв старательно вышвыривал из окопов разорванную человеческую плоть. Казалось, что в пляске огня и металла не мог выжить никто, но это было не так: пехота умирала, но не сдавалась! Через полчаса обстрел прекратился. Вскоре на равнине, поблескивая металлическими касками, показались цепи немецких grenадеров. Гитлеровцы шли, молча, надеясь на психологический эффект, который должна была произвести на русских их атака.

Смирнов приложил к глазам бинокль. Едва лишь одна цепь автоматчиков исчезала в тумане, как на ее месте появлялась новая волна солдат вермахта.

– Беги за патронами! – крикнул Николай бойцу. – Боюсь, не хватит!

Красноармеец выскочил из траншеи и бросился в небольшой лесок, а Николай устроился удобнее и, прикинув ориентиры, стал ждать, когда немцы дойдут до поваленного дерева.

– Рота, огонь! – крикнул Смирнов и нажал на курок пу-

лемета.

Первая цепь немецких автоматчиков была моментально скошена; а те, кто остался жив, стали пятиться назад и отстреливаться. Но, тут из тумана появилась новая волна немецкой пехоты. На сей раз, немцы стреляли во все, что могло угрожать их жизни.

Сухой щелчок болью ударил по нервам Смирнова: у него закончились патроны. Он выдернул чеку и срезал пятерых немцев, которые оказались на расстоянии броска гранаты.

– Рота, в атаку! – закричал Николай и выскочил из траншеи.

Пуля немецкого автоматчика вырвала клоч ваты из его телогрейки, но он бежал навстречу немцам, не обращая внимания на свист пуль. На бегу, он подобрал немецкую винтовку. Из тумана показался гитлеровец, Смирнов с силой всадил ему в грудь штык и услышал хруст разрезаемых ребер. Немец, ухватившись за ствол винтовки, повалился на землю...

Стало опять тихо. Из-за леса поднималось солнце. Немцев впереди уже не было. Николай, повернулся и, пригибаясь к земле, направился в обратную сторону. Спрыгнув в траншею, он двинулся туда, где находились основные силы роты. Иногда он натывался на трупы красноармейцев, лежащие, как попало: кто вверх лицом, а кто, уткнувшись лицом в землю.

«Неужели, никого не осталось в живых?!» – подумал он

со страхом.

Смирнов воевал не первый день, но, до сих пор, не мог привыкнуть к смерти. Вот и сейчас, у него просто не укладывалось в сознании, что, еще совсем недавно, эти люди разговаривали, шутили, читали письма, а теперь он перешагивает через их бездыханные тела...

Наконец, он увидел своих бойцов; они сидели и о чем-то разговаривали.

– А мы думали, что вы погибли, товарищ лейтенант, – радостно произнес один из них. – Вот, покурите...

Он протянул Николаю газетный лист и кисет с табаком.

– Откуда у тебя такое богатство? – удивился Смирнов.

Вдруг в небе что-то завывало. Траншея наполнилась огнем и дымом. Судя по взрывам, по ним била «Катюша»...

– Почему они бьют по нам? – закричал один из бойцов.

«Потому, что они посчитали нас всех погибшими и уверены, что бьют по занятой немцами траншее!» – хотел ответить Смирнов, но взрыв снаряда поднял его тело, как пушинку, и выбросил из траншеи.

Комбат шел впереди колонны красноармейцев. Их было около пятидесяти человек. Среди них были связисты, санитары, обозники, все, кто мог держать в руках оружие.

Смерть давно охотилась за комбатом Капустиным. Она гналась за ним, начиная с финской войны; и вот сейчас при-

строилась за спиной, неслышно дыша ему в затылок. Колонна, не сбавляя темпа, продолжала двигаться по лесной дороге. Когда до позиций роты Смирнова оставалось около пятисот метров, по колонне, с флангов, ударили пулеметы разведывательной группы немцев, организовавших засаду. Это был последний бой батальона Капустина.

Необстрелянные бойцы батальона, сплошь бывшие тыловики и обозники, валились на землю. Но, немцы не стали вступать в открытый бой с группкой русских и, словно тени, растворились в лесу.

– Старшина, подсчитать потери, – приказал Капустин. – Шевелитесь, если не хотите, чтобы немцы вновь накрыли вас пулеметным огнем!

Заметив идущего навстречу Смирнова, он подозвал его взмахом руки.

– Ты почему один? Где рота?

Николай, молча, указал на лес.

– Я что-то не понял тебя, Смирнов. Где рота?

– Вся там. То, что не смогли сделать гитлеровцы, доделали наши. Они просто накрыли наши позиции огнем «Катюш»!

– Не может этого быть! – удивленно произнес капитан и отвернулся от красноармейцев, с жалостью глядевших на Николая.

– Соберите трупы, – приказал капитан старшине, – и сложите их в одном месте.

Бойцы не успели выполнить команду, так как по ним уда-

рили немецкие минометы. Разрывы снарядов и мин оглушали измотанных красноармейцев. Война яростно смешивала краски, бросая в болото черные комья земли и алую кровь солдат. Одна из мин сбила с ног Капустина, швырнув в него горсть железа. Комбат закрипел зубами от боли. Задыхаясь и захлебываясь кровью, он попытался встать, но взрыв новой мины засыпал его землей.

«Неужели, это конец?!» – успел подумать Капустин и впал в забытье.

Через полчаса обстрел прекратился. Обессиленного, обескровленного, засыпанного землей комбата отыскивали оставшиеся в живых бойцы.

Они осторожно переложили капитана на плащ-палатку; но даже эти бережные движения причиняли ему нестерпимую боль. Очнулся Капустин в чудом уцелевшей избе, на полу, застеленном колкой соломой. Его бинты уже не впитывали кровь, и она сочилась на солому.

– Кого принесли? – глухо донесся до Капустина мужской голос.

– Комбата.

– Можете уносить обратно – не жилец!

Капитан снова потерял сознание. Через час он скончался от обильного кровотечения. Полученные им ранения были не совместимы с жизнью.

Сталин выбил из трубки табак, затем вызвал Поскребышева.

– Принесите-ка мне крепкого чая, – попросил он.

Когда Поскребышев принес чай, вождь поинтересовался:

– Что у нас с утра?

– В приемной ожидает Василевский.

– Пригласишь его через пятнадцать минут.

Впервые за последние дни, Сталин не хотел видеть человека, который, как черный ворон, приносил все новые известия о неудачах на фронтах. Отхлебнув горячего чая, он почему-то вспомнил о комиссаре Мехлисе.

«Просрал Крым, сволочь! – со злостью подумал вождь. – Тоже мне, полководец выискался! Это тебе не генералов расстреливать да лозунги орать, здесь головой работать нужно!»

Сталин хотел расстрелять Льва Мехлиса, но потом передумал:

«Если всех расстреливать, то с кем тогда я буду бить фашистов? И так все хотят свалить неудачи на товарища Сталина...»

Он ограничился тем, что приказал снять с Мехлиса два ромба и понизить в должности. Для самолюбивого Льва Захаровича этого хватило сполна. Он был человеком бесконечно преданным Верховному и мог еще оказывать пользу их общему делу. Вместо Мехлиса, Главное политическое управление Красной Армии возглавил другой преданный Сталину человек – Щербаков. Правда, он любил выпить, но

кто не без греха.

Вчера вечером Василевский доложил Сталину, что противник наглухо отрезал 2-ую ударную и отдельные части еще двух армий от основных сил фронта, и что все попытки прорвать немецкую оборону не дали результата.

– А что же Хозин? – спросил Василевского Сталин, и его глаза загорелись недобрым огнем. – Как же его обещания?

– Генерал-лейтенант Хозин готовит одновременные проникающие удары с запада и востока с целью выправить положение и восстановить коридор.

– Генерала Власова надо выручать! – наставительно произнес вождь. – Мы не можем рисковать такими полководцами и бросать их, без помощи, в трудную минуту. Надеюсь, вы меня правильно поняли, товарищ Василевский?!

– Я вас понял, товарищ Сталин.

– А что у нас с генералом Ефремовым? Вы узнали, почему фашисты похоронили его на центральной площади Вязьмы с оркестром и почестями?

Вопрос прозвучал столь неожиданно, что Василевский замялся, и это не понравилось Сталину.

– По слухам, из уважения к мужеству противника..., – не совсем уверенно пробормотал Василевский.

Глаза вождя снова запылали зловещим огнем.

– Какого уважения к противнику?! Что за толстовские проповеди?! Вы забыли, что являетесь военным человеком, товарищ Василевский! Врага нужно не уважать, а уничто-

жать!! И если оккупанты хоронят коммуниста Ефремова с отданием воинских почестей, то, значит, в чем-то считают его своим! Иначе быть не может! Ладно, с этим вопросом разберется товарищ Берия, он сделает это профессионально не то, что вы.

Василевский промолчал, хотя ему очень хотелось доложить Сталину о том, что 33-я армия, которой командовал генерал Ефремов, оказалась в окружении; что генерал был тяжело ранен и, когда возникла опасность попасть в плен, застрелился. Эта смерть вызвала самые невероятные слухи вокруг его имени. Многие моментально объявили его не иначе, как немецким шпионом, намеренно погубившим целую армию.

– Что еще? – спросил Василевского Сталин.

– Манштейн штурмует Севастополь! Положение крайне тяжелое...

Вождь устало махнул рукой и направился в комнату отдыха.

Комиссар Лебедев сидел в кабинете командующего фронтом и вникал в задачу, которую ему ставил Хозин.

– Поедешь во 2-ую ударную армию, – объяснял командующий. – Ты у нас боевой комиссар, орденосец. Будешь там помогать Власову и Зуеву. Армия голодает. Боеприпасы на исходе. Мы решили укрепить их тобой!

– Может быть, лучше укрепить армию боеприпасами и продовольствием? – осторожно подсказал Лебедев и с опаской посмотрел на члена военного совета Запорожца. – Наладить снабжение, решить транспортную проблему.

– Много разговариваешь, Лебедев, – произнес Запорожец. – Разве, ты забыл, что кадры решают все? Вот мы тебя и того, как лучшего комиссара тыловой службы, направляем на горячий участок! Гордиться должен таким доверием, а ты, похоже, в кусты. Там для тебя два мешка листовок уже приготовили – раздашь красноармейцам.

– Может быть, лучше сухарей, товарищ командующий? Кому там нужны сейчас листовки?

Хозин промолчал, а Запорожец выругался: ему явно не понравился тон Лебедева, но сегодня он был в хорошем настроении, так как, уже с утра, отправил шифровку в Главное политуправление Красной Армии, в которой сообщал, что тылы 2-ой ударной армии укрепили опытными работниками.

– Двумя мешками сухарей всю армию не накормишь, а несколько тысяч листовок обязательно поднимут боевой дух красноармейцев. Не хлебом единым жив человек!

– Предлагать голодным людям пропагандистские листовки – значит, оскорблять их человеческое достоинство! – продолжая упрячиться Лебедев.

Но Запорожец свирепо взглянул на него, и он замолчал. До вылета оставалось немного, и Лебедев заскочил к главному хирургу фронта, от которого узнал, что в окружении

находятся несколько тысяч тяжело раненных красноармейцев.

– Неужели, тысячи? – удивленно переспросил бригадный комиссар.

– Точных данных у меня нет, – пожал плечами Вишневский. – Связи, сами понимаете, никакой! Может быть, восемь тысяч; а возможно, и все двенадцать!

– Как же их вывозить оттуда? Да у нас и транспорта для этого нет.

Вишневский снова пожал плечами. Лебедев вышел от него и направился к ожидавшей автомашине, которая довезла его до аэродрома. Через три часа, он уже был в расположении 2-ой ударной армии и начал докладывать, как и когда фронт сможет переправить им боеприпасы и продукты питания.

– погоди, комиссар, – остановил его Власов. – Ты же сам понимаешь, что все это цифры, не более. Не важно, что планирует фронт, куда важнее знать, что происходит в реальности! Немцы целыми днями висят в воздухе и не дают нам возможности передвигаться. Мне не цифры твои нужны, а боеприпасы и продовольствие. Я не могу смотреть на бойцов, которые умирают от голода.

– А что, если отбивать продукты у немцев! – нерешительно предложил Лебедев.

– Это каким же образом? Мне тонны нужны, а не солдатский ранец с галетами! Впрочем, о чем я говорю: чтобы что-

то отбить, нужны боеприпас или мне их тоже отбивать у противника, товарищ бригадный комиссар?!

В блиндаже стало тихо. Андрей Андреевич снял свои роговые очки и, близоруко щурясь, оглядел подчиненных. Без очков он выглядел совершенно беспомощным и совсем не страшным.

– Предложение неплохое и даже дерзкое, – неторопливо продолжил Власов, – словом, в нашем русском духе! Но не кажется ли вам, товарищи командиры, что в этом кроется некая идеологическая неувязка? Ну, отобьем мы у врага продукты, накормим бойцов, а они скажут ну, и порядки, братцы, пошли свои фронтовые интенданты груши околачивают, а мы с вами на немецкое снабжение перешли. Допустимо ли это?

При этих словах Власов в упор посмотрел на сотрудника Особого отдела Шашкова; но тот, молча, отвернулся в сторону.

– Подобная ситуация – частный случай. Несмотря на тяжелые условия, люди продолжают верить в свое командование! Вот так-то, товарищ Лебедев.

Власов надел очки и снова превратился в привычного всем командарма, уверенного в себе и в своих подчиненных.

Начальник Особого отдела армии сидел в землянке, когда к нему вошел бригадный комиссар Лебедев:

– Здравствуй, Шашков. Насколько я знаю, ты планируешь продуктовую операцию. Мне бы хотелось лично принять в ней участие.

Чекист удивленно посмотрел на Лебедева:

– Товарищ бригадный комиссар, я не имею права рисковать вашей жизнью. Не дай бог, что случится, меня же расстреляют без суда и следствия!

– Ничего не случится. Вы не смотрите на мой возраст, все мои награды боевые, а не кабинетные.

Шашков колебался. Жизненный опыт подсказывал ему, что следует отказать бригадному комиссару в подобной просьбе, но тот словно прочитал его мысли и, улыбаясь, произнес:

– Вы не можете мне отказать. Во-первых, я – не ваш подчиненный, во-вторых, я старше вас не только по званию, но и по должности.

– Хорошо, – согласился Шашков. – Завтра придет Николай Смирнов со своими людьми; с ним и пойдете на поиск.

Группа Смирнова, усиленная бригадным комиссаром Лебедевым, шла по едва заметной тропе. Бойцы прошли около трех километров, когда, идущий впереди группы, Смирнов поднял руку. Где-то совсем рядом послышался шум мотора. Красноармейцы нырнули в кусты и затаились. Рядом с ними прошли двое гитлеровцев, похоже, это было боевое охранение. Следом, по настилу, двигался транспортер, на броне которого восседали немцы. Неожиданно, бронированная ма-

шина остановилась.

Комиссар Лебедев поднял автомат и дал очередь вслед немцам. Она поразила всех, кроме водителя транспортера, который выскочил из кабины и открыл пулеметный огонь. Николай бросил гранату, и пулемет захлебнулся.

– Скорее в машину! – крикнул Смирнов.

Бронетранспортер резко развернулся на настиле, едва не опрокинувшись в воду, и помчался в обратную сторону.

«Наследили!» – подумал Николай, увеличивая скорость и прислушиваясь к треску автоматов, которые, словно сорвавшиеся с цепи собаки, «лаяли» вслед.

Машина ускорила бег и выскочила на поляну, на которой находилось до взвода немецких строителей. Немцы не сразу поняли, что произошло. Они метались по поляне и падали, скошенные пулями и осколками. Вскоре все было кончено.

– Посмотрите, что в котлах, – распорядился Лебедев.

– Гречневая каша и рисовый суп, – ответил один из бойцов.

Смирнов подогнал бронетранспортер, и отряд, прицепив полевую кухню, направился в сторону своих позиций.

– Разрешаю всем участникам операции по котелку, – улыбаясь, произнес Лебедев, когда они оказались в расположении полка. – Ну, а на тебя, Смирнов, буду писать представление к ордену Красного Знамени.

Смирнов только усмехнулся в ответ.

– Чего ухмыляешься? – забеспокоился бригадный комис-

сар.

– Меня уже дважды представляли к медали «За отвагу»; но так и не вручили!

– Проверим и это.

К ним подошел Шашков и дружески похлопал Смирнова по плечу:

– Я вижу, удачно сходили?

– Просто повезло, второго подобного случая больше не будет, – ответил Николай и направился к бойцам, которые с жадностью поедали кашу.

Командующий 2-ой ударной армией склонился над картой. Сегодня в штаб был доставлен пленный унтер-офицер. Из его допроса следовало, что к северу от Мясного Бора немцы концентрируют крупные силы, они зарывают в землю танки, превращая их в доты; саперы, по ночам, ведут прокладку новых рокадных дорог. По всему выходит, что гитлеровцы готовятся нанести удар по русским дивизиям и бригадам, находящимся в «мешке».

«Медлить с отходом больше нельзя! – думал Власов. – Необходимо, как можно быстрее, покинуть болота и выбраться на плацдарм за Мясным Бором. Но, как собрать войска в единый кулак?! В небе постоянно дежурят немецкие самолеты, от которых невозможно скрыть перемещение войск в район удара».

– Соедините меня с командующим фронтом! – приказал он связистам.

Власов долго ждал ответа. В трубке слышались какие-то щелчки и шум.

– Извините, командующий фронтом находится в войсках, – доложил ему офицер связи.

– А, где Запорожец?

– Он тоже в войсках.

В трубке что-то затрещало; затем послышалась ломаная русская речь:

– Скоро вам всем конец! В случае сдачи оружия, немецкое командование гарантирует жизнь. Хайль Гитлер!

Власов, с нескрываемым раздражением, положил трубку. Было ясно, что немцы обнаружили линию связи и сейчас полностью контролируют все их переговоры. Взгляд Андрея Андреевича упал на машинописный лист, лежащий у него на столе. Это была директива командующего фронтом генерала Хозина. В ней Власову предписывалось объединить силы, расположенные к западу от реки Полисть, и нанести удар на восток, оставив в резерве лишь части, обороняющие основной рубеж и обеспечивающие безопасность флангов.

Десять советских танков двигались к реке Полисть, чтобы поддержать огнем пушек, выходящие из окружения части 2-ой ударной армии. Танковая группа была усилена бойцами 57-ой стрелковой бригады. Немцы встретили их плотным артиллерийским огнем. Измотанная в боях бригада, не име-

ющая артиллерии, залегла, не в силах оторваться от земли. Лишенные поддержки пехоты, остановились и танки. Было ясно, что попытка прорвать окружение захлебнулась. Оставляя на поле боя десятки убитых и раненых, советская пехота стала отходить обратно в лес.

– Что вы там топчетесь, Андрей Андреевич? – кричал в трубку вышедший на связь Хозин. – Нажмите! Не мне же вас учить, как нужно воевать!!

– Чем воевать, товарищ командующий?! Люди еле двигаются от голода! Поддержите нас огнем, ударьте по немцам!

Но генерал Хозин уже не услышал этих слов – связь прервалась. Потерпев неудачу, Власов решил повторить попытку прорыва. Сейчас он думал нанести удар в сторону Лесопункта. К 5 июня 1942 года генералу Власову удалось сосредоточить остатки четырех бригад и 46-ой стрелковой дивизии в лесах между речками Глушица и Полисть, однако скрыть это от немецкой разведки не удалось. Не успели войска подготовиться к удару, как налетели «Юнкерсы». В результате артобстрела и бомбовых ударов, немцам удалось рассеять части 2-ой ударной армии.

Власов не спал: он сидел за столом и рассматривал оперативную карту.

«Где же у вас слабое место? – размышлял он. – Где?»

По данным армейской разведки, немцы укрепляли позиции по всему фронту, ожидая атаку русских в любом направлении. На этот раз Власов решил атаковать гитлеровцев не

в светлое время суток, а ночью и без артподготовки. Однако внезапной атаки не получилось. Немцы встретили атакующие части шквалом огня, но боевой порыв бойцов 2-ой ударной был настолько мощным, что им удалось перейти речку Полисть и вклиниться в немецкую оборону.

Встречного удара, которого ожидал Власов, со стороны фронта так и не последовало. Фронтная артиллерия не поддержала огнем рвущихся на восток красноармейцев. Утром немцы бросили на них все, что имели. Они засыпали передовые части 2-ой ударной армии минами и снарядами. Бойцы отбивались от атакующей немецкой пехоты залпами из винтовок, в отдельных местах переходили в рукопашные схватки, проявляя нечеловеческую стойкость и силу духа, но этого оказалось недостаточно, чтобы выиграть бой.

В конце концов, части 52-ой армии проббили оборону немцев. В прорыв ринулись танки 7-ой танковой бригады. Казалось, еще немного и армии соединятся. Однако танкисты плохо знали местность. Танки завязли в болоте и были расстреляны немецкой артиллерией.

Жуков долго не мог соединиться с Мерецковым.

– Где ты пропадаешь? – не здороваясь, закричал он в телефонную трубку. – Тебя разыскивает Сталин! Нам с тобой приказано срочно прибыть в Ставку!

– А что стряслось? – испуганно поинтересовался Кирилл

Афанасьевич.

– Если бы я знал, – коротко ответил Жуков. – Давай ко мне, срочно, он ждать не любит!

Поскребышев выскочил из-за стола, как только в дверях за невысоким, плотным Жуковым показалась фигура Мерецкова.

– Вас уже ждут, идемте, – недовольным голосом сказал он.

В кабинете Сталина находились все члены Политбюро. У Мерецкова зарябило в глазах от множества лиц, повернувшихся в его сторону.

– Откуда вас вытащил товарищ Жуков? – недоуменно спросил Сталин. – Вы, случайно, не пешком добирались в Кремль?

– Никак нет, спешил к вам, товарищ Сталин! Разрешите привести себя в порядок. Двух минут хватит.

– Даем вам пять минут, – усмехнулся Сталин.

Когда Мерецков вновь вошел в кабинет вождя, все собравшиеся внимательно слушали выступление Молотова. Неожиданно для всех, Сталин прервал доклад министра иностранных дел.

– Как дела на Западном фронте? – поинтересовался он у Мерецкова.

– Готовимся отразить очередное наступление противника, – ответил тот.

Сталин поднялся из-за стола и медленно направился в его сторону. Встав напротив, вождь смерил Мерецкова взглядом

и произнес:

– Мы очень озабочены положением дел на Волхове. Не буду скрывать, что мы совершили большую ошибку, поверив генералу Хозину и объединив оба фронта. Генерал Хозин не только не оправдал наши надежды, он просто подвел нас! Под его началом войска не только не пробилась к Ленинграду, но и сумели потерять инициативу и завоеванные вами позиции. Мало того, он не выполнил нашу директиву о своевременном отводе 2-ой ударной армии. Теперь немцы перерезали все коммуникации, и Власов находится в железных тисках противника. Армия – на грани катастрофы, там гибнут сотни наших бойцов, теряя веру на выход из окружения. Нам тяжело говорить об этом!

В кабинете стало тихо.

– Мы восстанавливаем Волховский фронт, а вас снова назначаем его командующим. Поезжайте к месту службы, товарищ Мерецков. Болота – места для вас привычные! В помощь вам выделяем Василевского.

Сталин глянул в глаза Кириллу Афанасьевичу:

– Вы должны, во что бы то ни стало, выволить 2-ую ударную армию из окружения. В крайнем случае, пусть бросают тяжелую артиллерию, технику. Надо спасти людей, товарищ Мерецков! Приказ за номером 170450 о вашем назначении мною подписан...

Мерецков вышел из кабинета и направился к Василевскому. Навстречу ему шел генерал Хозин. Не поздоровавшись,

они прошли мимо друг друга.

КРАСНОАРМЕЙЦЫ, КОМАНДИРЫ, КОМИССАРЫ,
ПОЛИТРУКИ

ВТОРОЙ УДАРНОЙ АРМИИ

«Победоносное наступление германских войск привело к окончательному окружению. Захватом последней дороги вы отрезаны от ваших баз. Ваше положение безнадежно. Снабжение продовольствием отсутствует. В болотах вас ожидает неминуемая гибель. Бессмысленно вести дальнейшие контратаки против германских войск, они раздавят вас артиллерией, танками и авиацией, предотвратят каждую вашу попытку вырваться из окружения.

Не только на Волховском фронте, но и на всех других фронтах Красная Армия терпит неудачи и подвергается методичному уничтожению. Известно ли вам, что наступление маршала Тимошенко на Южном фронте под Харьковом провалилось, а большинство его дивизий окружены и уничтожены?

Прекращайте бессмысленное кровопролитие и переходите к нам. Только этим вы сможете избежать неминуемой гибели. Всем перебежчикам без различия воинского звания обеспечены жизнь и хорошее обращение. Вы получите квартиру, мы вас вдоволь накормим и дадим работу. Распространение ложных сведений о том, что германские войска рас-

стреливают пленных, является выдумкой вашего командования. Можете переходить на нашу сторону с пропуском и без пропуска, с вами будут обращаться, как с перебежчиками».

– Вот сволочи! – выругался боец, поймавший в воздухе листовку.

– Крылов, собери всю эту гадость и сожги! – приказал ему Смирнов.

Боец выругался матом и принялся собирать сброшенные самолетами листовки. Николай, снял с ног промокшие сапоги. Неожиданно его внимание привлек шум. Он обернулся: неподалеку по земле катались двое бойцов.

– Отставить! – громко выкрикнул Николай. – Что за драка?

Крылов поднялся с земли и стал сбивчиво докладывать:

– Товарищ лейтенант, вот этот гад спрятал листовку в карман. Я сам видел! Отдать ее мне он отказался. Ну, я ему и врезал!

Смирнов нагнулся к бойцу, под глазом которого выделялся большой фингал. Красноармеец был небольшого роста, с узким клиновидным лицом.

– Отдай листовку! – приказал Николай и протянул руку.

Боец скривил гримасу и достал из кармана аккуратно сложенный листок.

– Выходит, решил сдать? – усмехнулся Смирнов.

– Какая разница, как погибать?! – неожиданно закри-

чал красноармеец. – Товарищи, за что воюем?! Они там, в Москве, от жира лоснятся, а мы здесь кору едим! Хватит! Навоевались! Только дураки не понимают, что нам отсюда не выбраться, сгнием в этих топях!

К нему подскочил Крылов и с размаху ударил в лицо:

– Заткнись, гнида!

Боец охнул и повалился на землю.

– Крылов, посмотри, что у него в карманах, – приказал лейтенант.

– Вот еще нашел! – ответил Крылов.

Николай медленно развернул листок и начал читать:

ПРОПУСК

«Предъявитель сего, не желая бессмысленно проливать кровь за интересы жидов, оставляет побежденную Красную Армию и переходит на сторону Германских Вооруженных Сил. Он может перейти и без этого пропуска, крича при подходе к немецким позициям, штыки в землю! Немецкие офицеры и солдаты окажут перешедшему бойцу хороший прием, накормят и устроят на работу.

Пропуск действителен для солдат, офицеров и командиров, а также для комиссаров и политруков».

Смирнов смял пропуск, молча, взял из рук Крылова винтовку и выстрелил предателю в грудь.

Вернув винтовку, он направился туда, где сохли его сапоги.

Мерецков прибыл в Малую Вишеру поздним вечером.

«Все как прежде, – подумал он, – словно, и не уезжал никуда».

Кирилл Афанасьевич ответил на приветствие часового и прошел в свой бывший кабинет. У окна стоял Хозин. Увидев Мерецкова, он явно стушевался.

«Вот он, фигурант трагедии!» – невольно подумалось Мерецкову.

Получив ключи от сейфа, он вызвал к себе Коровникова и Яковлева и приказал им восстановить коридор у Мясного Бора.

На следующий день, 10 июня 1942 года, обе армии начали наступление. Предпринятое давление на немецкие войска, которые укрепляли захваченные позиции в Долине Смерти, оказалось бесполезным. Поддерживаемые авиацией, немцы успешно отразили все атаки 59-ой и 52-ой армий. Мерецков понял, что прорвать немецкую оборону он не сможет, пока не хватает артиллерии, танков и, главное, авиации.

– Кирилл Афанасьевич! Может, перетряхнем армии, отыщем резервы, – предложил Василевский.

– Перетряхивать нечего! – с горечью возразил Мерецков. – То, что я наскреб весной, Хозин передал Ставке. Какой сейчас толк сотрясать воздух?!

– Погоди, насколько я знаю, к нам прибывают две свежие дивизии; их и введем в бой.

Как только новые дивизии прибыли, Мерецков приказал нанести удар вдоль южной стороны дороги Мясной Бор – Новая Кереть.

– Товарищ командующий, но у меня всего один батальон! – возразил ему комбриг 7-ой танковой бригады. – Остальные еще на марше...

– Давай! – устало махнул рукой Кирилл Афанасьевич. – Там тебя твои горемычные братья ждут!

Комбриг хотел уговорить Мерецкова дожидаться пехоты, но понял, что спорить бесполезно. Напуганный очередным звонком Сталина, командующий фронтом стремился, любой ценой, добиться успеха. Несколько танков сходу устремились в атаку, однако пехота замешкалась и танки, расстреляв боезапас, повернули назад.

– Почему пехота осталась в окопах? – спросил Коровникова Мерецков.

– Разбираюсь, товарищ командующий.

– Вот-вот, разберись и доложи!

16 июня 1942 года Мерецков снова предпринял попытку прорвать немецкую оборону. На этот раз танки поддерживал батальон пехоты. Немцы встретили атакующих красноармейцев шквалом огня. Пехота залегла, и атака вновь захлебнулась.

На следующий день подошли новые танки, и Мерецков бросил в Долину Смерти еще четырнадцать машин, но все повторилось снова. Пехота, не выдержав плотного артилле-

рийского и минометного огня, сначала отстала от танков, а затем залегла. Танки прорвали немецкую оборону; но, без поддержки пехоты, повернули назад.

Коровников запаниковал. Мерецков и Василевский давили на него все сильнее и сильнее. Он бросал в бой все новые и новые подразделения, которые несли серьезные потери; но положение не менялось, ибо немецкая авиация господствовала в воздухе. С каждым днем атаки русских становились менее ожесточенными, и было ясно, что Красная Армия просто выдохлась.

2-ая ударная армия погибала, но не прекращала боев. 14 июня 1942 года противник потеснил ее части и зашел в тыл 327-ой дивизии генерал-майора Антюфеева. В какой-то момент Власов понял, что удерживать прежнюю линию обороны не имеет смысла, и дал команду к отходу с занимаемых позиций. Маневрировать армии не давали тысячи раненых, которыми были буквально забиты леса. Медикаментов не было, и бойцы умирали сотнями, не получив элементарной медицинской помощи. Умерших не хоронили: их оттаскивали в сторону и складывали в штабеля. Запах разлагающейся плоти буквально висел над позициями русской армии...

Корнилову вызвал к себе начальник госпиталя.

– Срочно собирайся и двигай в штаб! – приказал он ей.

– Кому это я в дивизии понадобилась? – удивилась Нина.

– Тебя в штаб армии требуют, а не в штаб дивизии, поняла? Явишься к комиссару Зуеву и лично доложишь ему о прибытии! – произнес военврач и посмотрел на живот Корниловой, выпирающий из-под гимнастерки. Нина быстро собралась, и отправилась в путь. Впереди нее шел сопровождающий красноармеец. Дорога в штаб армии проходила через редкий лесок.

– Ложись, дочка, – вдруг прошептал боец, – похоже, впереди нас немцы.

Нина скрылась в кустах и достала из кобуры подаренный Смирновым «Вальтер».

– Их надо остановить, – шептал боец, – иначе они такого натворят! Может, попытаемся?

Нина согласно кивнула. Красноармеец достал из-за пояса гранату, и они осторожно двинулись за немцами. Фрицы шли уверенно, очевидно, хорошо знали дорогу к штабу. Внезапно идущий впереди гитлеровец, поднял вверх руку. Немцы остановились и присели за кустами. Взрыв гранаты был столь неожиданным для них, что они не сразу поняли, что произошло. В следующий момент раздался выстрел, и передний фашист уткнулся головой в землю. Двое из уцелевших немцев увидели оставшегося безоружным красноармейца, и один из них выстрелил ему в лицо.

В лесу стало тихо. Немцы поднялись с земли и направились к телу врага. Они остановились над ним и стали о чем-то переговариваться, затем ефрейтор, достал из его кармана

документы. Он повернулся к своему напарнику; но в этот момент тишину разорвал одиночный выстрел. Гитлеровец выронил документы и, схватившись за грудь, повалился в кусты. Новый выстрел заставил второго немца взвыть от боли: пуля угодила ему в бедро. Из кустов вышла Нина, держа пистолет наизготовку.

– Хенде хох! – негромко произнесла она.

Гитлеровец послушно поднял вверх руки.

– Двигаай вперед! – приказала немцу девушка и ткнула его в спину.

Тот сделал шаг и громко застонал. Корнилова сунула пистолет в кобуру и, подняв с земли винтовку красноармейца, подтолкнула немца штыком. Он, медленно поплелся впереди, часто останавливаясь и с опаской глядя на Нину.

– Не бойся, фашист, я в беспомощных людей не стреляю! – сказала она и снова слегка подтолкнула его в спину.

– Стой! Кто идет?! – раздалось из кустов, и на дорогу вышел боец с винтовкой в руках.

Зуев сидел за столом и писал донесение в политуправление фронта:

– У нас нет ни грамма продовольствия. Многие бойцы страдают от дистрофии, вызванной истощением. Прошу вас выслать продовольствие и боеприпасы. Вынуждены отбивать атаки врага штыками и прикладами...

Нина заметила на столе фотографию молодой девушки.

– Это ваша дочка? – спросила она дивизионного комиссара. – Красивая...

– У меня два сына, – улыбнувшись, ответил он. – Это Таня. Разве, ты не читала очерк в «Правде»? Партизанка, замученная немцами в Подмосковье. Хочу дать тебе боевое поручение. Нужно вывести в тыл двух летчиков. Они нас с воздуха кормили, но были ранены и самолет их разбился. Еще бумаги важные повезешь. Самолет прилетит ночью. Собирайся в дорогу и береги себя!

– Товарищ комиссар! – умоляюще воскликнула Нина. – Я хочу выйти из окружения! Вместе с вами!

– В Малой Вишере встретимся, Корнилова, – ласково произнес Зуев. – И никаких отговорок – это приказ! Ты о ребенке подумай, ему еще жить надо, назло врагам!

– Ведь у меня здесь муж воюет; не хотелось бы расставаться с ним!

– Все будет нормально! А сейчас – лети: мы тут и без тебя управимся!

К взлетно-посадочной площадке раненых несли на руках. У одного из летчиков оказались ампутированы ноги, у другого было ранение в голову. На полосе было темно, так как огни могли привлечь немецкую авиацию. Около двенадцати ночи, прилетел «кукурузник». Бойцы быстро вывалили из него мешки с сухарями.

– Быстрее грузите! – торопили летчики. – Скоро рас-

свет...

Корнилова подошла к самолету. До этого ей не приходилось летать, и сейчас сердечко замирало от страха. Неожиданно самолет атаковали неизвестно откуда взявшиеся немецкие автоматчики. Завязался скоротечный бой. Нина так и не узнала, что бойцами, оттеснившими немцев, командовал ее муж – Николай Смирнов. Она думала о нем, надеялась на встречу с ним, чтобы сказать об ожидаемом ребенке, однако, судьба распорядилась иначе.

К самолету подбежал санитар и протянул ей записку от военврача, тот приказывал срочно вернуться в госпиталь!

– Прощай, миленький, – сказала она пилоту. – Возьмите вместо меня кого-нибудь из раненых.

К самолету подошел комиссар Зуев.

– Чего вы медлите? – послышался его раздраженный голос.

– Начальник госпиталя приказал мне вернуться обратно.

– Отставить! Выполняйте мое приказание! Вам ясно?

– Товарищ комиссар! Можно, я напишу два слова любимому человеку?

– Можно...

– Передайте лейтенанту Смирнову, – сказала она и протянула ему клочок бумаги.

Комиссар взял бумажку и прочитал текст: «Нас уже трое! Люблю!»

Самолет зашумел мотором и, пробежав по полосе, под-

нялся в небо.

Смирнова вызвал начальник Особого отдела армии Шашков. Николай, осторожно отодвинул край плащ-палатки и спустился в землянку.

– Не стой в дверях, проходи. Неприятные новости, Смирнов! – каким-то усталым, бесцветным голосом обратился к нему главный армейский чекист.

– Немцы снова прорвались?

– Они везде прорываются; латать все дыры в обороне – затычек не наберешься! Тут другое дело. Имеются сведения о случаях помешательства на почве голода. Сам-то ты как?!

– На зелень нажимаю; шатает, но держусь! Главное, бойцы в порядке.

– Так ведь терпят не все, есть такие, кто занимается каннибализмом!!

– Что нужно делать?

– Есть сведения, что в роте Храмова варят людей! Нужно проверить.

– А я здесь причем?! У вас же есть люди....

– Не спорь! – устало произнес Шашков. – Ты – человек проверенный, а вопрос довольно деликатный. Надеюсь, ты меня понял?

Смирнов, вместе с Крыловым осторожно вошли на маленький островок в стороне от дороги. Под лохматой елью,

прикрывавшей костер сверху, сидели семь человек. Над огнем висели несколько котелков. Ароматный запах вареного мяса ударил в нос Николая и едва не поверг его в обморок.

– Прикрой меня, – приказал он Крылову, сглатывая слюну. – Глади в оба!

Крылов кивнул и поправил автомат на плече.

– Кто такие будете?! – крикнул лейтенант, внезапно возникнув перед костром. – Устав забыли?! Я вам его быстро напомню!

Бойцы неохотно поднялись с земли, со злостью глядя на командира.

– Сержант Климов! – ответил чернявый парень невысокого роста.

Он был худ, но истощенным не выглядел.

– Красноармеец Гусман! – представился верзила с огромными ручищами, вылезавшими из коротких рукавов выгоревшей гимнастерки.

Остальные молчали.

– Чем занимаетесь?

– Мясо варим, товарищ лейтенант. А что, нельзя?

– Откуда мясо? Где взяли? Я жду!

Климов отвернулся, а Гусман вдруг хитро прищурился:

– Оленя завалили, товарищ лейтенант. Тут их навалом, ешь – не хочу!

– Как в хорошем заповеднике, – ухмыльнулся Климов. – Попробовать не хотите? Прекрасный бульончик получился!

– Оленя, говоришь? А где рога, туша?

– Что ты нас пытаешь, лейтенант? Ты, случайно, не из Особого отдела?! Тушу и рога мы в болото кинули, чтоб не мешали во время атаки.

– А ну, отойди в сторону, сержант! Покажи, что там?!

Николай глянул за его спину и увидел свежие берцовые кости. Ударом ноги, Смирнов опрокинул котелки; над костром поднялось белое облако пара.

– Обижает, начальник! – крикнул Гусман. – Мы сейчас и тебя завалим!

Николай рванул из-за пазухи пистолет. В руках Климова он увидел гранату; тот просунул палец в кольцо, но выдернуть чеку не успел. Короткой очередью из автомата, Крылов свалил его и Гусмана, который уже успел вытащить из-за голенища нож. Остальные испуганно подняли руки.

– Что будем делать, Кирилл Афанасьевич? – спросил Запорожец. – Там ведь одни доходяги! Самим им не выйти.

– Верховный нам за Власова голову оторвет, если мы не вытащим его из котла! Надо хотя бы его со штабом вызволить! Но как? Самолетам уже негде садиться.

В кабинет вошел офицер связи:

– Товарищ командующий, коридор у Мясного Бора пробит! Вторая ударная выходит из окружения.

Мерецков схватил телефонную трубку...

– Так точно! – ответил начальник штаба фронта. – Проход пока работает! Он узкий, всего четыреста метров. Пока выходят только раненые. Немцы бьют из всех стволов! Громадные потери, товарищ командующий.

– А что штаб армии? – спросил Мерецков.

– Нет связи. Полагаю, что Власов решил в первую очередь эвакуировать небоеспособную часть армии, а сам – готовит оборону горловины.

– Боюсь, что там все не боеспособны! – проворчал Мерецков. – И оборону держать уже некому...

К вечеру 22 июня 1942 года из котла вышло более двух тысяч раненых. Мерецков надеялся, что немцы не сразу закроют образовавшуюся брешь.

«Если коридор продержится хотя бы неделю, то Власов выведет армию!» – думал Кирилл Афанасьевич.

После отъезда Василевского в Москву, он почувствовал себя намного увереннее. Однажды Василевский предупредил его по дружбе:

– Кляуза на тебя, Кирилл Афанасьевич, имеется! Телега, как говорят в народе. Я взял на себя разрешение этого вопроса, поэтому скажу прямо, семейственность ты здесь развел. Сын при тебе воюет, и жена рядом. Нехорошо это!

Мерецков покраснел и шумно задышал:

– А что тут дурного?! Володька на переднем крае дерется, а Евдокия Петровна госпиталя опекает. Даром хлеб не едят! Скажи, а Сталин знает?

– Пока нет. Я ведь письмо придержал! А вот некий Белов, каким боком в штабе фронта? Кто он тебе?

– Брат жены, – смутился Мерецков. – Он инженер, в майорском звании.

– Почему в штабе, а не в саперном батальоне? Люди всякое болтают. Зачем тебе это?

Мерецков покраснел, как школьник.

«А ведь прав Василевский! – подумал он тогда. – Ни к чему мне такие разговоры...»

Мерецков не напрасно беспокоился за судьбу пробитого коридора. Вслед за ранеными, в проход втянулись части восточной группировки 2-ой ударной армии; начался отход и отдельных подразделений 59-ой армии, оказавшихся в кольце окружения. Вся земля пробитого коридора была устлана трупами, и выходящие из окружения красноармейцы были вынуждены шагать по телам убитых товарищей. В отдельных местах трупов было так много, что бойцам приходилось, чуть ли не карабкаться по ним.

В полдень немцы снова нанесли удар по горловине. Огонь артиллерии и минометов не утихал ни на минуту. Выход армии прекратился. Дороги, по которым планировалось снабжение продовольствием, горючим, боеприпасами, были полностью уничтожены немецкой авиацией.

24 июня 1942 года на короткое время удалось установить радиосвязь. В результате разговора Мерецкова с Власовым, было определено новое время и место прорыва. Атаку наме-

тили на 22 часа 30 минут.

Поскольку снарядов у 2-ой ударной не было, об артподготовке и речи не велось. Наступить решили тремя колоннами.

«Атаку довести до конца любыми средствами!» – такой приказ получили командиры всех частей, принимающих участие в прорыве котла.

Когда Власову стало ясно, что бензовозы с востока не подойдут, то всю оставшуюся технику решили уничтожить. Части армии разбили на три группы, в том числе, и штаб. Если бы выход из окружения возглавили боеспособные части, то они бы, наверняка, вышли из котла. Но подобное решение принято не было; сначала, по-прежнему, выходили раненные бойцы, за ними части первого удара, потом арьергард.

С тех пор, как пришла радиотелеграмма, Власов не проронил ни слова.

– Что молчишь, Андрей Андреевич? – спросил Зуев. – Как поступим?

– Будем выполнять директиву, – криво усмехнулся Власов. – Я хорошо понимаю Ставку, вызволять нас извне они считают нецелесообразным, а нам самим для этого не хватает сил!

– Но вы, как командующий..., – начал, было, Зуев.

– Командующий чем? – перебил его Власов. – Вы же сами читали, что 2-ой ударной армии больше нет! Ее высочайше

предписано расформировать, а нам – выходить из окружения отдельными группами! Действовать каждой самостоятельно. По сути это отчаянный призыв спасайся, кто как может! От нас с вами попросту отказались, комиссар!

Власов рванул ворот кителя так, что полетели пуговицы.

– Я верил Сталину, верил в наше правое дело, верил в победу, а тут эта директива!

– Все это так, – примирительным тоном произнес Зуев. – Но, нельзя же, сидеть, сложа руки, надо что-то делать!

– Подобное я испытывал в прошлом году, – продолжал, будто для самого себя, Власов. – Мне тогда повезло. Через месяц блужданий по лесам я вышел к своим с партийным билетом, зашитом в сапоге. Но повезет ли во второй раз?! Говорят, что снаряд дважды в одну воронку не попадает, так и человеческое везение. А если плен?

– Этому есть альтернатива! – произнес Зуев и приставил к виску палец.

– Пуля в висок?! – усмехнулся Власов. – Вот и я почему-то подумал, что все мы здесь для них уже трупы!

Зуев пристально посмотрел на Власова. В эти минуты он понимал его, как никто другой. Вместо того, чтобы как-то поддержать людей в эти сложные минуты их существования, директива Ставки не только лишала их веры, но и обрекала на полное забвение.

Наконец Зуев произнес:

– Иного выхода у нас нет, Андрей Андреевич! Но, пока не

наступила эта минута, нужно попробовать пробиться. Сейчас отправлюсь в 305-ю дивизию, надо поддержать людей.

– Нам с вами она не подчинена, это дивизия 52-ой армии Яковлева.

– Но ведь она, как и мы, в окружении, – возразил Зуев. – Им тоже надо выбираться отсюда. Там у меня знакомый комиссар!

– Удачи тебе, Иван Васильевич, – тихо произнес Власов. – Командовать чужой дивизией, когда мою собственную армию распустили, я не буду. Я – солдат! И выполню последний приказ, буду выходить из окружения в составе малой группы.

Зуев пожал плечами и молча, отошел от бывшего командарма. Он хорошо понимал настроение Власова и не осуждал его. Генерал оставался военным человеком, и лишиться армии означало для него потерять абсолютно все – честь, совесть, имя!

«А я – солдат партии! – размышлял Зуев, шагая по тропинке. – Моя задача сплотить оставшиеся силы и, ударив по врагу, прорвать кольцо и выйти к своим! В отличие от меня, Власов этого сделать не может. Приказ Ставки не дает ему возможности командовать боевыми частями. Формально, 2-ая ударная для него больше не существует, как не существует для Ставки и Волховского фронта! Ее списали из высших стратегических соображений. Но, для коммуниста Зуева красноармейцы не перестали существовать! Наверное,

Власов прав, что необходим еще один сильный удар, даже если таковой и не запланирован Ставкой...»

Наступила ночь на 26 июня 1942 года. Она оказалась ужасной: стремясь быстрее покончить с окруженной группировкой противника, не дать ей выйти из котла, гитлеровцы обрушили на ее позиции массированный огонь из всех стволов, ввели в дело ночные бомбардировщики.

2-ая ударная затаилась. Отвечать было нечем; вся техника уничтожена; машины и танки сожжены, люди валялись от голода и усталости. Немцы методически и безнаказанно громили дивизии и бригады, ведь, формально, армии уже не было, ей было приказано исчезнуть, то есть, просто испариться!

305-ая дивизия весь день готовилась к прорыву.

– Идем на прорыв, помогите огнем! – попросил Зуев, которому удалось связаться со штабом 52-ой армии. – Дайте залп по переднему краю немцев, подавите их пулеметные точки!

– Что ты там самовольничаешь? – грозно спросил Зуева Яковлев. – Какой еще прорыв?! Выполняйте приказ Ставки! И никакого артиллерийского огня, для вас не положено! По какой такой статье я потом спишу боеприпасы?

– Вы не можете нам отказать в этом. За моей спиной тысячи бойцов и множество раненых, которых нужно спасать. Вы слышите меня?!

Но генерал Яковлев уже положил трубку и, тем самым, обрек людей на смерть. Ни один снаряд не был выпущен, чтобы помочь тем, кого повел в штыковую атаку комиссар Зуев. Они атаквали, молча, стараясь подойти, как можно ближе, чтобы сойтись с гитлеровцами в рукопашном бою.

Фашисты встретили редкие цепи атакующих красноармейцев шквалом огня. Однако самоубийственный порыв обреченных красноармейцев был таким яростным, что им удалось выбить немцев из двух траншей. Зуеву показалось, что еще немного и они прорвут оборону гитлеровцев. Он уже видел окопы русских, которые молчали. Но, немцы бросили на безумцев свежие резервы.

– Товарищ подполковник, они расстреляли почти всех! – докладывал командиру дивизии чудом уцелевший комбат.

– Что с комиссаром Зуевым? Он жив?! – спросил комдив Соболев.

– Среди убитых не видел, но там, разве, разглядишь?! Покошили нас, словно траву. Все может быть...

Утром немцы перешли в наступление, после недолгой артиллерийской подготовки, но русские продолжали сопротивляться, на собственный страх и риск. Положение было аховое. Все отлично понимали, что большими группами им уже не прорваться.

Командир 305-ой дивизии Соболев слыл человеком опытным. Бросаться на немцев с открытым забралом было равносильно смерти, поэтому он вызвал в блиндаж капитана ин-

женерных войск.

– Знаешь дорогу через болота?

– Знаю, товарищ комдив. Зимой ставил в тех местах противопехотные мины. Если осторожно ступать, то можно пройти.

Соболь собрал всех, кто мог самостоятельно передвигаться. На берегу болота группа залегла, затем бойцы осторожно поползли друг за другом. Среди зарослей осоки расстилось минное поле. Они обогнули его и встали в полный рост. Предстояло пройти еще с километр...

– Тихо! – скомандовал Соболь. – Впереди немцы!

– За мной, братцы! – крикнул кто-то из бойцов и бросился бежать в сторону минного поля.

Все бросились за смельчаком. Они бежали прямо по минам, не обращая внимания на растяжки. Раздался взрыв, за ним другой, третий. Мины рвались прямо под ногами бойцов, задевая соседей; но они не останавливались, а продолжали бежать. Немцы, стояли на месте, заворожено наблюдая, как гибнут красноармейцы; им было не понятно, почему эти люди выбрали смерть вместо плена?

Более половины красноармейцев выбрались на берег. Они сумели выйти из окружения! Немцы, боясь напороться на мины, не стали их преследовать.

Ту ночь Мерецков провел в кабинете. Ему не спалось. Где-

то в глубине души шевелился червячок, называемый совестью. Генерал, отлично понимал, что лично виноват в сложившейся ситуации.

«Почему я надеялся на то, что Сталин выделит дополнительные силы? – размышлял он. – Нужно было выводить 2-ую ударную армию еще в марте, после первого окружения! Но кто бы меня тогда понял: Сталин? Василевский?»

22 июня 1942 года у Мерецкова возникла маленькая надежда, что 2-ая ударная сможет выйти из котла; но вскоре он понял, что у него просто нет для этого сил и средств.

«Эх, Хозин, Хозин! – с горечью подумал он. – Вот к чему могут привести амбиции одного человека».

– Общая атака в 22.30, – напомнил ему Власов. – Помогите!

Всю ночь Мерецков провел на ногах, ожидая выхода армии из Долины Смерти. Там полыхало сплошное зарево, доносился рев, в котором глохли звуки оружейно-пулеметной стрельбы. Утром, когда рассвело, появились первые уцелевшие в пекле бойцы и командиры. Многие едва передвигались, других несли на носилках. Заметив комбата, Кирилл Афанасьевич направился к нему:

– Где Власов? Что с командармом?!

Лицо майора было черным; грязь и гарь сделали его неузнаваемым.

– Не знаю, товарищ командующий. Я его не видел!

Мерецкову доложили, что минувшим вечером штаб ар-

мии двинулся к узкоколейке тремя группами, но был накрыт плотным минометным огнем. Одна из групп двинулась дальше, другие – попятились к командному пункту полковника Черного, надеясь переждать обстрел и повторить бросок. Вскоре стало ясно, что Долину Смерти заняли немцы.

– Товарищ командующий! – обратился к Кириллу Афанасьевичу офицер из Особого отдела фронта. – По нашим сведениям, генерал Власов жив. Его видели в районе узкоколейки.

– Миша! – обернулся Мерецков к ординарцу. – Даю тебе танковую роту! Жми вдоль узкоколейки. Доставишь Власова – будет тебе и командиру танка по ордену!

– Есть, товарищ командующий! – лихо, щелкнув каблучками сапог, ответил капитан и бросился в лесок, где стояла танковая рота.

Вскоре пять танков, на полной скорости, устремились в Долину Смерти.

Казалось, что лето существовало отдельно от войны. В промежутках между боями пели птицы. На пропитанной кровью земле ярко горели головки полевых цветов. Последнюю атаку, организованную штабом 2-ой ударной армии, генерал Антюфеев запомнил навсегда. Она носила такой отчаянный характер, что удивила даже немцев. Сотни шатающихся от голода бойцов и командиров пошли в штыковую

атаку. До рукопашного боя не дошло, цепи атакующих красноармейцев были сметены шквальным пулеметным огнем.

Иван Михайлович находился в подавленном состоянии. Он только что получил указание штаба. Руководство армии рекомендовало подразделениям выходить из окружения самостоятельно, мелкими группами.

– Они что там, совсем охренели?! – проворчал он и выругался матом. – Какими мелкими группами? А что делать с ранеными, они об этом подумали?!

Комдив понимал, что Ставка не желала им помогать и предлагала самим решить эту непростую задачу. Весь день остатки дивизии метались из стороны в сторону, пытаясь отыскать слабые места в обороне гитлеровцев. Остатки рот и батальонов гибли под автоматным огнем. Командиры, политруки стрелялись, чтобы не попасть в плен к немцам. Наряду с этим, многие подразделения, чуть ли не в полном составе, добровольно сдавались гитлеровцам. Брошенные отцами-командирами, голодные и беспомощные, они не находили другого выхода к спасению.

– Что посоветуешь, лейтенант? – спросил Антюфеев Смирнова, который, вот уже третий день, вместе с красноармейцем Крыловым, охранял комдива.

– На Мясной Бор идти бессмысленно – там немцы, наверняка, ждут нас! Надежнее всего, зайти к ним в тыл и осмотреться.

– Верно, лейтенант. Так и поступим, ударим там, где они

нас не ждут!

Собрав остатки дивизии, генерал хотел дождаться темноты, но тут из леса вышли немецкие автоматчики.

– Рус, сдавайся! – закричал немецкий офицер, заметив красноармейцев.

Бой был скоротечным. Потеряв две трети состава, группе Антюфеева удалось прорваться в тыл к немцам. Собрав возле себя оставшихся в живых, генерал поинтересовался мнением бойцов о том, как поступить дальше. Это выглядело немного странным, но генерал не решался навязывать измученным людям свою волю. Мнения разделились: одни предлагали остаться в тылу и искать партизан, другие идти на восток и пытаться вырваться из котла. Генерал предложил разделить группу на две: одна оставалась на месте, другая, вместе с комдивом, направлялась дальше.

– Лейтенант, – обратился к Смирнову комдив. – Если хочешь, можешь идти самостоятельно, я настаивать не буду!

– Извините, товарищ генерал-майор, но у меня приказ – быть с вами!

– Я отменяю этот приказ! Вы свободны в своих решениях.

– Вы не можете его отменить – это приказ командующего армией!

Антюфеев усмехнулся. Армии уже не было, как и командующего ею...

– Хорошо, лейтенант. Мы возьмем с собой еще комиссара Гладышко. Не возражаешь?

– Никак нет. С комиссаром даже надежней! Предлагаю двигаться в район Спасской Полисти...

– Веди, лейтенант. Вручаю тебе судьбу отряда...

Группа поднялась и медленно двинулась дальше. Взрыв мины подбросил генерала Антюфеева в воздух и с силой ударил о землю. На какой-то миг он потерял сознание. Комдив очнулся оттого, что кто-то тащил его волоком по земле; это был комиссар Гладышко. До ближайших кустов оставалось всего ничего, когда из них выскочили двое гитлеровцев.

– Хальт! Хенде хох! – закричал один, целясь в них.

Короткая очередь свалила фашистов на землю – это стрелял Смирнов. Где-то, совсем рядом, ухнули два взрыва. Затем из кустов выломился отряд немцев.

Николай видел, как гитлеровцы окружили комдива и комиссара. Он поднял автомат и тщательно прицелился. Согласно полученного приказа, он должен был застрелить комдива, если возникнет угроза его пленения! Однако, фрицев было слишком много, а в вещмешке у него хранилось знамя дивизии, которое передал ему Антюфеев. Смирнов вздохнул и опустил автомат.

Генерал Власов стоял возле дерева в окружении офицеров штаба.

– Назначаю генерала Афанасьева комиссаром группы прорыва, – произнес Андрей Андреевич.

«Это что же получается? – подумал Афанасьев. – Я его чуть из партии не вычистил, а он за все время, что командовал армией, ни разу не напомнил об этом! И теперь, когда мы все в таком незавидном положении, доверяет мне партийное руководство. Тут что-то не так!»

– Что скажете бойцам, товарищ комиссар? – обратился к нему Власов.

Речь Афанасьева была короткой и пламенной. Атаку запланировали на 25 июня. Ночь выдалась беспокойной; несмотря на тишину, немцы то и дело пускали в небо осветительные ракеты. Группа Власова, попавшая под минометный обстрел, свернула вправо в надежде уйти от засады. Но, там было то же самое. Горело все, что могло гореть. Иногда казалось, что горит само болото.

Началась немецкая атака. Гитлеровцы двигались вдоль просеки, вопя на весь лес: «Рус, сдавайся!»

– Комиссар, соберите бойцов и отбросьте противника! – приказал Власов, который, несмотря на обстрел, открыто стоял у дерева. Он словно искал смерти, но она, почему-то, обходила его стороной.

– Ложитесь, товарищ командарм! – выкрикнул Афанасьев. – Стреляют! Опасно!

Но Власов только усмехнулся и пожал плечами.

– Командуйте группой прорыва! – приказал он полковнику Виноградову.

– Не могу, товарищ командующий армией.

– Можете! Согласно директиве Ставки, армии больше нет!

– А где Зуев? – спросил Афанасьев. – Почему его нет среди нас?!

– Отправился в 305-ую дивизию. Хочет попытаться выйти в ее составе!

Афанасьев отошел в сторону и со злостью посмотрел на Виноградова.

Неожиданно от группы Власова отделился командир 259-ой стрелковой дивизии, полковник Черный, который решил выходить малой группой.

– Не могу удерживать вас, полковник. Сейчас каждый выбирает свой путь спасения. Будет ли он счастливым, знает один лишь Бог, – напутствовал его Власов.

Они обнялись и разошлись в разные стороны. Группе Власова повезло, она наткнулась на переправу и, без всяких приключений, перешла на другую сторону реки. Отряд двинулся дальше, но люди устали, хоть и прошли небольшой путь.

Виноградов объявил привал, отправив вперед небольшую группу майора Свиридова. Неожиданно она напоролась на немецкий пост. Завязался бой. Свиридов получил ранение в грудь, а идущий за ним боец был убит наповал.

– Что будем делать? – спросил Виноградов Власова. – Еще одни сутки, и люди не смогут идти дальше.

Власов молчал; он был явно подавлен происходящими событиями.

– Здесь неподалеку находится деревня Шелковка, может быть, рискнем? – предложил Виноградов.

– Что же нам еще остается, – согласился генерал.

В деревне оказался большой отряд полицейских. Снова завязался бой. Продуктов добыть не удалось. Так продолжалось около трех недель. Бойцы питались корой, травой, грибами. Они варили кожаные ремни. Вечером, все собрались на небольшой поляне.

– Мы считаем, что таким отрядом не пробиться, – объявил Виноградов. – Нужно разбиться на более мелкие группы, каждая из которых выберет свой маршрут. Предлагаю составить списки, кто с кем пойдет.

– Не согласен! – твердо произнес генерал Афанасьев, оказавшийся, в последний момент, в группе генерала Власова. – Предлагаю всем идти на реку Оредеж. Там есть озеро Черное. Будем ловить рыбу, а наши разведчики начнут искать партизан, через них можно будет связаться с нашим командованием.

– Дело ваше, идите, – разрешил Виноградов.

Генералу выделили четырех бойцов; но тут к нему подошел политрук из группы Власова.

– Разрешите и мне с вами, товарищ генерал-майор!

– Не возражаю, – не скрывая радости, произнес Афанасьев.

– Ты что чужих людей к себе переманиваешь? – возмутился начальник штаба. – Предписано малыми группами, а ты снова отряд собираешь.

Афанасьев промолчал и посмотрел на Власова; тот молча, кивнул.

– Куда собираетесь идти? – спросил Афанасьев Виноградова.

– Мы еще не приняли решение, – ответил тот. – Пойдем, когда разойдутся все группы.

«Мудрое решение, – подумал Афанасьев. – Если кто-то попадет в плен, то не сможет указать маршрут движения группы Власова».

Темнело. Лес затих, ни шороха, ни огонька.

Перед уходом генерал Афанасьев тепло простился с Власовым.

– До свидания, товарищ командующий, – кашлянув, закончил он. – Если найду связь, то сообщу о вас! Не поминайте лихом!

– Прощай, брат Афанасьев! – протянул ему руку Власов. – Удачи тебе!

– И вам удачи, Андрей Андреевич!

Власов вяло улыбнулся. Ему было явно тяжело провожать уходящих в ночь бойцов и командиров. Группа Афанасьева пробиралась ночами, стараясь обходить немецкие посты.

Голод становился невыносимым. Стоило закрыть глаза, как виделась еда. Рано утром группа наткнулась на большой муравейник. Разворошив его палкой, бойцы, не стесняясь друг друга, стали поедать яйца с личинками, слизывая с пальцев встревоженных насекомых. Заморив червячка, группа двинулась дальше и вскоре наткнулась на дремавшего на пне мужичка с винтовкой в руке.

– Кто такой?! – грозно спросил его генерал.

Заметив на незнакомцах красноармейскую форму, мужчина улыбнулся:

– Из партизан я...

– Почему спишь на посту?

– Я не спал: просто, задремал немного, – оправдывался тот. – А вы кто будете?

– Веди нас к командиру! – потребовал Афанасьев.

Через день в штабе фронта уже знали о группе Власова. Партизанами были сформированы две поисковые группы.

О том, что Власов угодил в плен, не знал никто: ни партизаны, ни генерал Афанасьев. За генералом отправили самолет. Встретив его в Малой Вишере, Мерецков позвонил Маленкову в четыре часа утра и сообщил, что генерал Афанасьев благополучно прибыл.

– Товарищ Сталин просил сообщать ему о вашем здоровье! – сказал Мерецков Афанасьеву.

Генерал Афанасьев просто засиял. Он никак не мог поверить в то, что Сталин лично беспокоится о его судьбе. Когда

восторги утихли, Мерещков отвез спасенного в госпиталь.

– Отоспись, Алексей Васильевич, – дружески посоветовал он. – Приди в себя, успокойся.

Когда Афанасьев проснулся, он увидел товарища из Особого отдела фронта.

– Мне нужно с вами срочно переговорить, товарищ генерал-майор!

«Беседа» продолжалась несколько часов.

Сталин сидел за столом. Он только что закончил работать с документом, который, как он считал, должен был остановить отступление Красной Армии в излучине Дона. В дверях без вызова возник Поскребышев, и Сталин вопросительно посмотрел на него.

– Товарищ Сталин, только что позвонил Маленков. Командующий Волховским фронтом доложил ему, что генерал Афанасьев успешно вывезен из партизанского отряда.

– Это хорошо, – кивнул Сталин. – А генерал Власов? Что с ним?!

– Извините, но о судьбе Власова пока ничего неизвестно!

О пленении бывшего командующего 2-ой ударной армией немцы сообщили не сразу. Первыми об этом узнали партизаны, но до тех пор, пока не появилась листовка с фотографией Власова, он считался пропавшим без вести. Его и спутницу Марию задержали полицаи в деревне Пятница, в

двадцати километрах от станции Чудово.

К железной дороге, возле деревни Коломовка, вышел комиссар Зуев. Заметив его, местные полицейские открыли огонь. В ходе скоротечного боя, комиссар и два сопровождавших его красноармейца были убиты.

Николай Смирнов остался один. Сегодня утром они натолкнулись на немецкий патруль. Это произошло так неожиданно, что все растерялись. Они стояли друг против друга, сжимая автоматы и не решаясь открыть огонь, но это продолжалось какую-то долю секунды. Крылов первым нажал на спуск, и струя свинца опрокинула немцев на землю.

– Уходим! – крикнул он и нырнул в кусты.

На тропинку выскочил отряд гитлеровцев. Николай бросил гранату, взрыв прогремел между ним и немцами. Он не сразу почувствовал боль; но, сделав несколько шагов, упал на землю.

Уцелевшие немцы бросились к лежавшему на земле Смирнову. Неожиданно по ним ударила автоматная очередь.

– Уходим, товарищ лейтенант, – услышал Николай голос Крылова, – пока они не забросали нас гранатами!

Смирнов попытался встать, но резкая боль повалила его на землю.

– Уходи, Крылов, я прикрою тебя! – крикнул Николай.

– Я вас не брошу! – ответил тот и, взвалив его на плечи,

двинулся сквозь кустарник.

Немцы не стали их преследовать и, постреляв по кустам, ушли обратно в лес. Крылов положил Николая на землю и, вспоров штанину, осмотрел рану.

– Все нормально, товарищ лейтенант; заживет быстро, – успокоил он. – Но почему фашисты не пошли за нами?

– Чего ж здесь странного? В этих лесах бродят тысячи наших бойцов, на всех хватит! У тебя есть вода?

– Пусто, товарищ лейтенант. Сейчас наберу из родника.

Крылов поднялся с земли и, прихватив автомат, направился к орешнику. Пройдя метров тридцать, он обернулся и помахал Смирнову, словно прощался с ним. В тот же момент, его фигура скрылась в дыму и земле, поднятой взрывом противопехотной мины.

Смирнов сделал несколько шагов и остановился, физически ощущая, как уходят последние силы. Постояв с минуту, он медленно двинулся по лесу, опираясь на палку: от дерева к дереву – туда, где вставало солнце. Волна безысходности накатывала на него всякий раз, когда он останавливался, чтобы перевести дух. Он боялся впасть в забытие и попасть в плен к немцам.

Смирнов присел под деревом и аккуратно стащил с себя гимнастерку. Оторвав полосу от нательной рубахи, он заменил старый, пропитанный гноем бинт и, прислонившись спи-

ной к дереву, закрыл глаза.

Очнулся он от голосов со стороны тропинки. Говорили на русском языке.

«Кто это, – подумал Смирнов, – окруженцы или полицаи?»

Николай передернул затвор автомата и положил рядом гранату. Это была последняя граната, которую он приберет для себя. Вскоре на тропинку вышли несколько вооруженных бойцов. Обросшие бородами, одетые во что попало, они мало напоминали бойцов Красной Армии, но их выдавали звездочки на выгоревших от солнца пилотках.

Из их доклада следовало, что немецкое командование, озабоченное частыми исчезновениями своих солдат, решило окончательно зачистить леса и болота. Гитлеровцы двигались от опушки леса широкой цепью, расстреливая кусты и забрасывая гранатами пустые блиндажи и окопы.

– Уходите, товарищ лейтенант, мы задержим их! – предложил старший группы. – Спасайте знамя!

– Хорошо, – согласился Николай.

Они бросились в кусты и буквально растворились в них; вскоре позади него вспыхнул бой.

Смирнов торопился оставить место своего вынужденного отдыха. Бой то затихал, то разгорался с новой силой, когда он добрался до опушки, раздалось несколько взрывов и стало тихо.

Николай выбился из сил; он лег, подставив тело летне-

му солнцу. Запах разнотравья кружил голову. Над цветами летали пчелы, гудя, словно тяжелые бомбардировщики. Он вспомнил о последней недолгой встрече с Ниной:

– Нина, это правда, что у нас будет ребенок? Интересно, сын или дочь?

– Не знаю; главное, чтобы он родился!

– Прости, что не смогу, в такой важный момент, быть с вами.

– Ты всегда будешь с нами, где бы ты ни был!

Смирнов улыбнулся и погрузился в беспокойный сон.

Хлесткий, как удар кнута, выстрел заставил его открыть глаза. По полю, растянувшись в цепь, шли немецкие гранатеры. Высокие, белокурые, они были похожи на братьев-близнецов, только таких близнецов было слишком много.

«Хватит отступать! – подумал Смирнов. – Хватит бегать от немцев!»

Николай развязал мешок и убедился, что знамя дивизии, по-прежнему, находится в нем. Затем он завязал его и сунул в дупло большого дерева.

«Вот и все! – думал он. – Жалко, что не увижу своего ребенка. Интересно, как она его назовет? Впрочем, какая разница? Ведь это мой ребенок, моя кровинушка, мое семя!»

Привалившись боком к дереву, Николай нажал на курок. Немецкий офицер дернулся и, выронив пистолет, повалился

в траву. Смирнов втянул голову в плечи; перед его лицом заплясали земляные фонтанчики, поднятые пулями.

– Давай, смелее! – закричал он. – Смотрите, как умирает командир Красной Армии!

Он снова нажал на спуск и улыбнулся, заметив, как повалились еще несколько гитлеровцев. Недалеко, грохнул взрыв гранаты. Осколки роем пронесли над его головой. Между деревьями показались фигуры немецких солдат. Николай прицелился и, почувствовав, как в плечо привычно уткнулся приклад автомата, снова улыбнулся. Раненый, в живот немец взвыл, как затравленный зверь. Снова грохнула граната; комья земли застучали по спине Смирнова.

Вскоре немцы перестали стрелять и укрылись в траве, неподалеку от Николая. Он огляделся вокруг и вдруг заметил малиновый огонек иван-чая.

«Совсем как в том бою..., – подумал Николай. – Но дважды не повезет!»

– Рус, сдавайся! – раздалось совсем рядом.

Смирнов выпустил последние патроны и выдернул чеку из гранаты. Он ждал, прислушиваясь к осторожным шагам немецких автоматчиков. Их было четверо. Рослые, сытые, они глядели на него, нагло улыбались. Один из них изобразил нечто непристойное, и остальные громко загоготали. Николай медленно разжал пальцы. Взрыва он не услышал: перед его глазами сверкнуло голубое небо, и он полетел куда-то в черную бездну...